

† 306 дѣлѣтѣ
† 306 дѣлѣтѣ
† 306 дѣлѣтѣ

Имдэгдгити Насуми

Сечилмилл
иллик асарларил

ики чилдгә

2

чилд

Бакьл. 1976

1-4145/5

Имдэгдгити Насуми

21

Изберддигд
илликд

в гвух томдх

2

том

И. Ф. Ахундов адига
Азербайжан Республика
КИТАБХАНАСИ
1976

135/16/1 + 43

Составитель, редактор и автор примечаний
профессор *Рустам Алиев*.

Диван (фарси), Тегеран, 1974

И 7043-14 202-75
М-651-70

☞ Перевод на русский язык. Азербешр. 1976

Jazellu

И днем и ночью неотступно твой образ предо мной стоит.
И пусть любовь к тебе навеки над жизнью пламенем горит.

Любовь к тебе жила всечасно в душе измученной моей,
Еще тогда, когда мой облик был в эту форму не отлит.

С благоговейною молитвой пред ликом падаю твоим,
Пока есть Кыбла, так и будет — ведь вера стойких что гранит.

Я вовсе не желаю рая, и райский сад не нужен мне, —
Твой лик мне — райский сад прекрасный, блаженство рая он дарит.

Когда развеет прах мой ветер, чело мое, и прахом став,
К порогу твоему святому вновь поклониться прилетит.

Ты — мира красоты вершина, тебя изящней в мире нет,
Печать любви к тебе всецельной на мне от вечности лежит.

Мы, как незримые частицы, затеряны в любви к тебе,
Вражда нас и найти не сможет, и нас она не сокрушит.

Всегда глаза влюбленных верных глядят на милую свою.
Хотя порою дорогая несчастных мучит и томит.

Последний вздох свой испуская, я буду думать о тебе.
Мечта о трепетном свиданье в душе у Насими царит.

Душа моя к стану стремится, что схож с величавой тубой,
«Туба — достояние верных» — прекрасен аят всеблагой.

Влюбленного Кыбла и вера — один лишь возлюбленной лик.
Покуда я знать буду Кыблу, и вера пребудет со мной.

Еще в бытии изначальном клялись мы друг друга любить,
И наш уговор будет вечен — ведь схож он с твоей красотой.

Погибнут и вера и разум от вихря волнистых кудрей,
Влюбленные в кудри любимой, погибнут и сердце с душой.

На миг ко мне сон не приходит, причину не трудно сыскать —
Естит у меня свита шаха — твоей красоты неземной.

Когда мне привидится лик твой в ночном неожиданном сне,
Лачуга моя вознесется, как рай, высоко над землей.

Кровавые слезы и бледность, расскажут они обо мне,
Взглянув на лицо мое, сразу ты скажешь, какой я больной.

Напрасно, о сердце, ты молвишь врачу о недуге моем,
Недуга души не излечит лекарствами лекарь простой.

Коль лик свой султан наш покажет, то звезд повелитель пред ним,
Надев пояс рабства, склонится покорным и верным слугой.

Кудрей ее благоуханье вызывает, что миг, к Насими:
«Насим, ветерок, благотворный, какой ты нам близкий родной!»

Чашница! Покоя нет душе, к лалам я твоим тянусь.
Ты наш Хызр! Неси вино скорей — я к воде живой стремлюсь.

С чашей губ твоих в предвечности заключил я договор.
Пусть пребудут в бесконечности чаша лалов, наш союз!

От недуга беспощадного лишь одно лекарство есть:
Лишь с любимого свидание, я любимую клянусь!

В двух мирах для всех желанная ты — душа и ты — любовь.
Без тебя души не надо нам, это — бесполезный груз.

Райский сад для нас — та улица, по которой ходишь ты,
От другого сада райского я, конечно, откажусь.

От разлуки с ликом сладостным горестный ослеп Якуб.
Скоро ль из колодца выйдешь ты, о Юсуф наш, не дождусь...

Что глядеть на базилики нам, и на розы что глядеть?
Я стремлюсь к твоим лишь локонам, и к ланитам я стремлюсь.

Скоро через щель покажется дым сердечного огня,
Хоть его от глаз скрываю я, все ж прорвется он, боюсь!

Только лишь с ковчегом Ноевым от грозы спасешься ты
В час, как по горам с долинами я слезами разольюсь.

Ты — ценнейшая жемчужина океана чувств моих,
Я, как водолаз, нашел тебя — и собою я горжусь!

Лик и кудри твои созданы богом, как огонь и дым,
Как аят безмерной милости он послал тебя, божусь.

Я читал уж в безначальности свиток твоего лица,
От Корана лика милого никогда не оторвусь.

Отдал я всю жизнь служению дорогим кудрям—и что ж?
Кроме горя и злосчастия ничего я не добьюсь.

Насими, в тебя влюбившийся, кружит, словно небосвод.
Пленником оков безрадостных я и до сих пор кружусь...

Я от любви моей безмерной всегда кружусь, как небосвод.
В душе моей любви страданье, как бедственный пожар, растет.

Пока во мне меня хоть капля, в тебе хоть след твой будет жить,
К моей любимой вечной чувство в душе страдальца не умрет.

Послушай, в царствии небесном какой стоит немолчный шум!
То на закате и восходе мой голос «Господи!» — зовет.

Я потому живу на свете, что милую мою люблю,
Что превратил меня в пылинку любимой нестерпимый гнет.

Зерцало образа любимой одно лишь может уловить
Моих очей частицу праха — то, что пока еще живет.

Мой вздох любви в печальном теле с водою землю сжег до тла,
Все влажное и все сухое во всей вселенной он сожжет.

Пока я схож с водой текучей, покорно льюсь к твоим ногам,
Мое чело, гордясь той честью, до звезд небесных достает.

Одно твое лицо всечасно в моих глазах отражено,
Лишь зеркало лица любимой меня всегда к себе влечет.

Глаза мои, довольно лить вам потоки безотрадных слез,
Иль буря слез моих кровавых весь этот бренный мир зальет.

Как Насими, чистосердечно будь прахом Фазлуллаха ног,
И достойным твоим станет и милость божья и почет.

Если б только мы знали все, что с нами случится,
То должны были б слезы вечно литься и литься.
Очи сердца откройте и подучше взгляните —
Жизнь уходит, а с миром все вам жалко проститься.
Прибыль мира нужна вам, вы забыли о вере,
Но от блага мирского трудно ль вам разориться?
Длинный путь, бесконечный пред нами простерся,
Повнимательней будьте, ведь легко заблудиться.
Этот путь без изъята предстоит всем нам, людям.
Кто не верит, пусть взглянет поскорей на гробницу.
Если лук небосвода будет туго натянут,
То стрела хоть в кого может сразу вонзиться.
Насими, когда солнце светом мир заливает,
Как пылинкам в сиянье, всем придется нам скрыться.

Твои глаза от тихой жизни всегда к вину зовут меня,
А кудри, схожие с цепями — они с ума сведут меня.
Оставил я вино и чашу, с кувшином распростился я,
И что ж? Уста твои хмельные опять к вину ведут меня.
Пусть от стремленья к виноцветным губам я стану прахом весь,
Все ж от влеченья к винной чаше все беды не спасут меня.
Я мушку-зернышко увидел на щечке милой и сказал:
В силоч кудрей такие зерна наверно увлекут меня.
От тех, кто сотни раз сожжен был, лицо-светильник не скрывай,
Пускай как мотылек, всечасно лучи палят и жгут меня.
Захид, зачем меня ты просишь красавиц бросить и вино,
Мой слух—не твой, такие сказки, поверь мне, не займут меня.
Всю жизнь мою я не расстанусь с вином и обществом гуляк.
Захид и хижина захида уморят и убьют меня.
В развалинах унылых тела увидят клад любви к тебе,
Когда убитого судьбою, печального найдут меня.
Покуда в мире будет Кыбла, я буду пред тобой склонен,
Пред Кыблою иной склоненным вовек не обретут меня.
Прах стоп ее к челу приложит, как бы корону, Насими,
Такие почести, конечно, до неба вознесут меня.

И гурни и рай не нужны людям, покорным только Истины служенью,
И гурни и рай для тех лишь средство, кто к твоему стремится лицезренью.

В день Воскресенья, несли стан твой стройный, тебе подобный, бросит тебь
То осенит сонм ангелов, наверно, тубу небесную твою сенью, свою,

Когда твое изящество не будет снять в селеньях райских день и ночь,
То рай блаженный скоро станет адом от вздохов мудрецов, от их горенья.

Забота о мирских делах и вере нисколько не волнует мудрецов,
Ведь веры пыл и мысль о бренном мире мешают лишь высоким дум паренью.

В обители, где постоянным гостем живет мечта о встрече с дорогой,
Заботам места нет о бренном мире и о загробной жизни размышленью.

Светильник лика твоего благого лучом своим коснулся раз Исы,
И сделали поэтому лишь люди с тех пор Ису предметом поклоненья.

Краса твоя настолько совершенна, что и Мани ее не передаст,
Когда он мыслит о тебе—какие мечты встают в его воображеньи!

Лицо Лейли увидев, превратился в Меджиуна-сумасшедшего Меджиун.
Увидев красоту моей любимой, Лейли меджиуном станет, без сомненья.

Султаны мира—это попрошайки на улице возлюбленной моей,
Не нужен им Хосрова трон великий, к его венцу у них уж нет влеченья.

Мне вынести легко ханжей укору и притесненья бешеных врагов,
Коль Милость Бога с Насими пребудет, об этом возносящим все моленья.

На небосклоне уж утро проснулось—чашу по кругу пусти!
Пыль беспокойства несчастного ринда всю без остатка смети.

Полно, суфий, в уголке тебе жаться, чашу возьми у гуляк,
Сколько варить в котелке своем глупом бред свой? Пора, прекрати!

Время свое не губи понапрасну, миг твой счастливый—вот он.
Круговорот вечно полон коварства—дней своих не упусти.

Круговорот—ювелир! В золотую чашу мой прах ты отлей,
Может, устами коснусь ее лалов я хоть на этом пути.

Постником благочестивым ославлен я на сегодня, увы,
В день Воскресенья как стыдно мне будет, господи боже, прости!

Ты напоказ поклоняешься богу, идолам тайно служа,
Брось ты холодным кумирам служенье, лик свой от них отврати.

Утренний ветер! Коль встретишь мой светоч в обществе ночи—тогда
Ты о моих бесконечных страданьях радость мою извести.

Ведь без кудрей твоих, ночи чернее, мрачен, печален мой день,
Ночь мою сделай ты днем лучезарным, утром лица освети.

Ты, обольщаемый завтрашней жизнью, гурий мне не обещай,
Я наслаждаюсь сегодня любимой, счастье мое не муди!

Кудри и родинка душу и сердце манят искусно в силок,
О, как прекрасны зерно и силок твой, в мире таких не найти.

«Ламом» стал стан мой в разлуке со стройным станом—«алифом» твоим,
Ночью сплетется ли «лам» мой с «алифом»—иль до тебя не дойти?

Прах Насими был в предвечности давней алым замешан вином,
О луноликий наш чашник, скорее нас тем вином угости!

О ты, чье лицо — точно чаша Джемшида, что мир отражает, зеркала ясней,
В нем бога величье, и сущность, и свойства—лишь лик твой открой, он
такой чудодей.

Краса твоих черт—это ль не отраженье божественной сущности, света небес.
Суть бога нам стала звездой путеводной в твоей красоте, что влечет всех
людей.

Владыка небес—он ведь схож с твоим ликом, и можно уже не смотреть на
него,
А тридцать две буквы лица к нам с зенита упали в ночь Кадр, стали нам
всех милей.

Стал явью для нас ныне день Воскресенья—недаром твой лик с полнолу-
нием схож:
Когда ж свои кудри ты на двое делишь, то делится на двое месяц, ей-ей.

В день праздника тридцать две буквы святые на лике твоём горят светлым
огнем,
И тут на ланитах твоих светозарных является суть тридцати двух речей.

Тот кто, словно ангел, сочтет своим долгом склониться покорно пред ликом
твоим,
Тот в день Воскресенья получит в награду ланит твоих рай, наслажденье
очей.

Пред ликом твоим преклоняюсь всегда я, ведь ты моя Кыбла, святыня моя.
В молитвах моих лишь ему излагаю я просьбы и нужды—царю всех царей.

1-4145/5

Во время молитвы одно только славлю—один лишь твой лик лучезарный,
и все.
И бог наградил меня—дал лицезреть мне сияние лика, что солнца светлей.
Господь не признал поклоненья другого—лицу твоему поклоняться велел,
Отныне ему одному лишь молюсь я, и с каждой минутою все горячей.
Господь был создателем—после стал первым читателем свитка лица твоего,
Главу «Исцеленье» прочтя, стал он жертвой любви к красоте беспримерной
твоей.
Он, всем совершенным подобно, влюбился в свое совершенство, стал жерт-
вой красоты,—
Ведь тот, кто познал свою сущность, стал вечным от сущности бога, власти-
теля дней.
Избрал тридцать две он прекрасные буквы предметом извечной, безмерной
любви.
И с помощью их и себя понимал он, в них преданных, верных нашел он дру-
зей.
Теперь сущность бога, что бодрствует вечно, явилась нам ясно и просто вот
здесь:
«Рай-ра-ра-ра́й и ра-рай-ра-ра́й-ра, дай-да-да-дай и да-да-да-да-да́й!»
Кто вечная милость благого аллаха—мужчин всех и женщин творца на
земле?
В познавшем своей красоты лучезарность великого бога познать ты умеи!
Ты стал, Насими, дольным прахом счастливым на сладком пути своей милой
теперь.
Глаза свои мажут все люди тем прахом, он стал тутней, что всех мазей
ценней.

В единобожье разве есть высокий или низкий сан?
Исканье истины одно — для мусульман и христиан!

Лишь в крае внешнего всегда есть разговор о «я» и «мы»,
А в царстве мысли «мне» и «нам» единый смысл навеки дан.

В рисунке внешнего нельзя людей приметы нам найти,
Лишь светом внутренним горя, покажет человек свой сан.

Лицо твое—то бога суть, то воплощение его.
Тот, кто узрит его на миг, тот господа увидеть зван.

Конец твой—он началом стал, твое начало есть конец.
Подобна кругу суть твоя, ты как бездонный океан.

Стремись скорей себя познать, познания бога средство ты.
Познав себя, рассеешь ты, мой господин, любой туман.

Но если ты пути к себе сегодня друг мой, не найдешь,
То завтра пальцы будешь ты кусать, тоскою обуян.

Кто с другом кубок пригубил на пир предвечности придя,
Тот будет на века веков вином тем несказанным пьян.

Вот к господу ведущий путь, что описал вам Насими,
Кто этот путь себе избрал, тот благодатью осиян.

О, что же случилось с красавицей, похитившей сердце мое?
Разлука меня измучила, я жить не могу без нее!

Храни господь ненаглядную на высшем зените счастья.
Пусть знает хранимая звездами, беззакатное бытие.

Разлуки рука беспощадная вонзает что ни мгновенье
В сердце кровоточащее жестокого гнета копье.

И все-таки уповаем мы всегда на милость Аллаха,
Нашей судьбы губительной он все ж притупит острие.

О если б нашелся кто-нибудь, кто ей рассказал бы о сердце,
О том, как душа измучилась, как трудно ее житье.

В море поисков истины она—наш единый светоч.
Она несет избавленье, от тяжких бед забытье.

Лишь только свиданье с любимой, Насими, исцелить тебя может,
А иначе не будет знать радости безотрадное сердце твое.

Твоя красота—как зеркало, что мир отражает собой,
Твой стан так изящен и строен, что можно сравнить с тубой.

Готов умереть влюбленный, чтоб видеть твое лицо.
Любимая, хоть на минуту лицо пред нами открой.

Лицо твое—это цель жизни для всех на свете людей,
И все мудрецы к тебе лишь полны любовью благой.

Все души теперь лишь стремятся к порогу попасть твоему,
Чтоб тысячи их не гибли, вниманья их удостой.

О чашник, за очи хмельные красавицы дивной моей
Скорее наполни бокалы прекрасною влагой живой!

+ Вставай, и корабль свой винный в море мысли безбрежное брось,
И тогда ты познаешь мудрость в волне его огневой.

Глубоко почитай тот напиток, что из Мекки святой привезен,
Лишь отведав его, ты узнаешь, что готовится нашей судьбой.

Он горек? Но истина это, а истина, знаешь, горька.
Цвет не нравится? Кажется странным? Все равно, то напиток святой.

Эй, захид! Пить вино открыто, — с чистым сердцем его пригублять, —
Лучше, чем заниматься обманом, быть аскетом и быть ханжой!

Насими! Ты всю жизнь потратил на любовь и красавиц, но
До сих пор ты не видел верности из красавиц ни у одной.

Под ногами мои любовь к тебе роет яму жестоких бед,
Упадет туда наш прекрасный Юсуф, и ему спасения нет.

Я прямым путем, как ферзь, шел к тебе, и кривых путей я не знал,
И шахом одним заматовал и тот и этот свет.

Наш возглас: «Воистину, бог — это я!» — услышат во всей земле,
Коль вату беспечности из ушей вынет ханжа-аскет.

О сердце, покинь шатер души, ведь к нашему шатру
Тюрчанка хатайская вновь подошла, привыкшая к сотням побед.

Клетку свою разбив, улетит от восторга птица души,
Услышав от нашего соловья утренний сладкий привет.

Время укоров—это гора, что таскаю я на себе,
Свидетель—бледное лицо, у него увядший цвет.

Как Насими, потоки слез небожители льют каждый день,
Слыша стоны и вздохи его любви вот уже много лет.

Черты на скрижали лица твоего—то мать всех аллаховых книг.
Ведь солнце азбуке красоты учил твой прекрасный лик.

Корана первая глава—то солнце лица твоего.
Как на небе луна, эта правда ясна и мудрец в нее проник.

Кто тридцать две буквы лица твоего прочитал — конечно, он
Тайну «раскола луны» и смысл «матери книг» постиг.

Халилу подобно я кружусь, взглянув на твое лицо.
Огонь Нимруда, увидев тебя, как розовый стал цветник.

Стихи из Корана «Минбар» и «Таха» о лике твоём говорят.
На светоч мудрости узрит Фазла лишь ученик.

Адамов меч и семь письмен—это рая восемь ворот.
Эту тайну открыл мудрец Фазлуллах, к его стопам я приник.

Черт человеческого лица смысла понять не сумел
И вечно будет теперь пребывать в аду слепой еретик.

Тот, кто, подобно Насими, прахом улицы Фазла стал,
Он бесконечной славой своей солнца высот достиг.

Как прекрасна ночь твоих кудрей! И во сне не увидать такой!
Солнце в свете твоего лица гибнет от горячки огневой!

Лик твой озаряет целый мир светом сладостных своих лучей.
Волосы, подобно ночи Кадр, белый свет весь застилают тьмой.

Кто, как ангел, в прах не упадет перед лицом и родинкой твоей.
Тот Иблисом будет, мне поверь, будет мучиться в геенне злой.

Пред живительным дыханьем уст преклонился даже сам Иса,
Вьется, словно волосок, Марьям, только свет кудрей завидев твой.

Кыбла для меня — твое лицо, мне с тобой свиданье дарит жизнь.
Алые рубины — то вино, вечный рай мне — твой порог святой.

Твои кудри, что сердца влекут—это образ бога в небесах.
Взгляд, что на меня бросаешь ты—содержанье Книги Всеблагой.

Вспомнит ли о благах бытия и о мире нашем бренном тот,
Кто испил блаженного вина взглядов, что уносят наш покой?

Так как собеседника тебе нет, чтоб был достоин чар твоих.
Только с отраженьем речь ведет лик твой, полный дивной красотой.

Коль влюбленный отблеск божества не увидит на лице твоём.
С уст твоих: «Меня не узришь ты!»—не услышит он, забыт судьбой.

Тот, кто в этом мире не к тебе, милая, стремится—он всю жизнь
Проблуждает в вечных миражах, в вечных поисках воды живой.

«Разве мы не объяснили вам?» «Открываем Книгу!»—смысл тех слов
Понял Насими, лишь увидав письма на лике дорогой.

На лице твоём не гиацинты—паланкин из солнечных лучей.
Мускусные кудри—то ночь Кадр, а лицо горит луны светлей.

Опьянен я пьяными глазами, что, подобно счастью моему.
Головы от сна не поднимают, а смятенье сеют среди людей.

Мотылек души увидел светоч лика твоего—и с той поры
Нить души моей в огне сучится, словно завиток твоих кудрей.

Гурия от зависти безмерной на огне глаза свои сожжет.
Коль с лица ты сбросишь покрывало, в райский сад приди в красе своей.

От стремленья видеться с тобою до утра, любимая моя,
Только лик твой в каплях слез я вижу, что я лью среди тишины ночей.

Кроме мысли о свиданье с милой и частицы чувства нет в душе.
Может ли существовать частица, если будет солнце рядом с ней?

О луна моя, лицо закрой ты от моих соперников лихих.
Скрыть красу от сглаза, полагаю, этот образ действий всех мудрей.

Чашник! Дай вина мне чашу, ибо сотни ваших набожных миров
Стоят меньше губ виноподобных дорогой красавицы моей.

Стоит лишь больной душе припомнить сладкие уста моей любви.
До краев переполняют лалы чаши моих плачущих очей.

Бросится в огонь, как амбра, мускус с зависти, коль ветер принесет.
Аромат волос твоих душистых в Чин далекий из родных степей.

Чашник, круговую нынче ночью чашу ты застольную пусти.
Я сегодня пьян ее очами, что вина искристого хмельней.

Лалы дорогой моей любимой сбили цену сахара совсем.
Так и жемчуг пал в цене от звука Насими нанизанных речей.

Мы—небесная птица Анка и на Каф-горе мы живем.
Слово господя: «Будь —и стало»—стало в нашем гнезде ковром.

Кудри мускусные нашей милой ликом бога видятся нам.
Глаз ее для нас стал приманкой, стала родинка сердцу силком.
Что болтун, ты жалко болтаешь все о господе? — Это зря.
Сущность бога намного выше всех речей, что о нем мы ведем.

Пить вино для тебя запретно, хотя бы лишь потому,
Что вино прекрасное это мы из нашего дома несем.

Путеводная нить нужна нам, коль до бога хотим дойти,
Проведут лишь тридцать две буквы всех идущих этим путем.

Коль познать хочешь сущность бога и поглубже проникнуть в нее,
Познакомься сперва с бесприметным, ты простым человеческим лицом.

Бурный огонь, расплавляющий ересь, что сжигает неверье до тла,—
Это одноязыкое пламя единобожья в сердце моем.

Все, что существует на свете, разнообразье вещей бытия —
То жемчужина океана, что мы нашей душой зовем.

Говорить мне не смей о суфии, равнодушен он к богу совсем.
Бороды он своей пушистой не коснется моим гребешком.

«А», «Б», «Т»—та молитва святая постоянно у нас на устах,
Опьяненные вечной любовью, мы о ней нашу песню поем.

С Насими схож весь мир сегодня, и вы все подобны ему,
Опьяненные вечным напитком—только нашим ночным вином.

Воды живой источник вечный—твой сладчайшие уста.
Путеводитель в царство мрака—лица тончайшая черта.

Взглянувши на глаза хмельные, я убедился в тот же миг,
Что совершенств земных превыше моей любимой красота.

Когда не в локонах любимых, что воплощают бога лик,
То в чем божественная сущность была, скажите, излита?

Мир красоты — он изначален, извечно властвует любовь.
Страна любви всегда свободна, всегда счастлива и свята.

Куда бы ни смотрел я, всюду я вижу лишь одно всегда —
Твой лик, сияющий как солнце, о нем одна моя мечта.

В ее очах источник света, суфий, увидишь ты, когда
Душа твоя от лицемерья останется на миг чиста.

Приди ко мне, я полон жажды тебя скорее увидеть.
Так мысль людей в загробной жизни лишь садом райским занята.

Хотя приветом ты ни разу не радовала душу мне,
Тебе я шлю благословенье, как ни была бы ты крута.

Пред ликом господя молюсь я лишь только лику твоему.
И правильной мою молитву признает бога доброта.

Приди ко мне, любовь, чьи кудри — ночь откровенья для меня,
А без тебя и час—ста тысяч ночей бессонных маета.

Тот, кто лицо твое увидит, от ада навсегда спасен,
Ему открылась на минуту твоих достоинств красота.

Суфий, меня с ее порога попробуй, прогони в мечеть—
Для тех, кто Истине покорен, кумиры все — одна тщета.

Кто отдал жизнь за лик твой сладкий, как Насими, тот в судный день
Вполне оправдан будет богом, ему другие не чета.

Ты откажись от суеверья и подражания другим.
Тот путь не приведет к спасению—и сам ты будешь виноват.

Огонь единобожья вспыхнул, и ныне—слышит Насими—
«Поистине, я бог» — повсюду все в упоении кричат.

Ты совершенства средоточье, им мир весь чувственный объят.
В лице твоём, как бы в зеркале, природу узрит острый взгляд.
Семью молитвами святыми—основой Книги—я клянусь:
Лицо твоё—то лучший праздник, целебнее молитв стократ.
Прекрасное лицо любимой столь беспредельно хорошо—
Ведь свойствам вовсе нет предела, всегда их бесконечен ряд.
Перед твоим лицом склоняюсь, когда молитву возношу:
Ты Кыбла для меня; молитвы мои об этом говорят.
От «лам» и «би» — от уст любимой—жизнь вечную я получил,
Они—живой источник Хызра, что орошает райский сад.
Кого твой лик не убивает, тот мертв, и то легко понять:
Как можно жить, когда нам не дан источник жизни и улад?
Ты — шах изящества, и каждый кто взглянет на твоё лицо,
От пешки престелой любимой получит сразу шах и мат.
Лицо-луна нам возвестило великолепный праздник Ид,
И чернота кудрей сияньем вдруг озарила ночь Барат.
Я в пятницу явился в Мисре в мечеть любимого лица.
Там я вкусил и веры сахар, и благочестия «набат».
Кому лицо твоё не Кыбла,—хоть он подвижником сльвет, —
В том набожности нет нисколько, его кумир — лишь идол Лат.

К Каабе твоей красоты прикован, как к Кыбле, мой взгляд.
Красе твоего лица и солнце платит закят.

Частицы вселенной всей живут любовью к тебе.
Мир свойств только сущностью жив—так все мудрецы говорят.

Как можно постичь твою красоту умом мудреца,
О ты, чей божественный лик средоточье сотен услад?

Теперь очевидно то, что в Лате видел тебя
Язычник, которому был кумиром в капище Лат.

Объявило твое лицо на ристалище красоты,
Двинув пешку два раза всего, шаху разума шах и мат.

Во вселенной сущего нет, кроме одной тебя.
И лишь сущностью твоей живет всей вселенной лад.

Двоебожье нехорошо, когда знаем истину мы.
Все равно—я жаждущий Хызр, ты—те воды, что жизнью манят.

Разум, разум, скорей замолчи, не описывай уст ее,
Ведь нельзя же вместить в кувшин полноводный Тигр и Ефрат.

Даже ночь темнейшая—Кадр все светлее, чем кудри ее.
Будет истиной, коль светлый лик назову я ночью Барат.

Тот, кто истины, как Насими, через Фазла достигнуть сумел,
Стал свечою благого пути, мотыльком, кому рай будет рад.

Глаз твой порождает смуты, брови—бедствия основа.
Больше нет такого горя, нет и бедствия такого.

В сущность всех вещей позволит ясный лик твой нам проникнуть.
Может, то—Джемшида чаша, отразить весь мир готова?

Постоянно обитаешь в кабаке ты и в ханаке,
Почему же ринд с суфием все бранят один другого?

На пути к Каабе лика где же первая стоянка?—
То отказ от эгоизма и от мира остального.

Сущность милой озаряет светом мир потусторонний.
И еще вполне хватает света для дворца земного.

Я в чертах твоих увидел путь к господней высшей правде.
Ведь черта прямая, это—путь в чертог творца благого.

Восемь райских врат—то веки, брови, две руки любимой.
Нет, то просто рай, и ведать не желаю я иного.

Как-то кипарис сравнил я с станом милой, и теперь он
Хвастает повсюду станом, услышав такое слово.

«Сердце у меня похитьте!»—так твоим бровям сказал я.
Послушанье тех смутьянов удивило бы любого.

Тридцати двух букв все тайны понял я в любимом лике
И, куда бы я ни глянул, божий лик я вижу снова.

Словно Насими, бессмертен тот, кем понят смысл великий
Тридцати двух букв, кем был он не превратно истолкован.

Для бытия образец хижина наша давно,
Все бытие напоит сладкое наше вино.

Что нам живая вода, райский напиток нам что?
Это не наше вино, что пригубить нам дано.

Солнце на небе горит, ночью сияет луна —
Все моего мотылька светочем озарено.

Капища, церкви нам нет, нет и Каабы для нас.
Там, есть бог—там и мы, вот для нас место одно.

Птица, что здесь или там—всюду свободно летит—
То не ракушка ль? А мы в этой ракушке зерно.

Сказано в Книге: «Аллах! С нами хоть слово скажи!»
То из рассказов о нас важное очень звено!

Что горевать от нужды, и что в руинах душа—
В этих руинах нам клад бога найти суждено.

Мира частица — ее лик отражает всегда —
Все красотой ее солнечной озарено.

Над головою моей сень распростер Фазлуллах.
И бытие Насими радостью напоено.

Огню любви к тебе господь меня обрек еще тогда,
Когда весь мир из-за тебя покою утратил без следа.

Когда глаза твои в меня стрелой метнули хитрый взгляд,
Сказал я: «Это лук Зухры, что дивной красотой горда».

Я от огня твоих ланит, твоим кудрям подобно, вьюсь.
От уст твоих я славен стал, как речь твоя—на все года.

Одну частицу поутру с твоих кудрей взял ветерок
И ароматом напилась вокруг все веси, города.

Чтоб восхвалить твои уста, открыла раковина рот,
И туча бросила в тот миг свою жемчужину туда.

Тот, кто твой лик сравнил с луной, он был немало пристыжен.
Взглянув на небо, понял он свою неправду без труда.

Приема удостоен тот у твоего крыльца, мой друг,
Кто, как завеса у дверей, склоняет голову всегда.

Никто не может отвести от лика твоего свой взгляд,
Ведь ты извечной красотой горишь над всеми, как звезда.

«Склоняются иль нет?»—о том, идет среди ученых спор,
Я думаю, от уст твоих пришла такая к ним беда.

Как циркуль, ум вращался мой всечасно вокруг губ твоих.
О точке-невидимке сказ его притягивал сюда.

Пусть тела сокрушен корабль, ты не страшись, ведь знаешь ты—
Как ветер, Божья Благодать приводит к берегу суда.

Спроси у глаз, кудрей твоих о состоянье Насими.
Как мучает его, спроси, тех негров черная вражда.

Без тебя не насладится сердце ни землей, ни даже небесами.
Счастье тех, кто виделся с тобою, описать не в силах я словами.

Тот бродяга, что приют находит у порога дома твоего,
Заслужил почет, и власть, и счастье, он людьми владеет, как рабами.

Мотылек, что красоту сиянья познает—к чему стремится он?
Лишь к тому, чтоб сжечь себя навеки, и его всегда влечет лишь пламя.

Тот страдалец, что воспоминанья вечно повторяет о тебе.
Обретает к жизни вкус, лишь молвит о тебе печальными речами.

От ханаки навсегда отрекся и убрался прочь из медресе
Тот бродяга, что всегда стремится лишь к тебе неверными шагами.

Со скрижалей наших мыслей стерла все изображения душа.
Только образ сладкий и любимый навсегда в душе пребудет с нами.

Что вам, птицы, думать о свободе—все равно, пропали вы навек.
Родинкой-зерном привлечены вы и кудрями—тонкими силками.

Мученик, что погибал от жажды средь Кербелы роковой любви,
Воду чистую нашел в Ковсаре, встретившись с прекрасными очами.

Муки, что влюбленные выносят, только чтоб увидеться с тобой,
То—блаженство! Как счастливо сердце, что срослось с подобными делами!

Пусть душа на краткий миг добьется сладкого свидания с тобой—
Все равно, теперь ее блаженства не измерить долгими веками.

Пред твоею красотой, как свечку сжег всю жизнь бедняга Насими.
Потому-то и обрел он участь, что его возносит над царями!

Лик твой—то престол чудесный неба,—сам Имен Создатель подтвердит.
Истины поклонники так скажут и Избранник думать так велит.

Обладал могуществом и властью Джам, владея чашею своей.
Я—богаче. Мне твой лик-зерцало о Предвечной Истине гласит.

Пусть другие получить стремятся в райской жизни Сидр-уль-мунтиха.
Для меня туба—твой стан прекрасный, зрителю блаженство он дарит.

Кто тебя не видит в этом мире, зрения лишен, поверь ты мне.
Ибо каждый атом мирозданья лишь тобою дышит и горит.

Кто, как перед Кыблой, не захочет преклониться пред лицом твоим,
Прогони его—он сын Иблиса, что всегда сомнениям открыт.

Азаил не внял велению бога «Поклоняйтесь!», потому что он
Позавидовал Адаму, видя, что господний образ тот хранит.

Облик твой меня пленил отрадой, отвратив навеки от других,
Ты—как море щедрости безбрежной, и твой раб тебя благодарит.

Кто не хочет поклониться Кыбле лика твоего, тот отвратил
И от истины свой взгляд; не глазом, он затылком, верьте мне, глядит.

От того, что я с тобой в разлуке, как свеча, горит моя душа.
Не пора ль исполнить обещанье? Иль она от ветра улетит!

Кто на внешность смотрит, тот помыслит—дали имена мы всем вещам.
А на деле мы суть вещи, вещи—это мы, различен только вид.

Красота любимой беспредельна, беспредельна наша к ней любовь,
Что искать первичного—ведь обе существуют, пока свет стоит.

Красота ее с любовью нашей, Насими, бессмертна навсегда.
Ибо красота ее извечна, и с любовью я навеки слит.

Добронравье навек позабыв, от меня дорогая уходит.
Притесненья дорогу избрав и любовь забывая, уходит.

Будь добра она, будь она зла, все равно совершенна она.
Без внимания зло и добро за собой оставляя, уходит.

Как зеркало, сняла душа, но с кудрями ее разлучась,
Только мраком покрылась она, и за светом, рыдая, уходит.

Та, что сердце мое забрала, стала вдруг неприступно горда.
Притесненьем, лукавством своим сердце мне разбивая, уходит.

Страсть моя к ее лику взнеслась в небеса, к самой сфере луны.
Стала ветром по праву она, и, как пламя, сжигая, уходит.

От безмерного гнета мудрей истомленное сердце мое
С ветром утренним в дальнюю даль, безутешно рыдая, уходит.

От любовных недугов одно есть ледарство—то боль от любви;
За той болью-лекарством душа, утешенья не зная, уходит.

Сердце, сдержанность сбросив свою, отдалось аромату любви.
Чистотою наполняясь, оно, ханжество проклиная, уходит.

Насими, где обитель твоя? В кабаке поселился ты, друг.
Ты уходишь с дороги грехов, жизнь былая, шальная уходит.

Я сказал: «О дивная красавица, твои кудри удивительно прекрасны!»
А она сказала: «Все в красавицах, милый друг, пленительно-прекрасно!»

Я сказал: «О перы ненаглядная, как прекрасен стан твой обаятельный!»
А она сказала: «Вот глаза мои, погляди — действительно прекрасны!»

Я сказал: «Ты знаешь, как подумаю, жизнь мне кажется такой отрадною!»
А она сказала: «Жизнь с красавицей, друг мой, восхитительно-прекрасна!»

Я сказал: «Твой стройный стан пленил меня, я не знаю, как из плена выр-
ваться».

А она сказала: «Как ты вырвешься? Стан мой—он властительно
прекрасен!»

Я сказал: «В твои глаза влюбился я, как освободиться мне, не ведаю».
А она сказала: «Подделом тебе, ведь они томительно прекрасны!»

Я сказал: «Любви прекрасней в мире нет, это в нашем мире наилучшее».
А она сказала: «Лишь ко мне любовь будет упонительно прекрасной!»

Я сказал: «Любовь к ланитам розовым—лишь одна теперь владеет
мыслями».

А она сказала: «Эти помыслы, верь мне, ослепительно прекрасны!»

Я сказал: «Ужели можно сравнивать кипарис в саду со станом сладостным?»
А она: «Не ходит величаво он, все же он сравнительно прекрасен»...

Я сказал: «Тебя одну желаю я и к тебе стремлюсь мечтами легкими!»
А она: «Ах, Насими, желание это, хоть губительно, прекрасно!»

Кто влюблен в тебя, пред тем весь мир вечно расцветает по-особому
Ищущих свидания с тобой мир всегда встречает по-особому.

Хоть ученые мужи давно свиток-лик описывают твой,
Снова нужно описать его, он всегда сияет по-особому.

Наши письмена—язык любви, и грамматикам неведом он.
Так, у Абу-л-Фазла «Язык птиц» в душу западает по-особому.

Выдает влюбленного всегда бледное, увядшее лицо.
Но влюбленных подлинных любовь, знайте—отмечает по-особому.

Кто ее устами сокрушен, смерти не боится: кто узнал,
Что есть Дух Святой, тот, умерев, снова воскресает по-особому.

О аскет, зачем же ты меня в райскую обитель вновь зовешь?
Тот, кто в тайну посвящен любви—он и жить желает по-особому.

Хоть у всех красавиц алый рот и улыбка сладостна у всех,
Та, чьи сладкие уста люблю, путь мой освещает по-особому.

Лук и стрелы есть у тюрков всех, но тюрчанка луками бровей
И стрелами яркими ресниц на смерть всех сражает по-особому.

Ключ истоков бытия—твой лик, потому во всем, что в мире есть,
Воплощаясь, в атоме любом он себя являет по-особому.

Долго ль будешь по базару ты за убытком с прибылью бродить?
Ждешь, чтоб молвили: «Торговлю он, видно, понимает по-особому!»

Не смотри, аскет, что стал я желт—не твоей чета та желтизна.
Золото мое из руд других, и оно сверкает по-особому!

С помощью воображенья ты не поймешь арифовы дела:
Ведь иначе говорит ариф, он и рассуждает по-особому!

Тонуший в волнах стремлений к ней думает о берегу навряд—
Берег в море этом—он иной, тонущих спасает по-особому!

К абсолютной истине ключи Фазл вручил навеки Насими.
Он не станет плакать — пусть его каждый представляет по-особому!

Жизнь жизнерадостных людей любовью радостна одной.
Не проиграй любовь за жизнь, ведь не пустяк любовь, друг мой.

Гори, о сердце, как свеча, в любви к ней душу ты сожги,
Любви искусство только в том, чтоб душу яркой сжечь свечой.

Коль кровью сердца совершать не будешь омовенья — знай,
Твоя молитва принята не будет горной высотой.

Любимой вечно будь рабом коль у Махмуда хочешь ты
Добиться чести — путь один: быть верным, как Аяз, слугой.

Коль божья милость осенит чело скитальца Насими,
Величья стяг — венец царей поднимет он над головой!

Я вижу, что моим недугом моя любовь огорчена —
И потому совсем не хочет лечить несчастного она.

Она меня своим кокетством и равнодушьем извела —
Кто скажет, что она приятною и лаской не наделена?

Клянусь я прахом всех влюбленных, кто умер от любви к тебе —
Смерть за тебя борцам за веру наградой высшей суждена.

Свидание с твоей косою приятней вечной жизни мне —
Ведь жизнь, что уж к концу подходит, не так, как та коса, длинна.

Не хочет мучеником зваться в тебя влюбленный Насими —
Ведь боль любви ему не в муку, а в наслаждение дана.

Милая моя, иди ко мне, жизнь моя—страданье без тебя,
Не нужны мне блага двух миров—блеск их и сверканье—без тебя.
Наслаждений, радостей, утех, что дарует жизнь—не нужно мне,
Ибо все они лишь звук пустой, суеты мельканье—без тебя.
Рай небесный, гурни, мой друг не влекут меня своей красотой.
Ведь они теряют—ты пойми—все очарованье без тебя.
Кей-Кубада золотой венец, царство Сулеймана—пустяки.
Только сон пустой все времена и все мирозданье—без тебя.
Райский сад, сень Сидр-уль-мунтиха без тебя, кому они нужны?
И не заслужить им никогда мудрецов вниманье без тебя.
И загробный мир и мир земной без свидания с тобой—ничто.
Исчезает непонятно как все существованье без тебя.
Чаша влаги, что дарит Ковсар на пиру в Эдеме — это все,
О рубиноустая моя—мне как наказанье без тебя.
Орошает сад моих очей вечно полноводная река:
Но, мой величавый кипарис, что реки журчанье без тебя?
Славу позабыл свою навек и свое призванье Насими,
Что такое слава, что он сам, что его призванье—без тебя!

Пусть превратится в прах голова, что страстью к тебе не одержима!
Пусть не ведает радости тот, что не изведал тоски по любимой!
О, как изящен тот кипарис, что ввысь вздымает свой тонкий стан!
Но гораздо изящней твой стан, его красота—непостижима.
В мире нет подобной тебе по красоте несказанной твоей.
Выше голову поднимай—ведь прелесть твоя неповторима.
По суждению мудрецов только тот может стать тутией,
Кто, как прах, пал в ноги тебе, страстной любовью к тебе палимый.
Тот, кто ценит душу свою, голову, веру и знания—тот
Неблагородный лишь себялюб, недостойный любви твоей негасимой.
Мудрости вовсе лишен человек, очи души которого спят
И не видят светоч лица, мир освещающий необозримый.
Кааба искателей истины ты, и потому твой прекрасный лик —
Кыбла единственная для нас, полных жажды неутолимой.
Тот, кого не сковали навек «крепкие узы» жасминных кудрей,
Схватится ль он за полу стихов об «опоре неколебимой»?
Кривой полумесяц очень похож на брови изогнутые твои,
Но все же гораздо прекрасней его бровей твоих росчерк непобедимый..
О Насими, сам господь сказал: «Моих земель необъятна ширь».
И потому оставь Баку, ибо скорбь твоя здесь нестерпима.

Ты прекрасней гурий рая, странного немного в том.
Ведь лица написан свиток чем, как не судьбы пером?

Кем один аят прочитан из Корана красоты,
Тот постиг блаженство рая и единство с божеством.

В изначальности бескрайней в сорок дней слепил мой прах
Из любви к тебе, родная, бог с великим мастерством.

Кто стремится к совершенной истине, тебя узрев,
Видит, что твой лик прекрасен и с изъяном незнаком.

Чашник! Дни весны настали, розам и тюльпанам цвeсть—
Будем петь с друзьями песни мы на берегу речном.

Мы—вино, гуляки, радость среди мугов в кабачках.
А суфий—уединенье, пост с бесстыдным ханжеством.

Сладость губ твоих мечтаю встретить я когда-нибудь,
И моей подушкой сделал пыль в проулочке твоём.

Для суфия—лицемерье, ханжество, обман, мечеть.
А для Насими—храм мугов и Кааба—милой дом!

Мечеть, кабак, Кааба, бутхана—ведь это все, сказать дерзну,—одно.
На нашу улицу забывший путь! Ведь все дома—я присягну!—одно!

Тот, кто вино из вечной чаши пьет, по-своему бывает опьянен.
Глаза хмельные молвят—чаши все, когда заглянешь в глубину—одно!

Адама, Хавы внешний вид—силоч, и если ты его постигнешь смысл,
Поймешь, что в том силке зерно всегда—ты только приглядишься к зерну—
одно!

Сказаний много разных и легенд на свете существует о любви,
Но пронцательный поймет, они—коль он у блажи не в плену—одно!

Во внешних свойствах разницу нашел? Так что же удивительного в том?
Огонь, свеча, пирушка, мотылек и ночь—все это, как взгляну—одно.

По внешним признакам зовется всё, на деле же бедняк или богач,
Безумец, мудрый—что ты ни бери,—скинь только с взора пелену—одно!

Одно косому кажется двумя, но сердце и любимая его—
В них разницы на еагом деле нет, они—то ясно вещуну—одно.

На бытия престол, о властелин, не опирайся ты—ведь в мире сем
Чертоги и лачуги—все они—знай, я тебя не обману—одно!

К сокровищнице вечности стремись, как Насими, ведь в дольном мире сем
Поверженный бедняк и царь, в руках держащий мир или войну—одно!

Качества внешние твои—то всего сущего в мире основа.
Чистая сущность твоя—то ключ к проявлению всего живого.

В мире, в каждом небытии жизни зерно всегда хранится.
Высокое бытие твое—причина события любого.

Среди всего бренносущего ты один лишь на свете вечен,
Ты—единственный, в ком лежит корень существования земного.

Я умираю день и ночь от жажды тебя увидеть,
Когда ж ты мне грамоту дашь для свиданья с тобой благого?

Я совершаю чистым вином омовенье свое для молитвы
В кабачке влюбленных в тебя, в твой лучезарный лик без покрова.

Землю усамы я подмел у порога моей любимой—
Хоть недостойн носить усы перед тобой, заявляю снова.

С тех пор, как достоинства свои полностью осознал я,
Мне ненужными стали ночь Кадр и праздник, а с ними и пост суровый.

Разницы я между бутханой и Каабой, право, не вижу—
Уззе я поклоняться не стал, Лата не чту, кумира людского.

Мне безразличны и рай, и ад, я о них совсем не забочусь,
Спасенье не трогает меня—не страшны цепи мне и оковы.

Куда бы я ни бросил свой взгляд, я вижу только лик любимой.
Он появляется везде, нет нигде ничего иного.

Сегодня я страшусь одного—только славы, которой владею,
Презрел все величанья я, все сужденья суда мирского.

Тебе лишь обязан Насими тем, что стал он благочестивым.
Ты богомольца создала из скитальца, бродяги шального.

О сердце, мученья, страданья терпи, раз попало ты во владенья ее.
И всегда ты влекись к тому, что составляет влечение ее.

Пусть печали не мучат тебя, подставь насилую тело свое—
Чем больше мук приносит она, тем больше к тебе стремление ее.

Как может сущность рока познать и усвоить, что есть судьба,
Сердце, что выдержать не смогло сладкое угнетенье ее.

Мир и веру готова душа отдать за свиданье с дорогой.
Ибо все благочестье души—это ведь даренье ее.

Разве будет потерей большой, коль жизнь свою я отдам за нее—
Жизнь у человека одна, но ста жизней не жаль за цветенье ее.

Стан ее несет сотни бед, но я их все готов снести.
Пусть все границы они перейдут—но ведь они—веленье ее.

Сердце, дорогу мне покажи, если руководитель ты мой.
Пойду путем, на котором лежит святое благословенье ее.

Если пыли с полы одежд она меня удостоит, я рад.
Душу я отдам за нее, а сердце давно именье ее.

В келье из глины и воды теперь проживает Насими,
Пусть будет печаль от него далека и вечное круговращенье ее.

Любовь к тебе—беда, которой весь мир подлунный разорен.
И храм любви из чаши милой вином чудесным опьянен.

Твой лик—то радостное утро в великом граде бытия.
Куда ни гляну я—повсюду я этим ликом озарен.

Все мысли сердца только лику прекрасному посвящены.
И образ двух миров в том лике, как в образце их, заключен.

Когда огонь вина познания поднимется с любимых уст,
Весь ум красавиц мира будет на собственном огне сожжен.

Цель двух влюбленных—то одно лишь, лишь изначальная любовь.
Все бытие она объемлет, смысл бытия в ней воплощен.

Владыка наш—то Фазл великий, глава он в мире всех владык.
И властелин любой державы пред стремением его склонен.

Не только Насими охвачен любовью к той, что краше всех,—
И мир земной в хмелю от милой, и мир загробный опьянен.

Проливайте кровавые слезы, глаза, ведь красавица, сердцу родная, уходит.
Та, что сердцу больному приносит покой, ныне, душу безмерно терзая,
уходит.

У обычных людей изнывают сердца от того, что обидчики боль причинят.
У меня ж в сердце боль потому, что она—что обидчица гордая, злая,—
уходит.

В келье скромной аскета вчера о кудрях рассказало бедняге влюбленное
сердце.—
Глядь, привязанный к рубищу бедный аскет за зуннаром христианским,
хромая, уходит.

Из всех дел в этом мире одна лишь любовь сердцу бедному радость прино-
сит, наверно.
Пусть исчезнет навеки из жизни любовь—и увидишь: душа, изнывая,
уходит.

Знай, готова покинуть навеки душа мое тело от невыносимых скорбей.
И завеса давно уже с тайны снята и в туманной дали исчеза, уходит.

Шип разлуки с прекрасной любимой моей разрывает мне сердце сильней
каждый миг
Ведь все дальше лицо ее—роза—от глаз, опьяненных любовью, сверкая,
уходит.

Опьяненная страстью душа Насими от любви к твоим томным нарциссам-
глазам
Оставляет его безутешно скорбеть и, о милой печально рыдая, уходит.

С тех пор, как очи милой стали полны пьянящим волшебством,
Мной овладела с грозной силой страсть к чаше с искристым вином.

Едва лишь сказ о виноцветных глазах твоих в наш град проник,
Аскет, свою покинув келью, пошел скорей в питейный дом.

Всю цену ныне, чистый жемчуг, ты потерял в моих глазах
С тех пор, как зубы-перлы милой я как-то увидел тайком.

Любовь к тебе проникла в сердце, как в сердце светоча—огонь,
Илишь моей души пылает неугасающим огнем.

Твой стан, едва он отразился в моих глазах—похожим стал
На отраженье кипариса, уроненное в водоем.

Тот, кто, хатайская тюрчанка, грозит моей любви к тебе,
Сам ясно ведает—идет он отнюдь не праведным путем.

При мысли об устах любимой в бездонных чашах глаз моих
Вскипает пурпурная влага, весь застилая окаем.

Кто видел слез моих потоки из влажных льющихся глаз,
Поймет, как тяжело кебабу над жарко тлеющим костром.

От лика милой удален я—и потому встревожен я.
Но кто встревожил кудри милой? Кто может мне сказать о том?

Тюльпана сердце гложет зависть, сорочку роза рвет свою—
А почему? Да покрывала нет больше на лице твоём.

Тянусь все время к кабаку я—к развалинам, где мугов храм.
Но жаль, что хырка затрудняет к небесным высям мой подъем.

От страстного влечения к милой, к пленительным хмельным глазам,
Уже давно аскетов толпы валяются пред кабаком.

Тоскуя о лице любимой, ресницами своими я
Сверлю жемчужины, что льются из раковин-очей дождем.

С тех пор, как Насими увидел хмельные, томные глаза,
Все дни и ночи он проводит во сне тяжелом и хмельном.

Знаешь, где свое начало весь наш мир берет?
Человеческий откуда происходит род?

В Имени Великом, славном, сколько букв, скажи.
И откуда это имя начало полет?

Талисман—от клада знаний истинный замок.
Кто же корень талисмана самого найдет?

Воскрешал своим дыханьем мертвецов Масих.
А откуда то дыханье? Дай себе отчет!

Как ты можешь Джабраида тайну объяснить?
И Марьям откуда род свой, расскажи, ведет?

И откуда происходит вер различных ряд,
Убеждений, мнений разных—кто лишь их сочтет?

Почему один все время знает лишь печаль.
А другой, не зная горя, в радости живет?

Насими, скажи всем, что ты ведаешь о том.
Почему тому достаток, а тому—лишь гнет?

Начертала родинку чудесно на щеке твоей творца десница.
Чтоб душе попасть в огонь страданий, сердцу—страстью вечною томиться.

Коль от головы не отречешься, на любовь не притязай, безумец—
Дорожа своею головою, в край любви как сможешь ты пробиться?

От ее кудрей хотел отвыкнуть, чтоб к другой душою привязаться.
Но, кудрями душу охвативши, не дала она освободиться.

Каждый миг, вторгаясь в царство сердца, хищно грабит разум мой и веру
Войско страсти к лику ненаглядной—и грабеж тот вечно будет длиться

Родинка ее, как будто точка в слове «нам», что означает «имя»;
Тайна всех имен, гляди, не может и от ангелов теперь укрыться.

С той поры, как брови милой взяли из калчана красоты все стрелы,
Бедствия, чинимые глазами, вышли за пределы и границы.

Тех, что в зеркале лица любимой лика истины святой не видят,
Прозвала любовь слепцами—верно, правда в этом прозвище таится.

К той, чей нрав и сладок, и приятен, я влекусь любовью постоянной.
Лишь любовью к чистой по природе природе мое теперь томится.

Так как нет тебе в природе равной ни красотой, ни благородным нравом,
Знатоку небесных откровений стала ты единственной царицей.

Локонов и щек твоих все тайны любопытный ветерок изведаль—
Тайнами влюбленных душ отныне луг зеленый, свежий огласится.

С той поры, как Насими всем сердцем к локонам любимой привязался,
На лазурный купол небосвода ногу он поставить не стыдится.

Лишь глаза, что бога могут видеть, могут, верьте мне, мой лик узреть.
А глазам, что на себя лишь смотрят—как им бога хоть на миг узреть?

Сердце стало господу зеркалом, где же тот, что встречи жаждет с ним.
Чтобы, как Муса, он мог лик божий, словно радости родник, узреть?

Тот, чье зренье верно, на востоке может—так, как можем мы теперь—
Свет явленья господу благого, свет, что истинно велик, узреть.

Тот, чья грудь чиста и непорочна, как у нас, и гнусности чужда,
Может чашу сердца чище утра и любви высокой блик узреть.

Знаешь ты слова «Аллах прекрасен»—это про лицо любимой, знай.
Разве может суть подобной тайны тот, кто даже жить отвык, узреть?

«Чудотворная рука»—что значит? Будь Мусой, и это ты поймешь.
Сможешь в «жалящей змее» ты посох, даже и без всяких книг, узреть.

Могут ли к ее ланитам близки стать, как гиацинты, дорогой,
Те глаза, которые не могут полной правды напрямик узреть?

Муки, что любимая приносит—это значит нежность и любовь.
Счастлив тот влюбленный, кто мог тяжесть страстью созданных вериг
узреть.

Жаждая свидания с любимой, возопить хотела бы душа,
Но спасенье ей—уста любимой, утешенье горемык, узреть.

Не получит в скорби излечения тот больной, что снадобье свое
Не способен в милой, ненаглядной—к чьим стопам и я приник—узреть.

Ты для Насими источник зренья, на других не станет он глядеть.
Ибо может он твой лик прекрасный—счастья он теперь достиг—узреть.

Дорогая, приходи! Без тебя этой жизни мученье не нужно!
Мне свидание нужно с тобой—мне в раю наслажденье не нужно!

Если трон Сулеймана судьба мне решит подарить без тебя—
От него откажусь. Без тебя это мне возвышенье не нужно.

Приходи! Если нищий проник в дом любви бесконечной к тебе,
Ему вечный не нужен престол и другое владенье не нужно.

Ты не хочешь узнать, как живет этот странник, что болен тобой?
Неужель мое сердце тебе, его долготерпенье не нужно?

Мне нужны лишь ланиты твои и глаза с поволокой твои.
Без тебя мне не нужно лугов и реки мне теченье не нужно.

Размахнувшись разлуки мечом, ты убила меня — и ушла.
Будь по-твоему, только, по мне, бить так, без сожаленья, не нужно.

По навету советчиков ты сторониться решила меня.
Между мной и тобою чужих, их превратного мненья—не нужно.

Приходи! Ведь по черным кудрям я тоскую, томлюсь, и без них
Мне несущего мускус с собой ветерка дуновенья не нужно.

Много сладостных и неземных есть красавиц, но мне никого
Кроме милой, сладчайшей моей, и ее лицезренье не нужно.

Ты не думай, что у Насими друг какой-то есть, кроме тебя.
Тем, кто истинно любит, поверь, им в любви подозренье не нужно.

В голове—любовь, а без любви для чего мне голова нужна?
Мне зачем душа и целый свет, и зачем мне царская казна?

Ты велела: «Брось под ноги мне душу ты и сердце, веру, ум!»
Там, где ты, зачем они нужны? Ведь на свете ты одна важна!

От любви к тебе в душе моей тысячу печалей я ношу—
Мне легко все тяжести носить для тебя, хоть ты мне неверна.

Ты сказала: «Мой жестокий взор будет ранить, как стрелой тебя».
Обещанье это соблюсти ты хотя б на этот раз должна.

Говорят: «К красавицам любовь—это злое горе для души!»
Но слепому—это ясно всем—сладость тех печалей не видна!

Рубищем прикрыв себя, аскет рассеивает всюду ложь, обман—
Что ж дурного, коль толпа гуляк сладостям любовным предана?

Вкус вина любви способен знать только тот, кто вечно опьянен,
Как же трезвенник его поймет, кто того не пробовал вина?

У нее уста, как у Исы, лишь дохнет—и дух мой оживит,
Что мне мед и сахар, если им та живая сила не дана!

Умерла душа моя с тоски—с утренним зephyром мне пришли
Аромат дыханья твоего—сразу оживет тогда она!

Я небесною сурьмой прозвал пыль с ее порога—и неправ:
Каждая пылинка—ключ Ковсар, а сурьмы не велика цена!

Взоры Насими упоены красотой твоего лица,
Пред тобою блеск небес—ничто и тускнеют солнце и луна!

Коль моя Луна взойдет на небе, словно месяц красоты нетленной,
То она затмит на небе солнце прелестью своею несравненной.

Если ветер утренний влюбленный кудри милой ласково растреплет,
Дымом стонов горя разольюсь я, от нее вдали, по всей вселенной.

Не могу спасти в разлуке душу, с каждым часом смерть все ближе, ближе,—
Если бы однажды ночи горя день свидания пришел на смену!

Знаю—утолить желанье сердца невозможно, что же тут поделать,
Но, быть может, раз хоть милосердно взглянешь ты, о мой кумир священный!

Каждый раз, мне стоит только вспомнить о прекрасном образе любимой—
Стоны вырываются из сердца, вопли разрывают грудь мгновенно.

Стоит ли, о други, удивляться, коль влюбленный от любви безмерной
Отречется навсегда от пищи, сна, от чести и от славы брэнной?

Все ныряют в море страсти к милой, поискам их нет конца и края—
Может быть, им улыбнется случай и они отыщут жемчуг ценный?

Разве может до скончания века на небо взойти луна такая,
Что была б хоть капельку похожа на твой светлый лик благословенный?

Ты спросил, советчик, почему я не избегнул страсти к моей милой?
Пусть ответит—кто, когда избегнул воли рока? Где тот дерзновенный?

Миг придет ли, чтобы смог влюбленный милую прижать к груди горячей?
Кипарис вдруг бросится в объятья? Этого не будет, несомненно.

Сдавленной петлей любви к любимой, Насими безмерно рад и счастлив,
Мертвые, живые восклицают: «И Я есмь бог»—светло и вдохновенно.

Сводит мой разум с ума страсть к твоим черным кудрям...
И почему это он мыслью прикован к цепям?

Образ лица твоего в сердце любое проник,
Изображенья других уничтожает он там.

Брови твои до того, как появилось перо,
«Нуном» в реченьях святых бог всемогущий звал сам.

В мире довременном лик твой полюбила душа.
Значит, привыкла она издавна к этим мечтам.

Кто с перламутром решил сравнивать зубы твои,
Неуваженье свое лишь показал жемчугам.

Наша бессмертна любовь, ибо приносит она
Крепче гашиша с вином хмель опьяненным сердцам.

Лекарь, ты думаешь, что вылечишь ты от любви?
Здесь от недуга спасет только от милой бальзам.

Страстной любовью горя, тает душа, как свеча.
И отдает весь свой жар вечно влюбленным очам.

Царство Джемшида к чему, клады Каруна зачем
Тем, кто моленья к твоим скромно слагает стопам?

Черным и пестрым рябит рубище трезвых святош.
Ринды в багрянец кафтан красят вином по ночам.

Кудри твои свою тень кинули на Насими.
И под их сенью святой стал он подобен царям.

С улыбки твоей уйду с тоской—счастья желаю тебе!
Но тебе служить буду я душой—счастья желаю тебе!

Где бы ни был я, только за тебя буду молиться всегда.
Божья благодать будет над тобой—счастья желаю тебе!

Слезы на глазах и огонь в душе—так уйду я, забыв
Муки, что принес мне твой взор хмельной—счастья желаю тебе!

Если пощадит жизнь меня, то я снова увижу тебя.
Если же умру я в стране чужой—счастья желаю тебе!

Если ветерок прах овеет мой вдруг ароматом кудрей,
То воскрепну я в этот миг благой. Счастья желаю тебе!

Если ты когда вспомнишь обо мне, то напиши мне в письме:
«Здравствуй, Насими, за твой стих живой счастья желаю тебе!»

Прекрасный твой лик губит души нещадно, сердца всех влюбленных жесто-
ко томит.

Сильнее, чем гурий краса неземная и пери с чудесным румянцем ланит.

Я ног твоих прахом клянусь—где бывает бессильной любая живая вода.
Там уст твоих—лалов дыханье скорее погибшие души людей оживит.

Что делать с тобой? Ты прекрасна, как пери—у всех периликих жестоки
сердца.

Всегда периликая дева ликует, коль горе кому-то она причинит.

У зеркала Джама спроси ты о свойствах божественной чаши — рубиновых
уст.

Один только Джам Искандерова кубка сокрытую тайну тебе разъяснит.

Кто может, расставшись с любовью навеки и душу притом не утратить
свою?

Лишь тот, кто остался совсем одиноким и, словно Иса, по земле всей
кружит.

Достойна венца, коль взглянуть благородно и быть беспристрастным в суж-
дении своем,

Лишь та голова, опьяненная счастьем, что перед порогом любимой лежит.

Твой лик для меня—это путеводитель, ведущий к сиянию высот божества
Доподлинно знает он путь бесконечный, что искренним душам одним лишь
открыт.

Что дивного в этом? Она ведь алхимик, который искусством своим зна-
менит.

Одной лишь душе моей точно известна рубинов твоих виноцветных цена —

Ведь лишь ювелир настоящую цену рубинов и яхонтов определит.
Прославлен Харут волшебством небывалым и сотнями разных великих чудес.

Но он состязаться с твоими зрачками не может, хотя он и так знаменит.
И сам Насими оказался не в силах игривые взгляды ее описать.

Хоть он Самари превосходит искусством, но эта задача его посрамит.

Коль убитый любовью к тебе должен плату за кровь получить,
Если платою будет твой взгляд, его мне попрошу я вручить.

Я вчера каждый миг отдавал ветру душу за твой аромат.
Коль не веришь мне, сам ветерок может точно тебя известить.

Очи слезы печальные льют, щек любимой не видя совсем.
Ах, когда же глазам надоест мои щеки печалью тягчить?

Что ни ночь, мои слезы летят в небеса—одного я боюсь:
Если рая достигнут они, мне и ночи одной не прожить.

Если ты хоть единственный раз на могилу придешь к Насими,
Сотни благословений его над тобой тогда будут кружить!

Всех влюбленных привлекает твой прекрасный, ясный лик.
Как Мансур, надеть готовы все пеньковый воротник.

Сжался над душой и сердцем всех израненных людей.
Тех, кого недуг любовный неожиданно постиг.

В их глазах великодушных ничего не значит мир.
Ты одна в мирах обоих—вечной радости родник.

С думой о тебе всею сердцем пламенным горя,
Исторгали те страдальцы из души немолчный крик.

Всех, в тебя влюбленных пери, сосчитали до конца.
А меня и позабыли—в тайну ту я не проник.

«От души ль ко мне стремишься?»—ты спросила Насими.
«Да, но будем ли мы вместе хоть бы на единый миг?»

О виночерпий, дай хмельному кубок,—пусть будет донной гушей полон он!
Я одурманен томными очами, я красотою милой опьянен!

Когда у виселицы, о влюбленный, в тебе любовь решат убить, то ты
Будь стоек, ибо все минуют беды, меж тем любви всегда незыблем трон.

Арифу, что постиг глубоко тайну благого изречения «Я есмь бог»,—
Скажи: «Ты к виселице порицаний иди, как и Мансур, неустрашен!»

Мне не страшны соперники нисколько, коль я увижу, что ее рука
Взнесла свой меч над головой моею, что моею кровью будет обгажен.

Не полагайся сердцем легковверным на постоянство локонов ее.
Красавиц постоянство, как посмотрим,—непостоянство, это их закон.

Как только я сияние увидел той, чей изящный стан, что кипарис,
Ланиты-розы—словно в море света с тех пор я с головою погружен.

Нет в мире у меня другого дела, как родинки и кудри созерцать.
Пред господом в день светопреставления я только ими буду защищен!

Плод дерева, чье пламя Ибрахиму на Тур-горе сказало: «Я—Аллах!»—
То лик твой, о луна, то плод единый, который этим древом принесен.

Кто от любви к тебе душой и сердцем от двух миров отторгнулся совсем—
Ужели может чем-то заниматься? Он от любого дела отрешен!

Отшельник захмелеет, станет риндом, коль только ветер принесет ему
Чудесный аромат волос любимой,—он опьянению попадет в полон.

От милости великой Фазлуллаха живым стал изнуренный Насими.
Скажи суфию с мертвым сердцем: «Помни, что хмурость нанесет тебе урон!»

В погребок любви меня в некий день, других ясней,
Мой путеводитель вел, величавый чудодей.

Подошли. И старец мне укоризненно сказал:
«Проходи же в погребок, что стоишь ты у дверей!»

Я в развалины прошел и увидел там внутри
Пир роскошный, много вин, их на свете нет пьяней.

Чаша там была с вином горя, скорби и беды.
Чашница дала ее, приказала нежно: «Пей!»

Лишь я чашу осушил, обьяла она меня.
Не было объятий тех слаще и нежней.

Я открыл глаза и тут я нежданно увидал
Чашница и я—одно, разницы искать не смей.

Поражен я—как одно стало сразу из двоих,
Иль двойность та была лишь обманом для очей?

Я был зрителем сперва, зримым становился вдруг.
Чашницей сначала был, чашею я стал поздней.

Нет, меня на свете нет, а все сущее—она,
Объяснений не найду, я точнее и верней.

Растворилось существо Насими, оно—ничто,
Озаренное красой той, что в мире всех светлей!

Особая дивная красота у роз твоих обольстительных щек.
Особую амбру источает локонов каждый завиток.

Глаза твои всюду повергают целые миры в глубокий мрак.
А кудри в каждой голове особой страсти рождают приток.

Хоть утро миру приносит всегда прелесть и дивную красоту,
Утра твоей красоты восход зажигает особым светом Восток.

Хотя луна сияньем своим спорит со светлым твоим лицом,
Лица твоего чудесный блеск совсем по-особому жгуч и глубок.

Хотя «Фатиха» любой недуг может у всех людей исцелить,
Но устам твоим дар особый дан, дыханье их—исцеленья залог.

Страданья и стоны—мои друзья и разве несчастным влюбленным дан
Какой-то особый друг, кроме них, чтобы он избавлял от забот и тревог?

Сердце мое, душа моя! Особое горе душе принесла
Узкая талия, а твой стан—на сердце особые беды навлек.

Если по уговору с тобой в жертву себя голова принесет—
Что ж? Сам я особый уговор с тобой заключил, его срок не истек.

Сгустком крови сердце мое застынет, если не будешь ты
Особую боль ему причинять, чтоб я от нее совсем изнемог.

О чаше Джама ты не толкуй, ведь лик любимой на свете есть.
В зеркале сияющем его на лик иной ты видишь намек.

На свете потомка пророка нет, что был бы подобен Насими.
Хотя немало одетых в абу потомков имеет теперь пророк.

На небосклоне вечер поднялась сладкая наша луна снова.
Счастье опять стало другом моим, мне улынулась весна снова.

Разум блуждал мой, дорогу любви он потерял и с пути сбился,
Но он вернулся на истинный путь—счастьем душа полна снова.

О воздержании думать я стал, и благочестье влекло разум,
Но из-за завесы ее красота вдруг показалась, нежна—снова.

Словно бутон, в сердцевине скрывал долго я жаркий огонь в сердце.
Только дым стонов горьких моих выдал меня сполна снова.

В луже моих безотрадных слез весь утонул кипарис стройный.
Стала доступна моим рукам ныне его высота снова.

К солнцу сияющему любовь вечно растет, как луна, в сердце.
И, как свеча, я от нее таю, лишенный сна, снова.

Каждую ночь гасну я, как свеча, и расстаюсь я с душой бедной.
Утром благоуханий твоих душу живит волна снова.

Милая жатву жизни моей выжгла по колоску, ныне ж
Ветром страсти полову всю мне выжигает она снова.

Денно и ночью я опьянен чашницы взором хмельным, жгучим.
Пьян я вполне, не нужно мне ныне другого вина снова.

Я, Насими, лик прекрасный люблю, не отрекусь от него в жизни—
Хватит с меня наставлений, захид, слушать ли мне болтуна снова?

Раб узаконенный ты, коль твой идол на самого тебя внешне похож —
Лучше открой ты души своей очи—истинный лик ты скорей обретешь!

«Ночь так темна»—этот стих из Корана сказан о локонах черных ее,
Лик ее видя, «Светла она»—скажешь, этот аят незабвенный прочтешь.

Кто мы? Любви мы поклонники вечной, только в дерюгу мы облечены,
На каландаров, сынок, погляди-ка—наша одежда—подобье рогож.

Ты, что порою стремишься к Сидджину, а иногда выбираешь Коран —
Брось их и знаменем лика любимой бедную душу свою обнадежь.

Ты погляди, что за тщетным мечтаньям искренне предан безмозглый аскет—
Верует он в судный день, безусловно, и что его богомольность—не ложь!

Сущность вещей—в сочетанье «Алифа» и буквы «Би»—имя истины в них.
Если внимательно будешь смотреть ты, ты эту тайну святую поймешь.

О, Насими, если к богу стремишься, в море тогда погрузись ты скорей.
В море бескрайнем ковчег его встретишь, сердцем тогда навсегда расцве-
тешь.

Уповай на господнюю милость, о сердце, в час разлуки лихой не горюй.
Ведь опять ты увидишься с другом любимым, будет счастье с тобой, не горюй!

Не горюй, хотя сердце горит от разлуки, это горе, как радость, прими.
Вновь наступит день встречи с прекрасным любимым, обретешь ты покой, не горюй.

Сад зеленый не может всегда оставаться без улыбчатых розовых уст.
Нет, раскроются почки и розы прольют нам аромат свой хмельной—не горюй!

Хоть разлука тебя истомила, о сердце, и измучено ты без конца,
Но увидишься все же ты с Милостью Бога беспечальной порой—не горюй!

Каждый миг небосвод в своей чаше лазурной подает тебе гибельный яд.
Но тебя напоят он и противоядьем—ты простишься с бедой, не горюй.

Хоть в разлуке с возлюбленным другом ты страдаешь, по кудрям ты тоскуешь его.
Но уж благо и то, что к ним сердцем привязан, счастьем душу открой, не горюй!

Без улыбчивых уст проливаешь ты слезы, безутешно скорбя, по ночам.
Но наступит день встречи, и ты улыбнешься, так ночью порой не горюй!

Оказался вдали он на краткое время, хоть иного хотелось тебе.
Но я верю, что скоро конец будет бедам, брызнет свет золотой, не горюй!

Да, трудна для влюбленного сердца разлука, бесконечны страдания его.
Станет легче, коль встретишься ты с ненаглядным, со своею мечтой,—не горюй!

В изначальности ты договор вечной дружбы заключил с ним—страшиться ль тебе?
Эта дружба пребудет вовек, сохранится договор тот святой, не горюй!

Не боятся влюбленные злобных укоров, к ним привыкли издревле они,—
Если ты настоящий влюбленный, не дрогнешь ты пред злой клеветой. Не горюй!

Ведь конечная цель твоя—встреча с любимым, а когда он далек от тебя—
Знай, что он отдален от тебя только телом, он с тобою душой, не горюй!

Сам пророк этот мир звал темницей—и верно, но зачем же о том горевать?
Не вечна та темница, расстанешься скоро ты навеки с тюрьмой—не горюй!

С Фазлуллахом дружа, тайны букв ты изведаль, с Начертаньем Великим знаком.
Не робей перед джинном и смело и бодро в спор вступай с сатаной, не горюй!

Вот и время заветное скоро подходит, когда ласковый ветер тебе
Принесет весть о локонах милого друга, аромат их живой—не горюй.

Джинн лихими невзгодами путь устилает всех людей на широкой земле,
Но Коран—Имя Друга—всегда защитит нас, став гранитной стеной—не горюй!

Коловратное небо приносит нам груды бесконечных страданий и бед.
Милосердного милость зато беспредельна, она льется рекой, не горюй.

Если по наущенью Яджуджа лихого мир затопит безбрежный поток,
Фазлуллах—он твой Нух: захлестнуть с ним не смеет тебя море волной, не горюй.

На два мира грехов твоих тяжких хватает, но зато во владенье твоём
Клад Каруна и трон Сулеймана алмазный—будь доволен судьбой, не
горюй.

Коль познания вина ты из кубка аята «Напоите их!»—бодро вкусил.—
Значит, ты—это Хызр, что вкусил воду жизни, не напуганный тьмой, не
горюй!

Ты когда-нибудь цели заветной достигнешь,—ведь твой царь благосклонен
к тебе.

Этот царь одаряет султанов и нищих, ты под царской звездой, не горюй!

«Я был скрытым сокровищем»—всякий ли зрячий может видеть, в чем
смысл тех стихов?

Ты ж владеешь ключом от заветного клада, значит, ты не слепой—не горюй!

Коль ты стал водолазом в божественном море, погружайся смелее в него,
И уже отступать ты не смеешь, робея пред пучиной морской—не горюй!

Ведь вселенная—это рудник, а алмаз в нем, его сущность—то разум, мой
друг:

Коль знаток ты алмазов, алмаз драгоценный, то в невзгоде любой не горюй.

В лавке жадности, страсти, мирских вожелений запер дверь ты на прочный
замок.—

Значит, в жизненном торге убытки любые возместишь ты с лихвой, не
горюй.

Лик кумира—то вера влюбленных, а кудри—то блуждания, скитания их.
Коль стремишься ты к вере, смелей будь, влюбленный, что глядишь ты с
тоской? Не горюй!

Будет в вечных чертогах, среди рек золотоструйных жить влюбленного завтра
душа,—

Потому, коль чертог твоих глаз и разрушен безотрадной слезой—не горюй.

В мяч човгана Его преврати свою душу: коль стремишься к човгану тому.
Не страшись, о душа, ты ударов човгана и, сдружившись с мечтой, не горюй!

Но влюбленный, коль хочешь достигнуть Каабы, как и мы, то кровь сердца
тогда

Ты в дорожный припас обрати, и колючки ты не бойся степной—не горюй!

Коль к тебе Милость Господа склонность питает, Насими, то оковы его
И темницы—то щедрость и великодушье, и окутанный мглой, не горюй!

Весь мир озаряют лучи золотые лица, что, как солнце, светло поднялось.
А благоуханье кудрей твоих дивных по зримому лику земли разлилось.

От зависти горькой горят гиацинты, горюют, увидавши кудри твои.
Луна пред красой твоей наземь спустилась, ей голову прахом посыпать
пришлось.

При виде твоей красоты лучезарной скитаются по миру солнце с луной.
И мускус и амбра блуждают по свету, почуяв дыханье душистых волос.

Твой лик—это рай, по сравнению с которым долиною маленькой кажется
рай.

Ковсар—заурядный напиток в сравненье с вином твоих уст, этих пламенных
роз.

Черты твои, родинка—это аяты, святого Корана живые стихи.

Ты—образ великого славного бога, в тебя все его милосердье влилось.

Не верю тому, чтобы времени око могло вот такого кумира узреть
Серебрянотелого с сущностью чистой, в котором все лучшее в мире спле-
лось.

Лица твоего лучезарного образ лазурные ангелы в небо внесли—
Святой Джабраил тогда кинулся в пламя, едва только лика сиянье зажг-
лось.

Та родинка, что приютилась на розах ланит—то моей средоточье души.
Твои гиацинты, как к солнцу, стремятся к лицу, что багряным огнем
занялось.

Любовь к твоему луновидному лику, как солнце, влечет к себе душу мою.
И я называю лицо твое солнцем, к которому племя частиц вознеслось.

Твой облик божественный—дивная чаша, в которой господь отразился
сполна.

Не та это чаша, что Джаму когда-то создать чародейством своим удалось.

И ночью, и днем постоянно, бесценно, сижу ли, стою ли я—передо мной
Твой образ стоит пред глазами, и в сердце он—что тут поделать—как
вкопанный, врос!

Окован я страстью к кудрям твоим черным—и эту небесную тайну, душа,
Не вынешь обманом из жаркого сердца,—оно от всего, что не ты—отрек-
лось.

К кудрям твоим страсть охватила жаровню горящего сердца—и вот я боюсь,
Чтоб дымное пламя из сердца жаровни до самых небес невзначай не взви-
лось.

Скажи, Насими, что же в мире есть лучше венца, что возложат на темя тебе
Из праха от ног Фазлуллаха, который великую истину в мир наш принес?

Коль блеснет передо мною-мною яркое-кое ее лицо, схоже с солнцем и луной-луною, то весь мир затмит она-она.
И светлее-тлее от сиянья, что по миру разлилось-лилось, станет солнца-солнца полыханье, будет ярче и луна-луна.
Но луной-луной не назову я пери-перя сладкую вовек, у луны-луны ведь не найду я локонов-конов, как у нее.
На оковы-вы похожих-хожих, что разлили-лили аромат, душу всех людей-людей тревожа, все земные племена-мена!
Если разовьет она душистый лишь единый завиток-виток локонов-конов своих волнистых, что мне снятся-снятся день и ночь.
То дыханьем ароматным-матным сладостных кудрей-кудрей ее будет-будет безвозвратно-вратно вся душа опьянена-нена!
Щеки-щеки как тюльпаны-паны розовым-зовым горят огнем, а глаза-нарцисы пьяны-пьяны, и бросают хмель-хмель в душу мне.
Рот—фисташки сладостнее-нее, а уста-уста—что сахар-хар, только он пьянит сильнее-нее крепкого-кого вина-вина.
В саду-ду лишь роза мимолетом щеки милой увидала-ла, облилась бедняжка-няжка потом, а сказала-зала, что росой.
Кипарис-парис пред станом-станом голову-ву опустил-пустил, ибо лишена изьяна-яна эта стана прямизна-мизна.
У меня одно желанье-ланье, от него не отрекусь-рекусь, пока есть во мне сознание-нанье и на свете-свете я живу—
Чтоб в награду за страданья-данья выпало на долю-долю мне, хоть одно-одно свиданье-данье с той, что мне одна нужна-нужна.

Но беседа с ненаглядной-глядной и любимой-бимою моею сердцу моему отрадной-радной радости-дости не принесет.
Если только эта встреча-встреча будет нежеланна-ланна ей и она моею речью-речью будет лишь удручена-чена.

Вот таких стихотворений-рений много Насими писал-писал средь своих полночных бдений-бдений, чтобы милой угодить своей.
Слоги-слоги повторяя-рая и с рифмовкой внутреннею-ней, вот еще одна газель-газель такая им для милой сложена-жена.

Я голову ратника свою опять к твоему порогу кладу.
Победный сокол—добыча твоя, написано, видно, так на роду.
В уединенье отшельником быть мне надоело, уж лучше я,
Подобно твоим беспощадным глазам разрушу свой дом и прочь уйду.

Утренний ветер приносит себя в жертву любви к твоим кудрям.
Зачем решил соперничать он в любви со мною, себе на беду?

Я вижу, соткан из красоты, изящества, прелести и любви
Твой облик, о стройный кипарис, гордо стоящий в моем саду!

О луна, ты брови свои сделала лучником, чтобы он
Острыми стрелами ресниц людей поражал, за чредой чреду.

Сердце мое на огне любви, подобно алоэ, сгорело совсем.
Лекарь, зачем ты лечишь его? Ведь я лекарств от тебя не жду!

Если со станом изящным твоим однажды ты выйдешь на свежий луг,
То онемееет тотчас кипарис, увидев тебя к своему стыду.

Сколько же времени будешь ты жечь душу несчастную Насими.
Как будто восковую свечу, в сердце к нему затаив вражду?

Ты о приметах птицы Анки меня—ведь я всегда летаю над белоглавой Каф-
горой—расспрашивай.
Я—рыба из морей любовных, меня ты о повадках моря порою летней и
зимой расспрашивай.

О чистоте души гуляки, что пьет вина любви подонки на пиршестве любви
великом, радостном,
Молю тебя янтарной чашей, ты кубок влаги искрометной, всегда пенящейся,
хмельной, расспрашивай.

При мне оставь ты разговоры про пост, обеты, воздержанье, о них мне
нечего сказать хорошего.
Аскетов тощих, лицемерных, всегда обманчивых, неверных, об этом обо
всем, друг мой, расспрашивай.

Всегда стоят перед моими глазами очи ненаглядной, и лучше ты меня о
страсти гибельной,
Очаровании, бессилье, об опьянении любовью, мучительной, роковой—рас-
спрашивай.

Якуб, с Юсуфом разлучившись, ослеп от горя и печали, и дни его все ста-
ли мрачны, бедственны.
Ты лучше о любви Зулейху, обвороженную навеки Юсуфа сладкой красо-
той, расспрашивай.

Суфийской кельи обитатель повадки лицемерья знает, и нет ему на свете
равных в ханжестве.
А я, друзья, поклонник солнца, меня ты лучше о Масихе и о душе его
святой расспрашивай.

О ханжестве и лицемерье спроси ты шейхов и захидов, они тебе об этом
скажут правильно.
А нас ты лучше о повадках людей, что к истине стремятся нелицемерною
душой, расспрашивай.
Неси вина, садись в кружок наш, смотри, не упускай мгновенье, уйдет ведь
навсегда, безжалостно.
И Насими, что пьян безмерно, о смысле бытия земного с его тщетой и
суею расспрашивай.

Похищать сердца умеют кудри милой, ненаглядной—и не только!
Каждый волосок хватает сотни пленных беспощадно—и не только!
А уста ее так сладки, что напоминают сахар—и не только!
Эти яхонты, как кубки—льют они шербет прохладный, и не только!
Я себе дал твердо слово тех кудрей остерегаться и бояться.
Те разбойники отнимут душу с сердцем безвозвратно—и не только!
Я терплю врагов укору и соперников обиды поневоле—
От возлюбленной терплю я столько муки безотрадной—и не только!
Идола суфий под мышкой держит в келье одинокой потихоньку.
Он зуннар под власяницу надевает аккуратно—и не только!
Сколько выносило сердце от любимой злых мучений—нет и счета!
А теперь опять мученья—словно в тьме я непроглядной—и не только!
В судный день, как в день базарный, каждый преисполнен страсти, самой
разной.
Хоть один для всех владыка в этот день базарный страдний—да, и только.
Кто душой своей и сердцем к лицам милых не привязан и не чтит их,
Тот пустой лишь только образ, на стене портрет нарядный—да и только!
По закону шарната кто «я бог» промолвил, будет предан казни.
Почему ж Мансур повешен и другие? Непонятно—да и только!
Насими по воле Фазла уж при жизни стал бессмертным, совершенным.
Как Мансур, врагов не внемлет он суждениям превратным, да и только!

Запечатлен твой образ дивный в душе моей, как на скрижали.
Я о кудрях твоих мечтаю, и думы спутанными стали.

Такой луны, как лик твой ясный, и кипариса, чтоб похож был
На стан твой стройный, мы доселе еще на свете не видали.

Я говорил себе, что сердце от локонов беречь я должен.—
«Нет, нет, ошибки нет ужасней!»—так брови мне твои сказали.

От страсти к милой сердце стало кристальным, безупречно чистым—
Ведь сердце феникса вовеки огни лихие не пугали.

Я таю сердцем и душою и все ж я тот же—ведь влюбленность,
Подобной став свече горящей, в конце такая ж, как вначале.

Мы рассказали, что за тайна в словах «Я бог» издревле скрыта.
Теперь Мансура известите, чтоб с виселицы нас снимали.

Блаженство ветерок доставил, нам аромат ее принеся,
Пусть будет жизнь твоя как наша, блаженна, без печали.

От черных локонов не стало ль лицо-луна еще прекрасней?
Где есть луна, чьи очертанья от туч лишь ярче заблистали?

Стихий основой пусть будут тридцать две буквы постоянно:
Огонь и ветер, прах и воду они победно сочетали.

Твои черты назвал рейханом однажды Насими ошибкой,
Прости ему его обмолвку, все за нее его ругали.

Хоть суфий во власянице ходит, только чистоты он не обрел.
Лучше ты возмись за руку пьяниц, крепче ты держись за наш подол.

Эй, ханжа, оставь свои укору—тайну единенья с богом ты
В звуках чанга и напевах ная до сих пор, бедняга, не нашел!

Ты, велящий мне глаза зажмурить, на лицо красавиц не глядеть.—
Или стыд пред красотой их дивной ни на миг тебя не уколол?

Благоденствие свое мы видим только лишь в красавицах, в вине.
Ты, советчик праведный, подумай, как ты от своих спасешься зол!

Праведником звать себя решил ты—идол Лат под рубищем твоим.
Погляди на бога, ты, что плевал хитростью в пшеницу произвел!

Сердце, что постигло тайны бога, ты укоров вражьих не страшись.—
Тот, кто хочет меда, постоянно должен выносить укусы пчел!

Почему своим благоуханьем, ветерок, ты опьяняешь нас?
Иль дыханье локонов любимой ты несешь нам, как ее посол?

На плечах меня хмельного носят так, как носишь кудри ты свои.
С той поры, когда к очам пьянящим я глаза влюбленные возвел.

Ты, как и мудрец, постигнешь бога, станешь совершенным ты вполне.
Если ты вскипишь, как винный кубок, что у риндов украшает стол.

Я сегодня ночью очень мрачен, но вчера мне было тяжелей —
Жребий мой без локонов смолистых был вчера, как никогда, тяжел.

Всякий, кто хоть капельку отведал этого вина, как Насими,
Будет отдан навсегда безумью, слыша лишь божественный глагол.

Пред сладостью алых уст твоих опечалился сахар—ведь он с изъясном!
Лицо твое нежной краской своей—на зависть розам всем и тюльпанам!

Ты натянула стрелу ресниц на тетиву своих черных бровей—
И в душу влюбленного бьешь стрелой с упорством жестоким и постоянным.

Ты судьба моя и звезда, как можешь ты убежать от меня.
Ты моя жизнь и счастье мое—тебе ли стать горем моим неожиданным?

Удалился к реке кипарис и там одиноко растет теперь.
Ему ветерок рассказал о тебе, и он поистыжен твоим стройным станом.

Султан красоты твоей пошел с войском кудрей и прекрасных черт.
Родинки и румянца щек—и гибель теперь угрожает всем странам.

Если солнце захочет вдруг с тобою соперничать в красоте—
О камень бьется пусть головой—что еще делать с таким смутьяном?

С тех пор, как образ был создан твой, художник в небесной мастерской
Не мог создать кумира, чтоб был дивной такой красой осиянным.

Боже, как облик ее совершен, лицо не знает равных себе.
Воображенье мое сражено, ум как будто смят ураганом.

Возлюбленной дивные черты солнце сразили своей красотой.
Длинные косы твои луну наземь стянули своим арканом.

Что мне доброе имя и честь! И думать о них я давно забыл!
Влюбленным доброе имя и честь кажутся чем-то ненужным и странным.

До утра на престоле Зухры на чанге играл от любви к Луне
Каждую божью ночь Насими, полный экстазом несказанным!

Ветерок! Любимая моя, знаешь ты, чутка необычайно.
Тише дуй! Порой твоя игра, милый друг, дерзка необычайно.

Если хочешь что-нибудь спросить, у меня, влюбленного, спроси—
Например, о розе милых щек, что нежна, сладка необычайно.

А потом скажи ее очам ты о сердце плачущем моем.
Ведь тоскует по своей родной сердце бедняка необычайно.

Увидавши стан ее—молчи, пред походкою замкни уста.
Стан—источник бед, походка—смут, как она легка—необычайно!

С болью в сердце что же делать мне, я не знаю, растерялся я
Переполнилась та чаша тайн, а она тонка необычайно!

От страданий по тебе душа Насими всегда была хрупка.
Сжался надо мной, теперь она, бедная, хрупка необычайно.

От глаз твоих, бровей—я в восхищенье, от родинки и локонов—в огне;
Любой из них—сердце убийца грозный, пред ним не устоять любой броне.

Влюбился кипарис лугов прекрасных, тебя увидев, в твой прекрасный стан.
Ты—верх изящества, и пусть взлелеет тебя Аллах в надзвездной вышине!

Тобой навеки будет очарован художник из Китая, если он
Воображеньем твой уловит образ или его увидит хоть во сне.

Я опьянен твоею красотой и даже не пытаюсь описать
Божественный твой облик—не под силу задача эта оказалась мне.

Не отводи от глаз моих ты лик свой—ведь знаешь ты, что полная луна
Великолепно отразится в море, в его незамутившейся волне.

Глазам эпохи не удастся видеть прекрасней дивных локонов твоих.
Твой лик средь них—в ночь Кадр золотое солнце, горящее в небесной кру-
тизне.

В любви я объясняюсь представляемую о локонах и родинке твоей—
Вот чем безумный горестный влюбленный бывает занят ночью в тишине.

От горя и печали постоянно сердечный разгорается огонь.
Вздыхается дым вздохов черным вихрем и крутится вверху, в голубизне.

На новую луну гляжу я часто, как о твоих я думаю бровях,
Но знаю я—до них по совершенству далеко этой молодой луне.

Влюбленный! Если, Насими подобно, стремишься к встрече с розоликой ты,
Рыдай, как соловей, пока есть сердце, ты о любви—единственной вене.

Лик твой—то дорога, что ведет нас к богу, направленья не меняя.
За любовь казненный будет вечно жить отныне лишь в пределах рая.

Как Муса, кто не дошел до бога, пламя лика твоего увидев,
Тот, как фараон, на месте Нила кровь увидит, что течет, сверкая.

Букв тридцать и две твоих докажут подлинно существованье бога.
«Истинно мы встретились»—аята сущность в них воплощена прямая.

Сам Иммануил Исы не знал бы, если б он твоей не ведал тайны,
Если б буквы тридцать две не знал он, что твой лик таит, от всех скрывая.

Коль, как Насими, ты суть постигнешь этих букв с подмогой Фазлуллаха,
Как Иса, бессмертье ты получишь, никаких невзгод уже не зная.

В сущность беспредельности вникая, кто б стремился к истине всечасно,
Если бы черты лица любимой не вели нас, путь нам освещая?

Тот, кто доблести не стал учиться, букварем взяв лик твой осиянный,
Жизнь провел бессмысленно, без цели, только своей лени потакая.

Лица твоего огонь, который обжигает чужаков—конечно
Был костром, что древле для Халила дивным садом стал, подобьем рая.

Тот, кто создал образы, из духов бытия рисунок весь составил.
Чтобы прах от ног твоих питаньем был им, хлеб засушенный им давая.

Бог дал лику твоему, поверь мне, совершенной красоты сиянье.
Что нашло благое завершенье, в совершенстве господя сверкая!

Для того, кто ищет сущность бога, тридцать две черты лица любимой,
Истинный покажут путь, вседневно с гибельной дороги совлекая.

Среди райских куш живой источник—бог ему дал имя Сельсебия—
Только капля животворной влаги алых уст твоих, моя родная.

Благо, что мне свыше подарили родинка твоя и лик твой ясный,
Выше всех загробных благ грядущих и того, что жизнь дарит земная.

Душу я отдам за благовонье краткой встречи с локонами милой—
Я б и сотню отдал долгих жизней, чтоб к ним прикоснуться, дорогая.

Шелковая прядь кудрей душистых, что всегда благоухают амброй,
Под свою сенью блеск господний сохраняет, все сердца сжигая.

Облик твой—зерцало, сущность бога в нем всегда находит отраженье.
Только Азизил взирает тупо, чуда из чудес не понимая.

Мать всех книг—лишь список со скрижали лика твоего, что сохранилась
В кладовой у господя, откуда Джабраил принес ее, пылая.

В то мгновенье, как десница бога начертала родинку на лике
Дорогой моей, упало небо в Нил, от горькой зависти рыдая.

Розы-розы цветут-цветут-цветут, разливается всюду весна-весна-весна, и
выходишь ты гордо в сад-сад-сад.
Щеки розами-розами взгляд жгут-жгут, кипарису подобная, ты стройна-
стройна-стройна, а уста, как вино, слаще всех услад-услад-услад.
Грудь твоя, словно белый жасмин-жасмин-жасмин, среди душистых долин-
долин-долин, но мрамор-мрамор-мрамор в сердце твоём.
Стан—самшит могучих вершин-вершин-вершин, а язык я сравнил с соловь-
ем-соловьём-соловьём, что поет на высокий лад-лад-лад.
Ты величием духа гора-гора-гора и, как ветер среди гор, быстра-быстра-
быстра, и как он ты летишь-летишь-летишь.
И когда ты с утра-утра-утра с чангом-чангом-чангом по лугу звенишь-зве-
нишь-звенишь, звуки нежные ввысь летят-летят-летят.
Капля пота блестит-блестит-блестит, словно жемчуг твоих ланит-ланит-ла-
нит, а все в мире тебе славословье поет-поет-поет.
Каждый локон арканом лежит-лежит-лежит, а твой конь как Дулдул-Дул-
дул-Дулдул, он нести в самое небо рад-рад-рад.
Насими, не изведаль ты милой нрав-нрав-нрав, от презренья ее устав-устав-
устав, ты вокруг дома ее не броди-не броди-не броди.
Ведь лицо ее увидав-увидав-увидав, лишь целей от нее ты жди-жди-жди, и
вернуться не сможешь назад-назад-назад.

Ее лик—то скрижаль золотая господня, а от родинки нежной, кудрей черноты,
К нам доносится речь сокровенная бога—от меня эту тайну изведаеть ты.

Назови ты лицо ее Кыблой своею, если в дольний и горний ты веруешь мир.
Если веришь в Каабу, в святую обитель, и стремишься священной достичь
высоты.

Чтобы ты мусульманином стал настоящим—тем, что в Мекку священную
хаджж совершил,
Обойди вокруг лица и кудрей благовонных, в преклоненье пред чудом ее
красоты.

Ты пойми: ее лик — это место явления благодетельной сущности бога-
творца.
Если праведен ты, ты поймешь, что склонились мудрецы перед светом его
чистоты.

Рай, прекрасные гурни, светлые пери, ключ Ковсар и живая вода—это все
Просто кудри, ланиты моей ненаглядной—верь, как свету очей своих средь
темноты.

Ее стан, ее кудри и рот—то подобье букв «Алиф», «Лам» и «Мим»—то
нетрудно понять.
Если ты не уверуешь в истину эту, то тебя покарают господни персты.

Ее брови прими за михраб величавый, ее тело имамом ты провозгласи,
Если хочешь свершить ты молитвы такие, чтобы были на небе они приняты.

Смысл Корана, Инджила и Торы поймешь ты, если взглянешь на буквы
лица дорогой,
Не хватает одних только «Лама» и «Мима», в остальном же достигли они
полноты.

Поскорее души своей очи открой нам и взгляни ты на зеркало лика ее—
И увидишь лицо райской гурни светлой, удаленной от вечной мирской
суеты.

Где источник сиянья у солнца с луною? То лицо твое блеск им и яркость
дает.
А изящество гурням, пери ты тоже придаешь от великой своей доброты!

В лучезарно-светящемся лике любимой проявляет себя яркий блеск бо-
жества—
Так светильника свет отразится в лампаде, ну а в чашах—те вина, что в
них налиты.

«Красота у красавиц вечна»—изречение, что относится только к любимой
моей:

А «в шатрах не поместятся бога чертоги», то намек на твои огневые черты.
Кто за кудри твои не схватился упрямо, кто каната спасения в них не
видал—
Тот подобен гяуру, и в ад попадет он, станет жертвой безумной своей
слепоты.

Твоя родинка и письмена, что на лике так прекрасно и ясно изображены—
На земле и на небе источник порядка, удивительной стройности и простоты.

С той поры, как по милости Фазла святого, Насими стал рабом вечной
страсти к тебе.
У луны, небосвода, Зухры, да и Солнца—стать мои рабами—одни лишь
мечты!

Меня угнетает лишь одно—лишь только игривый взгляд—и все!
Лишь от кумира моего сердечные раны кровоточат—и все!

О утро, про солнце не смей говорить, ведь наше солнце иное совсем.
Это—ланиты любимой моей, несущие сотни усад—и все!

Ветер, когда повидеаешься ты с кудрями кумира моего,
Скажи, что я тоскую по ним, без них в моем сердце ад — и все!

Пока чаша ее блестящих глаз, хмелем, истомой будет полна—
Буду и я постоянно хмельным, сном я буду объят—и все!

Любимых локонов завитки, что амброй благоухают всегда,
То—для спасенья мудрецов крепкий, надежный канат—и все!

У соловья не спрашивай ты, как с розой в разлуке живется ему—
Ведь без розы одним шипам—укорам ее—он рад—и все!

О невежда, влюбленного ты о приметах любимой спросил зачем?
Этот мир и загробная жизнь—любимых кудрей аромат—и все!

Путник, стремящийся к богу, ты не спрашивай, где жилище его.
Лучше на виселицы взгляни, на тех, что там висят—и все!

Если с любимой блаженствуешь ты, значит, уже наступила весна.
И виночерпий несет тебе чашу веселья в сад—и все!

Если б не нужно было нам все рассказать, что скопилось в душе—
Мы целовались бы до утра много часов подряд—и все!

Лишь потому, наконец, достиг цели желаний своих Насими,
Что с кудрями любимой играет он и счастьем этим богат—и все!

Мой кумир! Я оттиск всех рисунков, что чертит рука твоя, светла.
Я душа души любых предметов, что ты близко к сердцу приняла.

Я изображение всех явлений, что всечасно созерцаешь ты.
И в любом, что на тебя взирает, моя сущность облик обрела.

Я—Юсуф, а мир—колодець черный, я—сам Нух, а мир—то мой ковчег.
Страсть моя—то Фараон в Египте, я—Муса, хоть нет в руке жезла.

Мое тело — кит, Иона — сердце, а материя — то океан,
Сдвинется весь мир, коль захочу я, та задача мне не тяжела.

Стал Ахмед мышленьем Златоуста, а Бурак—его высокий дух.
На Дулдуле мы повсюду мчимся, свой призыв любовь для нас зажгла.

Головой я в трон небес уперся—выше невозможно вознестись.
Грудь моя—кромешный ад, а сердце—рай, она обитель в нем нашла.

Подлинно—я меч булатной стали, а весь мир—то ножны для него.
Если мир расколот — значит мир весь сталь моя на части расскла.

Слово ныне нашим солнцем стало, рот и уши—запад и восток.
Мое тело—то луна, что ныне над всем миром радостно взошла.

Для тебя—лишь сатана злонаправный—дух, что сущность истины постиг.
Но когда бы истину познал ты, ты б узнал, кто дальше всех от зла.

Путь мой шел через моря и степи, но теперь я, словно Насими,
Бесприметного постиг приметы, хоть скрывает их густая мгла.

Я—двухнедельная луна, что ярко на небесах души всегда блестит.
Я—солнце счастья на вершине вольной тех сфер, к которым мысль не долетит.

Я—вышний небосвод, на чьем пороге склоняет робко голову свою
Живительное солнце, ожидая, что счастье его благословит.

Я—высший повелитель государства, в котором сторожем ночным—Луна.
Сатурн—то просто балдахин для тени, от солнечных лучей надежный щит.

Я—подлинная Книга, не бывает сомненья в достоверности моей.
Я—Книга говорящая, в которой счет качествам моим давно открыт.

Я—тот высокий Гамаюн, который взлетает выше, чем небесный трон.
Я—тот мир содержания, который над миром проявления царит.

Я—тот, к чьему порогу шах с султаном всегда за подаянием идут.
Я—тот, кому на небе солнце светит, кому всегда с небес огонь горит.

Я—тот, кто твердо ступил ногою, на самое созвездие Плеяд,
Кто под десницей держит оба мира и власть над ними вечную хранит.

Я—виночерпий радостный, который, хмельным влюбленным лик свой показав,

Вином духовным поит их и сердце отрадой неизбывной веселит.

Я—блещущий алмаз, происходящий из копей рудника, чье имя—жизнь.
Напиток из Ковсара, что по жилам души волну отрадную струит.

Я—тот невидимый, который всюду присутствует неизвестный никем.
Я—содержанье явное, и все же от любопытных глаз всегда я скрыт.

Я—безопасный путь, что по велению господню называется Сират.
Я—тот извечный рай непреходящий, что блага бесконечные сулит.

Я—тот, что проявляется повсюду, во всех материях, посредством букв.
Оставь же тайных откровений знаки—явление мое всех озарит!

О ты, мудрец-педант, что ты толкуешь о древних, новых ли явленьях нам?
Я составляю сущность всех явлений, и древность с новизной во мне кипит.

О Насими, хотя, Исе подобно, ты духом и душою стал давно.
Но я есть духа дух, души душа я, и знак мой над вселенною горит!

Я—вездесущий клад; в пространстве, мир заполняя, не вмещусь,
Я—выше тела, выше духа, в них никогда я не вмещусь.

Ни разум, ни воображение ко мне дороги не найдут.
Ни в разум, ни в воображение, я твердо знаю — не вмещусь.

Я— море без конца и края, не ведаю пределов я.
Поток бушующий, в каналы и в желоба я не вмещусь.

Я—верный образ всей вселенной, мир свойств, присущих всем вещам.
Я—солнце сущности глубокой, и в небеса я не вмещусь.

Я—утро для священной веры, восток, где истина взошла,
В сомнениях, что мучат разум, его смущая—не вмещусь.

Я—божий рай благословенный и милосердная любовь,
Я—жемчуг и алмаз, но в копи, да и в моря я не вмещусь.

Я—есть душа всех душ, я выше всего живого, духов всех.
Я—без примет султан, в приметы и в берега я не вмещусь.

Я—бога благодать святая, я—Фазла щедрого рука.
Я—Фазла судный день, и знайте, что в письма я не вмещусь!

Я—самый благородный список, и буквой «Мим» я осенен,
Я—самый важный знак из знаков, и вот—в века я не вмещусь!

Я—тайна «Кефа» с «Нуном»—тот я, о ком не спросят: «Как?», «Зачем?»
Я есть материя в покое, во времена я не вмещусь.

Халила скатерть я, и бога всевышнего я торжество,
Я—небосвода чаша; в сферы небес, стгорая, не вмещусь.

Я—бога золотое слово, Масиха собеседник я.
Я в объяснение, всем в мире все объясняя, не вмещусь.

Я соанца жернов, ну а буквы—то просто мельница его.
Питанье всех людей, в их рты я, весь мир питая, не вмещусь.

О Насимя, я—дух, иль просто, я есть дыханье Насими.
Я в языки людские, все их в себя вмещая, не вмещусь.

Во сне я взгляд ее бездонный вижу
И набожность я угнетенной вижу.
Уста твои я вспомнил—чашу глаз
Я полный влагою червеной вижу!
В моих глазах всегда любимый лик.
Как рыбу я в воде студеной вижу.
Любовь, конечно, для аскета грех,
А я ее вполне законной вижу.
Вина мне, чашник, принеси—ведь с ним
Я ночью солнышко, бессонный, вижу,
Увидев розы сладостных ланит.
От взора скрытые бутоны вижу.
Глаза ее и брови—для людей
Бедой я не предотвращенной вижу.
В мечтах о лике и кудрях ее
Я ночью луною озаренной вижу.
О, Насими, на лике милой я
Всегда Мать Книг изображенной вижу.

Фазлуллах стал другом мне теперь, и теперь уж друг другой на что мне?
Сердце, что не плачет без него, смертной изойдя тоской—на что мне?
У его порога я нашел тайный клад соединенья с богом.
Я—богат, что золото для меня, да и жемчуг дорогой—на что мне?
Стало от величия его сердце чудотворным эликсиром.
Лалов и алмазов я рудник—клад богатый, золотой—на что мне?
Тайну сотворенья мира я вызнал от ее кудрей и лика.
Не нужны пророка мне слова, да и сам пророк святой—на что мне?
Я изведал тайну лалов-уст моего кумира дорогого,
Сахар я и мед—что сахар мне и напиток медовой—на что мне?
Буквы тридцать две, что заключил в своем лике друг, твержу я вечно.
Обойдусь я без других молитв, а намаз дневной, ночной—на что мне?
Стали очи сердца моего от лица его гореть, как светоч.
Мне хватает света для очей, ныне тутия с сурьмой—на что мне?
Нет, не светят солнце и луна так же, как лик друга лучезарный.
Есть светило это у меня! Солнце яркое с луной — на что мне?
Тридцать две бессмертных буквы я прочитал на ясном лике друга.
Для чего же мне букварь любой, букв узорных разнобой—на что мне?
Сердца моего огонь разжег пламя вечное любви повсюду.
К богу я пришел—зачем мне Тур, древо с сенью огневой—на что мне?

Кто прошел небесных девять сфер, в бесконечном устремленье к богу,
У меня в краю его нашел—странствия и путь кружной—на что мне?

Фазл венец величья, Насими, возложил на голову мне ныне,
И на что нужны мне конь и меч, пояс и венец золотой—на что мне?

Что мне толку в синей власянице, мне она безмерно надоела.
Дай вина мне, чашник, ведь окрасить в алый цвет ее—благое дело.

Дайте чашу, полную до края,—образ глаз хмельных моей любимой;
Чтоб уйти от самоопьянения—сердце от него окаменело.

Ветерок, скажи, где благовонье локонов Лейли, подобных цепи.
Чтоб безумье сердца успокоить, что Медждуном—мною овладело!

Очи мои ночью попросили у ее виденья: «Навести нас!»
«Как Джейхун мне переплыть без лодки? Отвечай мне!»—с уст ее слетело.

Если б из груди моей печальной я дым вздохов выпустил, то сразу
Горы я в равнины превратил бы—так бы горе в сердце пламенело!

Жаждают моей крови, виночерпий, алые уста ее—вина дай.
Чтоб оно души в горячих жилах огненною кровью закипело.

«Пей вино!»—Мне молвит виночерпий, но «не пей»—мне говорит советчик.
И чьему мне следовать совету? Я стою, смотрю оторопело.

Ее сердце знать меня, безумца, словно дикий зверь я, не желает.
Как околдовать и приучить мне пери, чтобы на меня глядела?

Ты мне посоветовал: мол, взоры отведи-ка от лица красавиц—
Если это грех, что тут поделать—умножать грехи решаю смело.

Небосвод с любимой разлучает, и судьба ко мне неблагосклонна—
На судьбу иль небосвод пенять мне, что душа так много претерпела?

Насими согнулся от страданий, стан его теперь, как полумесяц—
С «Далем» или с «Нунами» —бровями с чем его сравнить душа велела?

Я с помощью бога дорогу в господни селенья нашел,
Познав его, вечное царство и благословенье нашел.

В лечебнице Духа Святого Масих дал мне чашу свою.
Я выпил целебный напиток, и вот — исцеленье нашел.

Коль я перейду из Каабы в храм идолов—не порицай —
Ведь где бы я ни был, я всюду господни владенья нашел.

Пред кознями злых я спокоен, я всех угрызений лишен.
Пришел я спастись от страданий, от бед я спасенье нашел.

И здесь, да и в жизни загробной,—к одной лишь тебе я стремлюсь.
Зачем мне, скажи, оба мира, коль цель я стремленья нашел?

Хвала твоей родинке, лику, чертам твоим дивным, кудрям—
С их помощью всех тайных свитков я смысла и значенье нашел.

Султанам и шахам не видеть такого блаженства вовек.
Я, нищий, с любимую встретясь, любви упоенье нашел.

Горение сердца—то пламя любви бесконечной к тебе.
Не думай, что я его в страсти или в вожделенье нашел.

Ни к раю, ни к райскому саду, ни к гуриям я не стремлюсь,
В лице твоём рай я и гурий, и день воскресенья нашел.

Свершал я круги, поклоняясь Каабе твоей красоты.
Мне локоны путь освещали, я в них откровенье нашел.

Скажи, Насими, и поведай ты образу этой луны,
Какое в ней дивное счастье и успокоенье нашел.

Господень лик—прекрасное лицо моей любимой и бесценной—знаю.
Вода живая—то сиянье глаз той золотой и несравненной—знаю.

Хотя не сообщил мне ветерок, откуда этот сладкий аромат,
По нежности его я узнаю, он от любимой, несомненно знаю.

Как будто ветер, я мету чертог живительной обители любви.
Я это ремесло от мастеров—слуг истины благословенной—знаю.

Скажи захиду, чтоб он скучно мне мораль по толстой книге не читал.
Гуляка я, но следствия такой морали ханжески-почтенной знаю.

На душу я свою махнул рукой, с тобой лишь только ветра я ищу.
Ведь я путем любви теперь иду, и как искать твой лик блаженный—знаю.

Об увещаньях праведников мне, друзья мои, не надо поминать.
Я цену сказкам этим шутовским и болтовне их неизменной—знаю.

Коль притворяться не умею я, меня за то прошу я не винить.
Искусство чаши только знаю я, еще — вино любви нетленной знаю.

Душа взнесется в небеса, когда я хоть немного расскажу о том,
Что я о нраве дорогой моей, ее красе неизреченной—знаю.

Я отдал сердце вьющимся кудрям, чтоб быть човгану этому мячом.
И ныне я божественный восторг—его ударов ждать смиренно—знаю.

Не лицемеря, мне сказала ты: «Погибнешь ты из-за своей любви!»
Я не глупец, и я судьбу мою—тебе скажу я откровенно—знаю.

Умыл я руки, словно Насими—прочь рубище и коврик для молитв!
Аллах, аллах, каким я чистым стал! Я цену суеде презренной знаю!

Я охмелел, о виночерпий мой, ты дай мне чашу Джама золотую.
Дай близкого и друга, наконец, ведь друга я уже давно взыскую.

Рассказов у меня немало есть о локонах губительных ее.
Уединенья я теперь нищу, наперсника дай чуткого, молю я.

Огонь сердечный иссушил уста, и в печени нет влаги никакой.
Луна, из моря щедрости твоей, одну лишь каплю дай ты мне благоую.

Сама тоска по твоему лицу приносит нам блаженство в двух мирах.
И чтоб блаженство то умножить, нам еще давай ты горечь огневую!

Чтобы спасти от тяжких ран я мог израненное сердце, я молю—
От острия твоих игривых стрел бальзам целебный дай мне, иль умру я!

Душа вселенной! Чтобы жертву мог тебе под ноги бросить—каждый миг
Давай мне мир другой, и каждый миг и жизнь, прошу тебя, давай другую.

Идя к Каабе—иль к бровям твоим—я по пути от жажды изнемог,
Чтобы спасти меня от жажды ты Замзама воду мне давай живую!

Чтобы не сбился я с пути любви, как Ибрахим, когда он был влюблен,
Мне нужен мой Адхам и я теперь о нем зываю к господу, горюя.

С тобой в разлуке стала грудь моя дырявой, словно флейта, и теперь,
Чтобы ожить — «Дыханье жизни дай!»—молю об этом моего Ису я.

Вся прибыль на земле и в небесах—всего одно мгновенье, боже мой.
Мне нужен человек, который смысла того мгновения поймет не всуе.

Святого духа дуновенье, друг, в дыханье Насими заключено.
А ты все просишь: «По Мессии я давно уже безудержно тоскую!»

Я—то сокровище, в чьих тайных недрах сокровищ тысячи заключены,
Я—бурный океан, в котором горы бесценных жемчугов сохранены.

Я—искренний возлюбленный, который влечет к себе созвездие сердец.
И как в глаза красавиц, так же сонмы в меня умов мудрейших влюблены...

Я—небосвод прекрасных звезд небесных в заоблачном божественном краю,
И все мои созвездья огневими толпами лун и солнц окружены.

В пределах узких тела птица Анка божественно прекрасная живет.
И все высоты и низины мира крылами вольными осенены.

Зачем, подобно лакомкам, я буду есть груды сахара и леденцов.
Когда уста ее мне дарят сахар, которому нет счета и цены?

На всех высотах и на каждой точке материй всех и бег я, и покой.
И дни мои кружением небесным как и земным спокойствием полны.

Коль я, влюбленный, заявлю однажды «Я—бог», то мудрецы сожгут меня,
Повесят, как Мансура—все безумцы не точно ль так бывают казнены?

Суфий, ты не показывай мне посох, не суй в глаза мне рубище свое —
Ведь мне известен твой зуннар и четки—твои уловки разоблачены!

Что делать нам средь скопищ богомольцев? Зачем, скажи, зовешь ты их
здесь?

Ведь мы особой радостью—от милых кудрей ее витых награждены!

Советует доброжелатель тонкий—«Ты от любви красавиц отрекись!»
Во мне достаточно ума, поверьте, чтоб на себя такой не брать вины!

Любовь благая к лику Шамсуддина—иной нет пищи для души моей,
И потому меня не беспокойте упоминаньем солнца и луны!

Что за вопрос о Кыбле, богомолец? Ведь Кыбла для меня—лишь лик ее,
Язычник буду я, коль будут взгляды мои не на нее устремлены.

Едва на кудри милой погляжу я—и голову кладу к ее ногам.
Как вровень мне стоять с ее кудрями? Я не достоин этой вышины.

От мук любви, как лев, грызу я сердце, но так как сердца льва в груди
ношу—

Свое грызу я собственное сердце, так дни мои печальны и грустны.

Коль об огне Мусы узнать ты хочешь, спроси ты лучше у души моей,
Ее извивы хуже, чем когда-то персты Мусы, огнем обожжены.

Суфий, тебе вовеки не дожидаться того почета на пути любви,
Которым—стоило взглянуть ей мельком—с избытком были мы награждены!

Невежда не поймет, в чем смысл глубокий письмен и родинок ее лица.
Спроси меня о свитке лика милой—в науке той достиг я глубины.

По милости великой Фазлуллаха достиг желанья сердца Насими.
Передо мной, весь род людской затмившим, склониться ныне ангелы
должны.

Жемчугá сокровищницы Истины—так пред миром выступаем мы.
Свет божественного-содержания—так в материи свершаем мы.

Если только вы не притворяетесь и действительно вам нужен бог,
Приходите к нам, его покажем мы, искренне вас призываем мы.

Хоть за плотною завесой скрыты мы—это свойство всех глубоких тайн—
Но из-за завесы, как небесное солнце, огненно сияем мы.

Вечно одинаковы останемся, никаких не зная перемен.
В двух мирах — вчера, сегодня, завтра ли—не иными пребываем мы.

Пусть в конце нить бытия двоятся—все ж рассуждений ложных ты не
строй.

Все равно, пойми же, в мире Истины все едиными бываем мы.

Место проявления света божьего, дуновенья чистое Исы.
Тур-гора, Муса, беседа тайная, длань его—собой являем мы.

Все уродливое и прекрасное—это мы, нет этого вне нас.
Будь дурными мы или красивыми—но весь мир в себе сливаем мы.

Мы—то чудодейственное знаменье, что в скрижали господа стоит,
Отвернувшись от других, в себя взглянув, сущность мира прозреваем мы.

Странник, на пути в обитель Истины, и известий ищущий о ней,
К нашей пусть приблизится обители—к истине препровождаем мы.

Насими, когда ты точкой циркуля бытия существенного стал,—
Как окружность, отдыха не ведая, вокруг тебя наш путь свершаем мы.

О ты, оставивший лик ее и на Прямой перешедший Путь,
Ты заблуждаешься, как сатана, и отныне ты проклят будь!

Ты знай, что родинка ее—это бессмертье, а лик ее — рай,
Если хочешь на бога ты в благословенном раю взглянуть.

Если ты господу признаешь, что на небесном престоле воссел,
Следуй веленью сурь «Таха», в ней стремись знания почерпнуть.

Как «человек» первой буквой «Би» стал в молитве «Бисмиллах»?
Если ты человек, ты бы мог на истину мне хотя б намекнуть.

Зерцало свое храни в чистоте, коль ты правоверный, и тогда
На нем образ Друга должен тебе своей красотой безмерной блеснуть.

Всё, что в мире есть—зверь, человек, веленья бога и твари его —
Заключено в Человеке—он извечного бога вечная суть.

Если бы не был Человек проявлением сущности бога, тогда
С приказом—«поклонитесь ему!»—ангелам бог не мог бы кивнуть.

Тот, кто явился к Мусе и сказал: «Воистину, это я, аллах»—
Сиянием лика людского был, не сомневаюсь в этом ничуть.

Облачись ты в слова «Не бойся!»—они из стиха: «Он—явная доблесть,
Фазл»—

Дорогу к Истине ты найдешь, от страха будет свободна грудь.

По милости Фазла, пред Насими врата открылись рая, и он
Райский напиток может теперь из серебряной чаши хлебнуть.

В питейном доме старые наставники, мы в кабаке и день и ночь живем,
С кувшином, с чашею не расстанемся мы, всегда за терпким мы сидим вином.

Пока у нас вино есть и любимая и мы сидим с любимой в кабаке,
В ханаке мы суфийской не нуждаемся, Кааба, бутхана нам нипочем.

Пока сияет нам огнем божественным лицо любимой, этот светоч наш,
Как мотыльки, в огонь любви мы падаем и каждый миг опять сгораем в нем.

Божественная птица мы, свободная от времени, пространства, от всего.
Нас не приманишь ковриком молитвенным и четками—силками и зерном.

Вино — как редкий жемчуг, дом питейный наш—то море, бесконечно
широко,

И мы в ракушках, на дне моря бурного, те жемчуга искать не устает,

Все о любви досужих сотни вымыслов придумывать готовы, ну а мы—
Свободны от легенд, рассказов выспренных, и в разговорах толку не найдем.

Как атомы, примет происхождения и бытия мы вовсе лишены.
Любимой лик влечет нас только-солнечный, мы от него охвачены огнем.

На голове с дырявой шапкой бедности и в латаной дерюге нищеты
Мы об одежде царской не заботимся, султанским не прельщаемся венцом.

Души и сердца сладкая владычица, совсем забыл про разум Насими.
С тех пор как локонами милой скован он—крепчайшими оковами—кругом.

Конечная цель всего мироздания—мы.
Материй всех форма и их содержание—мы.
Начало того, что Иса мощью бога назвал,
Речь, слово его, его мощи сверканье—мы!
Бог и содержанью и форме дает имена,
Между Именующим их и названием—мы.
Суть и оболочка всего сотворенного мира,
Ведь это когда ты посмотришь с вниманием—мы!
Материи сущность вечна—ибо это есть слово,
А слово, чье вечно на свете звучание—мы.
Клад смысла вселенной сам благостный Фазл обнаружил.
И кладом тем были—господним желанием—мы!
И разум всеобщий, четыре стихии, три духа,
Небесные сферы и их сочетание—мы.
Кто свиток лица наш прочесть в этом мире способен?
Одни лишь пойдем все его содержание мы!
Пространство—то мы; и пространства без нас не бывает,
Одни обладаем в нем существованием мы.
Еще до начала движения мира являлись
И сущностью бога и внешним сиянием—мы.
Как в тридцать две буквы ты сам, Насими, превратился,
Всевышнего господа стали дыханием мы.

С помощью бога прозрели мы, на путь познания вступили мы,
Свой образ миру явив, весь мир в зеркале своем отразили мы.
Как Иса и Муса, постигли мы смысл бытия, мы для Нуха—ковчег.
А многобожников в бурных волнах моря скорбей утопили мы.
С помощью Фазла достигнув высот в познании мира и всех вещей,
Вслед за учителем Имен путь себе проторили мы.
Мы утонули в море слов: «Скажи, что он—единый аллах!»
В краю единенья с единым творцом себя в одно целое слили мы!
Образы наши в точке одной вместе находились всегда.
И, осознав единства суть, из глины себя явили мы.
Постигнув тайну святых стихов: «Я сокровищем скрытым был»,
Из сердцевины атомов всех воссияв, весь мир озарили мы.
Когда-то на древнем Кафе мы сидели, извечный Алконост,
Но, оттуда слетев, теперь над миром вещей воспарили мы.
Точка циркуля бытия не имеет начала конца—
Наш путь без начала и конца, как небо, вершим и вершили мы.
Так как желанной цели своей в обоих мирах достиг Насими,
Беззаботны стали сегодня мы, пред бедами дух укрепили мы.

С тех пор, как взгляд мой просветлел, освещенный солнцем—ее лицом,
Все вещи мира вижу я, одухотворенные божеством.

С тех пор как я, подобно Мусе, Златоуста речь услышал моего,
Аромат дуновенья Исы живет все время в сердце моем.

Неверным меня зови, коль, с тех пор, как я блуждаю в краю бытия,
Хоть единый раз любовью к тебе я не горел всем существом.

Разве я буду, как глупый захид, стремиться в ханаку, если я
Годы живу в кабаке и там одним упиваюсь чистым вином?

Ты бесподобна в обоих мирах, и если Кыбла есть у меня,
Помимо лица твоего—пускай Кыбла накажет меня стыдом.

У каждого человека есть избранник и здесь, и на небесах.
А я избрал одну тебя и на земле, и в мире ином.

Такую чашу из уст твоих я получил, что сам Фаридун
Отбросил бы чашу Джама прочь, будь награжден он таким вином!

Всю жизнь лишен покоя я был от страсти к кудрям бесподобным твоим.
Но, влюбившись в хмельные твои глаза, я исцелился, как волшебством.

Что чашник прекрасный—твой алый рот подсыпал вчера, не могу сказать,
Но до сих пор я встать не могу, а все лежу в опьяненье хмельном.

Чтоб звон колокольчиков услышать свиданья с любимой моей,
Много дней и ночей я рыдал, у ее порога лежа ничком.

Каждый день на меня надеваешь ты новых страданий и мук халат.
Как от тебя я скрыть их могу — из-за тебя я в халате таком!

С тех пор как с розоподобного лика ты покрывало сняла, о мой кипарис,
Над всеми розами я смеюсь, что гордо растут на лугу живом.

Ах, сердце мое, ты страстью больно, но я обижусь на тебя,
Когда от страсти избавишься ты, — вся радость моя лишь в сердце боль-
ном.

Спросили глаза твои у Насими: «Кем ты опьянен?»—и ответил я:
«Мне чашу вина любви к тебе с изначальным подали бытием!»

Клянусь твоею солнечной красой, тебя лишь знаю я — одну Луну;
Царица красоты миров—лишь ты, и лишь тебя я признаю одну.

Факих считает, что великий грех — склоняться долу пред твоим лицом.
Так пусть, джиноподобный, знает он—лишь эту знаю за собой вину!

Когда кроме тебя другой аллах, другой творец есть у меня—тогда
Не ведаю Аллаха вовсе я, живу я у безбожия в плену.

Заступником я локоны твои избрал, и совесть у меня бела—
Иного списка черного грехов я в судный день, поверь, не помяну.

И свидетель мне — ланиты дорогой: я верен клятве, что кудрям я дал.
Коль верности моей не подтвердят, тогда я их в коварстве упрекну.

Мне родинка и кудри дорогой в небесный рай укажут верный путь.
Без этой точки и без этих букв пути я не нашел бы в вышину.

Твои глаза и брови описав, я оба мира смог завоевать.
Лишенный этих войск, завоевать я не сумел бы ни одну страну.

Спасибо солнцу лика твоего—кудрями осенен твоими я.—
Где я еще убежище найду и головой усталую прильну?

Я приклонил к порогу твоему, мой друг, покорно голову мою.
Теперь я, кроме дома твоего, нигде спокойно даже не вздохну.

И в мыслях я представить не могу подобия прекрасного лица.
Подобия не ведает твой лик—я в этом где угодно присягну.

Довольно чести у меня, что я, как прах, у твоего порога лег,
И пусть враги болтают, будто я теперь подобен буду хвастуну.

Мысль о лице твоём горит свечой в жилище тесном сердца моего,
Хотя достойным я назвать свой дом светильника такого не дерзну.

С тобой в разлуке тяжело застонал, заплакал в безутешном горе я—
Ведь нет иного дара у меня, один лишь только стон—и я стону.

Отовсюду только на твой лик глядит, пленен любовью вечной, Насими.
Ты мой хранитель, ты влечешь мой взгляд—на что другое я еще взгляну?

Я в ладу со счастливой судьбой, сновидений царица со мной.
Что мне сделает горе, скажи, если радость сдружится со мной?

И едва ли посмеет печаль вокруг сердца бродить моего,
Пока будет святыня моя, по ком сердце томится, со мной.

Так, как древле Мансур, погружен в море слов я святых: «Я есмь бог».
Обвинитель, ты тяжбу оставь — ну, зачем тебе биться со мной?

Пока есть у меня Зульфикар, пусть схватил легкомысленный враг
Острый меч и кинжал—все равно он не в силах сразиться со мной.

Я—Муса, что в Долине святой вел беседу с Аллахом самим.
Искра света осталась навек—можно ль ей не светиться!—со мной!

Я всегда опьянен от вина, что в словах «Напой их» кипит—
Потому меня хмель не берет, он боится схватиться со мной.

Я легко соглашусь, чтоб судьба и звезда отреклись от меня.
Только б щедростью благодати Фазл не жалел бы делиться со мной.

Почему бы мне не раздавать сотни царств и краев каждый миг?
Ведь на мне сень царя почиет и благая десница со мной!

Насими—как Халил, я огня не страшусь—ведь из золота я,
Коль пробирщик мой друг, то в огне ничего не случится со мной.

Роза стала блеклой от смущенья перед красотой твоих ланит,
А тюльпан краснеет, лишь увидит милую—владеет бедным стыд!

Если только сбросит покрывало чашница прекрасная моя,
То людей и тварей всей вселенной красотой своею ослепит.

Тот, кто опьянен вином желанья, тот не скинет горя хмель с себя,
Пока чистого вина он кубок моего до дна не осушит.

Как дыханьем воскрешает мертвых, где он ни появится, Масих,
Точно так моя весна и роза чуть дохнет—всех мертвых воскресит.

Стал и лев судьбы моей добычей с тех пор, как на шее у меня
Гиацинт ее кудрей арканом, милою наброшенным, лежит.

Двадцать и четырнадцать письмен—та скрижаль изящества ее, —
Красотой своею беспримерной, двухнедельною луной блеснит.

С пира я предвечного явился, опьянен словами: «Я есмь бог».
Пусть же на престоле царь вселенной виселицу мне соорудит.

Зря не говори мне: «Отрекайся от любви, покайся в том грехе!»
Ведь любовь к красавицам волшебным мое сердце вечно берedit.

Пусть мне на голову даже с неба камень смерти свалится—ну что ж,
Груз моих деяний — он далёко от стекла воздержности лежит.

Пусть явится ночью ко мне светильник, души моей диво—
Над солнцем, над зорями тут мой день засмеется счастливый.

Когда хоть однажды ко мне во сне придет образ ее,
Он станет счастливой звездой, судьбой моею нелживой.

Все ночи, подобно свече, в огне злой разлуки глаза
Льют слезы, а сердце горит от горести несправедливой.

Бровям твоим в жертву хочу я душу свою принести.
Сними покрывало с лица, весна моя, праздник стыдливый!

Хоть скрыла свое ты лицо, но не исчезает на миг
Тот образ, что вечно ношу внутри себя я терпеливо.

Когда был влюбленный такой, чтоб он наставленьям внимал?
Напрасно ты, старец, дашь совет мне свой благочестивый.

Лишь тот, кто стал Фазла рабом, как преданный раб Насими,
Постигнет горенье его, души огневые извивы.

Твой рот—фисташка, радости залог,
Вода живая—прах прекрасных ног.

Лицо твоё и кудри, дорогая,—
Ночь Кадр и света лунного поток.

Всей жизни слаще губы ненаглядной,
Жизнь сладкую я им отдать бы мог.

Живу теперь в раю я вечном, ибо
Сад дома твоего—то мой чертог.

Лекарство от страданий по любимой—
Само страданье. В прочих есть ли прок?

Огонь любви вздымает, что мгновенье,
Столб дыма—как бы небо он не сжег!

О плачущих очей моих светильник,
День счастья мой без щек твоих поблек.

Боюсь, что к буре приведут те слезы,
Что лью я, злых исполненный тревог.

Израненное горестное сердце
Твой гиацинт клеймит, безбожно строг..

Что жжет огонь немилосердный сердце?—
Тоска любви вступила на порог!

Гяур — твой локон — Насими измучил,
Хотя твое лицо—его пророк!

Мой язык твои уста-рубины, милая, не может описать.
Ибо он для слов, что полнят душу, выраженья не сумел сыскать.

Я, свою любовь скрывая в тайне, как бутон, раскрыть не смею рот.
Ибо тайну той любви великой не способен этот мир понять.

Маленький твой рот, о дорогая, описать достойно не могу—
Как опишешь то, что и не видно—может ли оно существовать?

Как могу, скажи, сравнить я стан твой с кипарисом стройным и прямым?
Как ни прям он, он не столь же строен, можно ли его с тобой равнять?

До краев теперь я переполнен страстными страданьями любви.
Тысячную долю моих бедствий не могу бумаге передать.

Каждый раз, когда я взгляд бросаю на твой стан и волосы твои,
Что же тоньше—волосы или стан твой—не могу я ночью разобрать.

Каждый раз, как с кем-то говоришь ты, глаз твой шепчет на ухо бровям:
«Натяните лучше ваши луки, чтоб сердца успешнее пронзать!»

Тысячу прекрасных редких мыслей я от лалов услышал твоих.
Только люди вряд ли мне поверят, потому я предпочту молчать.

Хоть огонь сердечный пламенеет, словно пламя яркое свечи.
Только языком никто не сможет то горенье сердца передать.

Тайну горестных твоих страданий, о влюбленный, всем не выдавай.
Знай, что от наветчика лихого тайну предпочтительно скрывать.

Насими, любимая безмерно притесняет, вижу я, тебя.
Но не думай из-за притеснений договор любовный расторгать.

На улицу милой моей можно только с печалью в душе, со слезами идти.
К порогу моей ненаглядной нельзя же, поверь мне, с пустыми руками идти.

Когда на дорогу любви ты вступаешь, изведай, приметы любви каковы.
Опасен тот путь, и без вех путеводных не думай такими путями идти.

Из ночи кудрей ты решило, о сердце, к луне ее лика теперь перейти.
Но знай, что придется тебе целый месяц таким лабиринтом ночами идти.

Я к ней приходил, когда лик ее круглый пушком был—той зеленью неж-
ной—покрыт,—
Сейчас уже зелень взошла, и хочу я расцветшими дивно садами идти.

Пошли мои стоны и горькие вздохи к любимой, и что ж—не вернулись
назад.

Теперь, мои слезы, туда, вслед за ними, вам бурными нужно ручьями идти.

Чтоб видеть любимую, путь твой направить готов, если нужно и в рай,
Насими—

Чтоб райское видеть лицо, не боится, он в самое адское пламя идти.

Ты кокетка, хитрая красавица, и тебе уловки все известны.
Отказаться от тебя не в силах я, и страдаю, бедный, бессловесно.
Только ты ее лица не сравнивай с розовыми, друг мой, лепестками—
Для прекрасной розы все сравнения с лепестками просто неуместны.
Если к ней любовью ты наполнился, о душе и теле позабудь.
Для глупцов нужна забота тщетная о делах душевных и телесных.
Хоть Харут в искусстве волхвования стал учителем для всех людей,
Разве околдует он кого-нибудь, друг мой, лучше глаз твоих ирелестных?
Сердце, что тебя полюбит, милая, может этим средь людей гордиться.
Голова, перед тобой склоненная, первенствовать может повсеместно.
Передай китайским ты художникам, чтоб с нее портретов не писали,
Ибо лишь художнику извечному воплотить дано тот лик небесный.
Тот, кто перед мысленными взорами держит образ милой-ненаглядной,
На Луну и Муштари не глянет он,—будет прелесть их сухой и пресной.
Тот, кто, в прах твоих чертогов голову преклонив, ее поднимет гордо,
Для того венец Санджара славного надевать не будет вовсе лестно.
Если Насими глаза волшебные описать сумел своей любимой,
То его похвалит за умение древний Самари, тот маг чудесный.

Праздник разговенья наступил, подавай же чистого вина.
Чтобы пост достойно завершить влага искрометная нужна.
Ты высокомерного суфия в келье его тесной расспроси,
Почему служению красавиц жизнь свою он не отдал до дна?
Увидал сверканье совершенства, что являл господь, пророк Муса.
И душа волшебников коварством больше не была уж смущена*.
Клянюсь одной я только Кыбле—светлому лишь лику твоему.
Даже мысль о том, чтоб не молиться перед ликом сладостным—грешна.
Вечная любовь к тебе пылает в моем сердце гибельным огнем,
Разве есть другой огонь на свете, что не знает отдыха и сна?
Говорящий о вреде развалин и о том, что вредны кабаки!
Ты послушай только—из кувшина похвала всевышнему слышна.
Кислой мне нечего удивиться у захида—выжимает он
Вечно кислый сок из винограда, кислота лишь этим рождена.
Я, как роза, разорву сорочку, ароматом опьянен твоим.
Между мною и тобой рубашка—верю—находиться не должна.

* В данном случае Муса — это сам поэт. Ваглянув на красавицу, он увидел ее божественность, и душа его больше не стремится к таким вещам, как рай, гурии и пр., которые Насими сравнивает с волшебством идолопоклонников.

Как же я могу с тобою рядом не отречься, друг, от бытия?
Ведь пред ликом солнечным любимой суть моя бесследно сожжена.

Позабудь привычку, косоглазый, видеть двух на месте одного—
Тело и душа, поверь, едины, внутренняя сущность их одна.

Приходи! От света лика милой прозревают очи Насими.
Так прозрел Ядуб, едва сорочка сына вдруг была ему дана.

Пусть от себя отречется сначала тот, кто стремится к единству с любимой,
И возгласит: «В мире есть лишь единство»,—прочее все существует лишь
мнимо.

Первоусловие богопознания, знаешь ли, в чем заключается, друг мой?—
Ты растоптать оба мира обязан, оба отринуть их неумолимо.

Если ты вместе с людьми единенья станешь владыкою существованья,
То, как и мы, обретешь, наконец, ты власть над судьбою неодолимой.

Если лежишь на дне моря ты, друг мой, словно ракушка, стремись свое лоно
Ты наполнять жемчугами познания—это богатство ни с чем несравнимо.

Если как ангел, не сможешь постигнуть тайну имен, как ты можешь хва-
литься
Знаниями, или о сути названий мудрствовать в гордости неукротимой?

Голову вверх поднимать как посмеет и, словно колос, все к небу тянуться
Зернышко, что приподняться над прахом даже не может, все к низу кло-
нимо?

Если и цвет свой и благоуханье ты приобрел, то шатер свой в пустыне
Должен, как столепестковая роза, ты разбивать, для людей всех незримо.

О раб привычек, доколе ты будешь скован сомнением и подозреньем?
Лучше оставь их—ведь эти привычки вред принесут нам непоправимый.

От головы отрекись ты сначала, коль о кудрях ты ее помышляешь—
Кто же играть легкомысленно может страстью могучей и несокрушимой?

Должен от благ ты мирских отказаться, должен загробную жизнь ты отри-
нуть.

Истину зная, и блага, и вещи брось беззаботно ты—мимо все, мимо.

О Насими, правоверным схоластам тайны Великого не раскрывай ты,
Что толковать со слепцом о сиянье, что и от зрячих порою тайно!

Тот, кто возлюбленного ищет, сначала стать влюбленным должен.
Лишь после этого он души сжигать горячим стоном должен.

Пока на свете не осталось одно лишь существо любимой,
От бытия он отречься, быть вечно удаленным должен.

Уединение суфия от лицемерья несвободно,
И ты скорей иди в обитель к безумно опьяненным должен.

Коль, тайну точки раскрывая, среди поисков ты заблудился,
Не будь ты циркулю подобен, быть к центру устремленным должен.

Ты, что советуешь быть трезвым, вина сюда носи скорее—
Теперь ты от вина незнанья вполне быть отрезвленным должен.

Коль ты намерен, житель мира, идти на рынок страсти к милой,
Таким, как все на этом рынке, стать жаждой истомленным должен.

Когда ты хочешь снять завесу с лица красавицы сокрытой,
Ты сам, как тайна роковая, в себе быть погребенным должен.

Кто верность сохранит девизу «Я—бог», тот, как Мансур когда-то,
На виселицу отправляться душой непокоренным должен.

Чтобы, Мусе подобно, слышать: «Меня ты никогда не узришь!»
Ты милость заслужить обязан, быть к богу приближенным должен.

В сем мире дом твой настоящий воздвигнут лишь любовью к милой,
Ты бросишь дом шестисторонний, уйти не отягченным должен.

Ты, как Иса, будь одиноким, ведь к Истине идти, мой милый,
От скверны двух миров отрехшись, ты, как дервиш, согбенным должен.

Когда, как Насими, стремишься к ее порогу постоянно,
Стать прахом ты сперва обязан, быть столь же приниженным должен.

Кумир наш с такой красотой с лица пусть лишь скинет покров —
Как солнце взойдет из-за туч, как месяц из-за облаков.

Коль ночью на крышу она луною прекрасной взойдет,
То солнечный свет заблестит из ночи волнистых оков.

Пока предо мною во сне витать будут очи ее,
Глаза мои не захотят расстаться со сладостью снов.

Не диво, что слезы стоят от пламени сердца в глазах —
Коль мозг твой сжигает огонь, к слезам будь обильным готов.

Коль только увидит заход глаза ее ночью во сне,
По миру пойдет он, хмельной, покинув обители кров.

Все время лишь роз аромат она источает кругом —
От роз — благовоние роз — то странно ли для мудрецов?

Коль солнышко лика твое, засветится на небесах,
То светоч небесный стыдом зардеется, тускло-багров.

Едва он описывать стал меж лалов твоих жемчуга,
Из уст Насими полился поток дорогих жемчугов.

Когда из-за туч—покрывала ее—однажды луна моя в блеске взойдет,
Едва ль удивимся мы, коль от стыда отменит багряное солнце восход.

Коль образ любимой моей вместо сна появится вдруг в истомленных глазах,
Омою глаза я кровавой слезой, чтоб сну навсегда был отрезан в них ход.

Кровь сердца мои наполняет глаза и в пурпурный цвет красит слезы мои.
Они—капли крови, что в жаркий огонь кебаб окровавленный с вертела льет.

Коль образ ее отразится в воде, как образ чудесный небесной луны,
Она, словно рыба, до судного дня, поверьте, друзья, из воды не уйдет.

Для праведника наступила пора, когда, вспоминая про губы твои,
Из рясы, широких ее рукавов он чашу вина вынимает и пьет.

Бровей ее «Нун», что начертан пером писца-миродержца в предвечных ве-
ках—
Чудесная буква: и тысяча книг ее объяснения нам не дает!

Отправится пьяным в мечеть наш имам, и выйдет хмельным, не сумев про-
резветь,
Коль образ хмельных ее глаз невзначай на миг перед мысленным взором
блеснет.

Приятней, чем хор славословий пустых, что самовлюбленно аскеты твердят,
Для господи звук, что рубаб или чанг среди пира веселых гуляк издает.

Спросил я ее: «Ну, когда же меня вином угостишь ты свиданья с тобой?»
Сказала она: «Когда жизни вода из царства подземного вверх потечет!»

Поймет человек, искушенный в любви, кто кровь мою пролил, едва увидав,
Как, пальцы окрасив багряною хной, кумир мой из дома спокойно идет.

О стройных рядах перламутров-зубов мечтая душою, бедняк-Насими
Все время чистой воды жемчуга из тайных мечтаний своих создает.

Приди, о клад наш бесконечный, нас, как себя, обогати.
И элексиром томных взглядов медь нашу в золото преврати.

Ты—море жемчугов прекрасных, ты—дивный ключ живой воды.
Ты жизни нашему дай праху и жемчуг ты из нас взрасти.

Твои уста дают жизнь мертвым, как длань блестящая Мусы.
Исе подобно, к оживленью им путь рубином освети.

Своих кудрей благоуханье по миру ты распространи
И ароматом благотворным святых аскетов угости.

Скинь покрывало с лика-солнца, луноланитная моя.
Чертог вещей своим сияньем божественным озолоти.

Найдется ль сердце, что не любит пушка и родинки твоих?
Коль есть, его среди красавиц, как лик тетради, исчерти.

Страсть к локонам твоим прекрасным живет всечасно в голове.
Лишенному подобной страсти не жалко голову снести.

Коль мир ты бранный сжечь захочешь огнем немеркнувшей любви,
Пожаром пламенного лика долины мира поглоти.

Мир одари жемчужным словом и, как святой пророк Иса,
Вселенную с дыханьем сладким и животворным облети.

Ты—лучезарный образ бога, и кто тебя не полюбил—
Не человек, а просто мрамор, другое имя не найти.

О музыкант пирушки нашей, молитвы шепчущий суфий
Нам надоед—скорей спой песню, чтобы от скуки нас спасти.

И ангелов небесных учат красе черты ее лица.
И ты, хафез, всю жизнь отныне их изученью посвети.

Довольно красить, о святоша, свою одежду в черный цвет.
От синей отрекись одежды, вином ты щеки расцвети.

Приметы носит Шамсуддина востока солнца на себе.
И потому лик Шамсуддина ты, как востока солнце, чтти.

Влюбленный, если хочешь видеть его—как солнце и луну,
Пройди по западу, востоку и каждый дом ты посети.

О сердце, если хочешь с другом слиянья в сущности одной,
То в жертву лику дорогому два мира на ветер пусти.

Да, далеко луне полночной до красоты ее лица!
Не веришь—погляди и сразу все их различье ощути.

Кто чист душою, бога узрит, — так Фазл сказал. И ты глаза
Намажь его порога прахом, коль хочешь зренье обрести.

Стал Насими единым с богом по воле Фазла. О господь,
Позволь же к этой благодати в тебя влюбленному прийти.

Виночерпий, спеши, торопись, подошло время розам цвести,
Открывай шире дверь кабака и победу вина возвести!

Власяницу святую возьми, отнеси ее быстро в кабак.
За вино ее там заложь—власяница у нас не в чести!

Жизнь доверья не стоит совсем, как и времени круговорот!
Лучше чаши с янтарным вином и бокалы по кругу пусти!

Утром благоуханье свое в сад весенний пошли с ветерком—
От смущения роза сгорит и не сможет опять расцвести!

Коль вина нет в кувшинах твоих, взор хмельной обрати на гостей.
Если хочешь ты их опьянить, томным взором своим угости.

Коль решила ты все ж погубить всех влюбленных в тебя—так давай
И капризы, кокетство свое, притеснения свои устави.

Благочестие, вера—давно как завеса на лице моем;
Скинь с лица покрывало свое и завесу мою опусти.

Покрывало ты с лицаними и лицо свое-солнце открой.
Пристыди в полнолуние луну, красотою бедняжку смути.

Весь свой жизни наличный запас на одних ты красавиц потрати,
О обители старец святой, и вот этим ты бога почти!

Насими, ее взгляд-эликсир мир весь золотом сделал, но ты
Лучше память о взорах ее на тот свет предпочти унести.

О сердце, коль ты опытно в любви, то к благам мира бранным не стремись.
С вином дружи, лишь к одному вину советую, ты сердцем прилепись.

Круг самопоклонения откинь и ограниченность свою забудь.
Идя дорогой жизни, ты к одной—своей желанной—только обратись.

Для тех, кто служит Истине, одно прибежище—то их любви чертог.
К нему немедля отправляйся в путь, одной дороги этой лишь держись.

Святоша, лицемерие свое и скверну бесконечную оставь,
И наущениям шайтана ты дать имя благочестия не тщишься.

Молитвенного коврика, ханжа, и четок миновали дни давно.
Приманкой делать коврики, а силком ты четки делать, брат, остерегись.

Коль, сердце, словно ангел, хочешь ты себя служению богу посвятить,
Красавице, чей стаи, что кипарис, ее ланитам алым поклонись.

Коль ты наперсник сладостного рта и алых губ возлюбленной своей
О сахаре, фисташках, миндале вести беседу, милый, поклянись.

Честь, имя, слава, вера—это все прикрытию двоебожья служит лишь,
Держись ты направленья одного, от веры, чести, славы отрекись.

Всего лишь только десять кратких дней—вот наша жизнь, нам данная
И к счастью десяти коротких дней—советую тебе, ты не тянись.

взаймы.

Когда, к загробной жизни устремясь, отвергнешь ты возможное сейчас,
То пользы от того не извлечешь ни здесь, ни там—и с этим ты смирись.

Свой лик, чья родинка, и чьи черты Исламом ныне стали для меня,
Не закрывай полком неверных войск, за мой Ислам, молю я, заступись!

О Насими, желаний цели ты добился от ее прекрасных уст.
Исполнил ты желание души, желаниями больше не томись!

Если к локонам любимой ты намерено стремиться,—сердце, не вздыхай.
И когда по ненаглядной не желаешь ты томиться,—сердце, не вздыхай.

Лобызать любимой ноги ты желаешь; если только не готово ты
Голову сложить за это, лучше будет отворотиться—сердце, не вздыхай!

Разум говорит: «О чести ты подумай и от страсти отрекись своей!»—
Но влюбленный разве может с тем советом согласиться? Сердце, не вздыхай!

Притеснения и муки от соперников жестоких вышли из границ.
Только с улицей любимой как же можно разлучиться?—Сердце, не вздыхай!

Пред свечой лица любимой мотыльком ты стань, не бойся жгучего огня.
Ведь душа гореть не будет, а крыло коль загорится,—сердце, не вздыхай!

Заявило, что влюбляться ты теперь уже не будешь—ах, как глупо ты,
Если на кощунство это все же ты могло решиться!—Сердце, не вздыхай!

Ты мечтаешь, что обнимешь стан, стройнее кипариса,—только кипарис.
Он объятьям недоступен, нужно с этим примириться,—сердце, не вздыхай!

Твой недуг сжигает душу, не показывай любому лекарю его!
Это все напрасно будет, ты не можешь исцелиться,—сердце, не вздыхай!

Хочешь видеть луноликих ты красавиц ненаглядных—не старайся зря!
Ведь без золота едва ли сможешь встречи ты добиться,—сердце, не вздыхай!

Осуши ты кубок этой чашницы, чьи губы сладки—перед ними, знай,
Будет грех вино и кубку всей душой не покориться,—сердце, не вздыхай!

Лучше у рубиноустой, словно Насими, потребуй райского питья.
Что надеяться на завтра! Из Ковсара не напитокся!—Сердце, не вздыхай!

Коль страсти предаться ты хочешь, то лучше едва ли найдешь той волшебницы милой.
Коль голову хочешь сложить, то уж лучше за ту, что влюбленных сердца истомила.

Стремленье к кудрям твоим вечно ношу я на сердце своем и в душе угнетенной.
Коль ношу влюбленный несет, разве плохо, что ноша такая его отягчила?

Суфий, облаченный в дерюгу, трусливо кудрей ароматных ее сторонится—
Зуннара такого цену неспособен узнать без подсказки святоша бескрылый!

Пусть я умру пред твоими глазами, кумир мой, ведь будет мне смерть слаще жизни,
Когда я умру пред хмельными глазами, поверженный их лучезарною силой.

Не хочет глядеть на красавиц, отводит глаза свои этот ханжа лицемерный,
Когда б он был зрячим, то глупость такая едва ли б рассудок его охватила.

Пусть из-за меня постоянно соперник свой ворот от ярости рвет безрассудно—
Любимой полу буду крепко держать я, недаром она жизнь мою озарила.

Ценою души вместе с сердцем коль можешь добиться свиданья с кудрями любимой—
От сделки такой отказаться не думай, те черные кудри—всей жизни светило.

Любой завиток твой—звено тяжелой цепи, что шею мою заковало надежно—
Но узник такой не найдется на свете, которого б цепь тех кудрей тяготила.

Пускай я и пьяница горький, но все же готов я совсем от вина отказаться.
Лишь только б мечта о глазах твоих томных меня на минуту во сне посетила.

Таков твой обычай—несчастных влюбленных всегда обижаешь ты, их притесняешь.

Но если подобен тебе угнетатель—чье сердце б от радости тут не заныло?

Душа с твоим ликом не хочет расстаться, его и на миг она не покидает,—
Страдальце нужен всегда утешитель, ведь жизнь без него безнадежно уныла.

Во время молитвы пред богом склониться пред идолом ниц Насими был способен,

Когда б с такой Кыблой, как лик ее дивный и черные кудри, душа не дружила.

Я б назвал лицо твое луной, но луна такая где взойдет?
Кипарисом стан бы твой назвал—только так ли кипарис плывет?

Сотворили сладкие уста душу в изначальности своей.
Потому столь сладкою она в этом мире средь людей слывет.

Слава родинке, кудрям твоим—кроме них ведь ни один индус
Румский край завоевать не мог, в царство тюрков совершить поход.

Рынок райских гурий навсегда запустеет в миг, когда она,
Скинув покрывало, в райский сад, ослепляя красотой, придет.

Тот, кто кипарисом назовет милую мою—он просто туп.
Розовые щеки у нее—а какой у кипариса плод?

Кто живую воду мог сравнить с милыми устами—он неправ,
Ключ живой воды не так живет, он такой отрады не дает.

Если меч взнесешь над головой, пред тобою я ее сложу.
Я тебе покорен, ибо раб — он закон покорности блюдет.

От тоски по твоему лицу льют глаза поток кровавых слез.
Горе мне, коль этих слез поток будет течь все ночи напролет!

Клятву верности мне давши, ты соблюдаешь ревностно ее—
Где еще на свете есть такой верности и честности оплот?

Руки наш кумир всегда готов кровью всех влюбленных обагрять.
И привычка эта кровь мою проливать теперь тебя зовет.

Тот недуг, что причинила ты—это ведь лекарство для меня.
От аптекарей такой больной излеченья лишь такого ждет.

Насими, ты милой угнетен, но не обижайся на нее.
С притеснениями свыкайся, друг, ведь привычка всех красавиц—гнет.

О кумир, лицо твое—лик бога, я от этого не отступлюсь,
Погадай мне по Корану лика—я гаданья жду и не дождусь.

Кровь мою она по капле точит—ведь ее капризам нет конца.
Посмотрите, как она лукава,—все равно, я на нее молюсь.

Губы-лалы поцелуй мне дали и ценою попросили—кровь.
Посмотрите, как я счастлив ныне, на судьбу свою не нахваляюсь.

Я мечтал, о милая, увидеть гнацинты-локоны твои.
Тщетны были все мои надежды, сам я своей смелости дивлюсь.

Брось свои сомнения, святоша! На лицо любимой посмотри.
И увидишь сразу в нем лик бога, в этом я без страха побожусь.

Если мускус Чина по ошибке заведет с тобой случайно спор,
Ты скажи: «Взгляни-ка, чернолицый,—или зря кудрями я горжусь?»

Насими! Подобно небосводу, стань скитальцем в области любви.
И, как пред божественною тайной, пред твоим я обликом склонюсь.

Никогда любви к моей любимой ни на миг я не смогу забыть,
Ибо моя вера—в том, чтоб душу за любовь возлюбленной вручить.

От огня любви к лицу любимой я сгорю, подобно мотыльку.
А до тех пор вокруг свечи заветной ее лика буду я кружить.

Кто не исторгает жгущих сердце вздохов неприкаянной любви,
Тот с мелодней любви не может голос свой, как ни хотел бы, слить.

Нужно жизнь отдать без сожаленья за любовь к ее лицу—тогда,
Словно ветер утренний, ты сможешь с тайной локонов ее дружить.

От любви к тебе зияют раны, как у ная, в сердце у меня.
Только я, как най, пред каждым встречным не хочу без удержу вопить.

Голову сложить к стопам любимой я б хотел, но хитрый взгляд ее
Не желает горемыку к милой на мгновение близко подпустить.

Ах, глаза мои, когда кумир наш, наконец, хотите повидать—
Вы должны от ликом посторонних дом свой навсегда освободить.

Аромат волос ее подобен сладкому дыханию Исы.
Только те, чье сердце мертво, вряд ли могут тайну волшебства раскрыть.

Тайн души не разглашай, о сердце, а не то придется у тебя,
Словно у свечи, горящей ярко, твой язык болтливый надкусить.

Должен ты, как Насими, отречься от себя, от мира—от всего.
Если хочешь ты желанье сердца, как и он, всцело утолить!

Когда ты к вечности стремишься, друг мой,—небытия сверканье ищи.
И лишь потом, небытия достигнув, ты вечности дыхание ищи.

Коль, как Муса на Тур-горе, ты жаждешь свиданья с богом, то глаза души
Открой сначала, а потом уж смело ты с господом свидания ищи.

Ты, что стремишься к господу душою—освободись от собственного «я».—
Ты бога только в самоотреченье и в самоотрицании ищи.

Коль потерял его ты, сложа руки ты не сиди, а все ищи его.
Не спрашивай все время: «Где искать мне?»—его без остывания ищи.

Святоша лицемерный! Смысл Корана пред всеми явлен Фазлом, так теперь
Нам покажи свой сокровенный жемчуг, потом и воздаяния ищи.

Коль овладел тобой недуг любовный, себя к влюбленным можешь причис-
лять.

Любых лекарств, которые позволят усилить те страдания, ищи.

Я молвил: «Сердце-странник потерялось средь лабиринтов города любви».
Сказали кудри милой: «А не к нам ли ведут его блуждания? Ищи!»

Зерцало у тебя должно быть чистым, чтоб бог мог показать тебе свой лик.
Освободи его от всякой скверны, душевного блистания ищи.

Пожнешь ты завтра там лишь то, мой милый, что ты сегодня сам посеял
здесь,
Так верности семян—чтобы избегнуть тебе потом рыдания—ищи!

В том царстве, что нужды вовек не знает, о сердце, шахом нищий стал
бедняк—

И ты стремишься стать нищим и султанство лишь в царстве нестяжания ищи.

Когда ушей и глаз ты не лишился, стремишься к нему всем существом своим.
А нет ушей и глаз, и ног, и рук нет—его ты всем сознанием ищи.

Ты истину разумным рассуждением, душа, постичь не сможешь никогда,
Ты на крылах пророчества на небо взнесись, там со старанием ищи.

Коль локоны ее увидеть хочешь, о Насими расстроенный, то их
Вокруг луны ее лица на небе, в пленительном сиянии ищи.

Если чисто сердца твоего зеркало—ты, что вечной жаждою свидания
объять!—
Сможешь на зеркало дорогого лика, может быть, ты бросить истомленный
взгляд!

Ты прочти на свитке лика ненаглядной все тридцать две буквы вечного
творца,
Чтобы в сущность истины глубоко проникнуть и постигнуть божьих таинств
мириад.

Сущность ўзришь, что завесою величья скрыта от телесных и душевных
глаз,
Лик она свой явит, и благие речи явственно для слуха, четко прозвучат.

Меру справедливости точно установит Муштари-Юпитеру дивная луна.
Если к ее рынку ты свой путь направишь, не бери уловок грубых напрокат.

Мой кумир любимый—то знаток отменный дел любви; как золото, сердце,
чистым будь—
Не всучишь ему серебро ты грубое, он обман почувствует, бьюсь я об заклад.

О искатель — только линию прямую ты ищи, коль хочешь к милой путь
найти.
Выведет лишь эта райская дорога к стану ненаглядной, мимо всех преград.

Хочешь правоверным стать ты в самом деле, хочешь стать ты, друг мой,
чистым и святым?
Из кудрей ее, что на зуннар похожи, ты возьми, не бойся, чистой веры клад

На скрижали лиц красавиц чернокудрых ты тридцать две буквы божественных прочти—
Тайну бытия ты нашего откроешь, что тридцать две буквы дивные таят.
Если ты влюблен в Истину, способен, как Халил, гореть в костре Нимруда ты —
Поскорей бросайся, и тогда увидишь тот цветник божественный, что слаще всех услад.

Насими тоскою по свиданью с нею погубила милая... И всегда она
Поступает так с влюбленными—и этим излучает щедрости дивной аромат.

Двойственность—грех, откажись от нее, к единобожию, к единству стремись,
Нас никого нет на свете, пойми, только Аллаха, Аллаха держись.

С Истиной хочешь единым ты быть—будь однолюбом навек, навсегда.
Цвет ее локонов ты обрети, в кольцах ее завитков растворишься.

От дуновенья людского Масих произошел, оживителем стал.
Хочешь его дуновенье иметь, с нами скорее ты соединишься.

Знай, что лицо ее, кудри, черты, родинка—это ведь господя речь:
Хочешь ее толкователем быть—в тайну имен ты душой углубись.

Так, как Иса, сын блаженной Марьям, сферами не четырьмя ты владей—
Сердцем уйди от пределов, пространств и направлений, и ввысь вознесись.

Коль Мустафа говорил, что всегда чисто у верных зеркало души—
Бога на лике красавиц узри, мудрым и праведным, друг, становись.

Коль, как Муса, сын Имрана, душой бога узреть ты желаешь, мой друг,
Ты очи сердца очисти свои и лишь тогда поднимайся ты ввысь.

Голову, руки небес ты сломай клюшкой кудрей ее; в круге, чей центр,—
Родинка милой, ты точкою стань и в единении с ней растворишься.

Свиток лица ее лишь увидав: «Истинно двери открыты!»—скажи.
«Милость ее безгранична» — стихи вспомнив, за кудри любимой держись.

С помощью букв наших — «Айн», «Лам» и «Мим» смысл сотворения мира
пойми.

Стань ты материей, «Фа», «Зед» и «Лам» в этом помогут—в нее погрузись.

Только твори и дерзай с «Каф» и «Нун»—ты не сегодня пришел в этот мир.
Нет ни начала тебе ни конца, что будет завтра? Тоской не томись!

Ты—клад редчайших жемчужин души, в глине скрываться зачем и в воде?
Стань вне пространства, вне зримых вещей, лучше от места средь них отре-
кись.

Сердце, не могут лежать жемчуга где-то у моря на берегу.
Если желаешь ты жемчуг достать, то на дно моря, мой друг, погрузись.

С Истиной слиялся навек Насими, милостью Фазла, любимца творца.
Хочешь и ты того счастья достичь—лику красавиц тогда поклонись!

Кумир мой чернокудрый, истомлен я без локонов твоих,—клянусь тобой!
И сердцу больше ничего не надо на свете, кроме них—клянусь тобой!

Кудрями, что, как амбра, благовонны, прошу тебя, меня ты исцели.
Ведь от любви лекарства нет целебней кудрей тех смоляных—клянусь
тобой!

Лишь поклоненье лику ненаглядной прекрасно из всего, что я свершил.
А остальное суетно и тщетно, мне жалко дней былых, клянусь тобой!

Я заболел от горести разлуки и бодрость духа вовсе потерял.
Лишь ты спасешь меня, когда забудешь о всех нападках злых, клянусь
тобой!

И днем и ночью об одном мечтаю—чтоб ты хоть раз взглянула на меня.
Об этом мысли все мои дневные, в том суть всех снов ночных, клянусь
тобой!

Желанная, прошу,—одним терпением не надо тяжкий мой лечить недуг.
Лекарство это слишком горько, знаешь, от горестей лихих, клянусь тобой!

О свойствах родинки твоей прекрасной спросила б лучше ты лицо свое.
А вот меня расспрашивать не надо—я суть их не постиг, клянусь тобой!

Луна и солнце, гурии и пери—они рабы прекрасного лица.
И как тебя могу назвать я пери, коль пери нет таких, клянусь тобой!

Как солнца диск, так я сияю всюду, но вовсе незаметен я слепцам.
Взгляни—увидишь то, что недоступно для их очей слепых, клянусь тобой!

Я раб любви к тебе, но умоляю—за цену царств и неба и земли
Меня не продавай, ведь я дороже царств горних и земных, клянусь тобой!

С тобою договор о вечной дружбе я в изначальном мире заключил.
Никто уже поколебать не сможет устоев вековых, клянусь тобой!

Луг рад, когда на нем одно мгновенье кусты самовлюбленных роз цветут.
Меж тем от роз ланит твоих волшебных в саду я каждый миг, клянусь
тобой!

Скажи, что я—прах твоего порога, а хочешь—имя Насими мне дай.
Я буду кем захочешь, мне не надо совсем имен других, клянусь тобой!

Измучили вовсе сердце людей как лук разящие брови.
Погубят эти очи меня и эти грозящие брови.

Душою не смей называть, о простак, лицо моего кумира—
Иль стрелы такие есть у души, как гибель сулящие брови?

Втайне от взоров лукавых ее не вели б со зрачками речи,
Если б не были с ними заодно ее смерть дарящие брови.

Сердце, голову позабуди, коль о бровях ты ее мечтаешь—
Едва ль ты натянешь большой этот лук—тетивой звенящие брови.

Кажется, губят влюбленных всех лицо и кудри красавиц.
На деле кровь проливают их с ними шалящие брови.

Полумесяц немного похож на дугу бровей твоих черных.
Но лишь шутя полумесяцем ты назовешь томящие брови.

О гурья, хватит твоих бровей, чтоб мир весь встревожить смутой!
Зачем еще красить басмой, сурьмой над миром царящие брови?

Ты стала султаншей страны красоты с тех пор, как кудри твои
Обрамляют солнце лица твоего и над ним царящие брови.

О царица, скинь с розы лица своего ты ревнивое покрывало,—
Ведь бунтуют твои глаза и твои манящие брови.

Если хочешь, чтоб кончился пост, что всех верующих изнуряет,
Ты на крышу дома взойди, покажи блестящие брови.

Насими, кроме глаз своей дорогой, изберет ли другую Кыблу,
Коль над ними взлетают гордо ввысь эти сердца живящие брови?

Где луна, влюбленного такого, на меня похожего, найдешь?
Чтоб в развалинах совою ухал? Здесь любое притязанье—ложь.

Я горю, но не промолвлю слова, жизнь готовый за тебя отдать.
Нищу повсюду образ милый, сдерживая трепетную дрожь!

Ты, кому завидуют и солнце, и луна—сними скорей фату.
И луна склонится пред тобою, ты и тень сомненья уничтожь!

С той поры, как я челом покорным радостно приник к твоим следам,
Ты мои частицы всюду в мире и в пыли дорожной узнаешь.

Разве безопасность воцариться может возле локонов твоих,
Если прядь волос твоих индийских в душах всех людей творит грабеж?

Как луна, я мир залью сияньем солнечной любви моей, когда
Волоска хотя б ты дашь коснуться—радость в душу этим мне прольешь.

Лишь благодаря глазам любимой никогда не спит моя судьба.
Взоры-стрелы я благословляю, ими в сердце мне ты метко бьешь.

Лишь к тебе одной всегда стремится набожный, крутясь, как небосвод,
Воскликая: «Где же ты, о боже, что себя увидеть не даешь?»

Поражают мудреца-арифа эти несказанные глаза,
О, как те охотники волшебны—молят льву: «От нас ты не уйдешь!»

Ты, суфий, своею кислой миной уксус нам не вздумай продавать—
Мысли об устах ее как медом полнят ум наш—как ты не поймешь?

Каждый завиток волос любимой громко произносит: «Я есмь бог».
Слушай, богомолец, и молитвы набожное рвенне умножь.

Насими твои считает брови местом, где свершается мирадж,
Ты—светильник ночи Кадр священной, облик твой с луною полной схож.

О влюбленного сердце—из уст дорогой пророненному слову влюбленно
внемли.
Это слово дает тебе вечную жизнь, и всегда ты ему упоенно внемли.

Отовсюду доносятся клики хвалы—это путники тайного мира кричат!
Сотням добрых известий о встрече с родной, о слиянии с ней восхищенно
внемли.

Восклищанья: «Я—бог» раздаются везде, заполняют их звуки весь мир под
луной.
Коль способен ты слушать, то возгласам тем ты душою, навеки плененной,
внемли.

Ты сюда приходи, ты, что вечно готов обитателей всех кабаков осуждать—
Шуму, крику, что поднял безмозглый суфий в своей келье сырой и зловон-
ной, внемли.

Разве может постигнуть суфий, почему так приятно нам чистого выпить
вина?
Лучше пьяного где-нибудь я отыщу, объяснюсь его благосклонно внемли.

Как живет мое сердце, коль хочешь узнать, то не слушай на свете, мой друг,
ничего.
Лучше ная и уда рыданиям ты, и печального чанга ты столам внемли.

Если хочешь узнать ты, каков аромат ее амбровых локонов, рано с утра
Ветерку, что ласкает нам душу всегда, и что веет всегда благовопно, внемли.

Сделай милость, прошу тебя, мой кипарис, преклони ко мне слух на мгмо-
вение твой.
И расскажу о том, как живу я теперь, угнетенный печалью бездонной,
внемли.

Мне сказала ты раз: «Помолись мне, мой друг, и молитва услышана будет
твоя!»
Так взгляни хоть бы раз на меня, и мольбе многократно к тебе вознесенной,
внемли.

После смерти моей навести ты хоть раз сиротливый мой прах на кладбище,
мой друг.
Там ты, громкие благословенья мои услышав, им тогда примиренно внемли.

Хоть на миг в руки ветра вручи, мой кумир, ты душистую прядь своих
черных волос.
И хотанского мускуса жалобам ты, его завистью черной рожденным, внемли.

Милость мне окажи, обратись: «О мой раб, барабанным могучим раскатам,
что всем
О величии бога благого гласят—ты душою, любовью спаленной, внемли!»

Если до волоска хочешь ты, ветерок, разузнать о скорбях бедняка Насими,
То спроси у двух локонов черных ее и расскажам их ты удивленно внемли!

Черной точкой из чистой амбры ты свежесть розы своей оттенила
И черной завистью сердце тюльпана ты в тот же миг воспламенила.

Составив войско из черт прекрасных, ланит, кудрей и мочки уха,
Ты повела его против нас и сердце наше на смерть сразила.

Увидев черные тюркские очи, каждый поймет, не думая долго,
Что сердца тысяч безумных влюбленных ты разграбила и разорила.

Когда ногой ты своей ступаешь на наши глаза, будь осторожна—
Ведь этой ногой ты в бескрайнее море, а не в глаза ненароком вступила.

Сердце мое из рук твоих кудри не выпустит, что бы с ним не случилось.
Хотя бы ты сердцевину сердца безжалостно ногой надала.

Сладостных уст твоих дыханье, едва они раскрылись нежно,
Воскрешавшего мертвых Масиха в одно мгновение пристыдило.

Когда на лике твоём прочитали знаменья «Света», суры Корана,
На все имена ты родинки точку с улыбкой победною наложила.

Свой рукав на голову солнца, луны, небосвода накинь, царица,—
Ведь чертог красоты ты выше светил небесных соорудила.

Лишь мудрецы оценят тот почерк, стоящий выше любого искусства,
С которым ты ланиты-розы черною родинкой оживила.

Ты не показывай алых пальцев, чтобы не знали, моя царица,
Как ты мечом своим жестоким головы многим сердцам срубил.

Ты Насими пронзила сердце острой стрелою ресниц своих длинных,
Благословенья я шлю твоим взорам, которыми ты меня сразила.

Красивой мускусной чертою свою Луну ты очертила,
И этим самым словно солнце в прекрасный обод заключила

Красавцев лик луноподобный покрыли тысячи письмен,
Но ты своими письменами на солнце-лике всех затмила.

Мурашки тропку проложили над лалами сладчайших уст,
Как вокруг источника живого ты дуг зеленый насадила.

Ты сердце нежное тюльпана отметила своим клеймом
С тех пор, как россыпью зеленой ланиты-розы ты покрыла.

Порою ты аркан бросаешь из завитков своих кудрей.
То, вижу я, ресниц кинжалом меня безжалостно пронзила.
Напав Магриба грозным войском на царство дремлющее—Рум
Тугрой индийского султана лик шаха Мисра заклемила.

Я рад мучениям от друга, как будто ветерок—Насим.
Не потому ль меня ты петлей беды и впредь душишь решила?

Закрутила страсть к кудрям ее бедное мое существованье,
Крутит суета тебя, суфий! Что в свое ты скажешь оправданье?

Банг, вино свели тебя с ума, а не к господу любовь, я знаю,
Ты в беспечности проводишь век, и отсюда все твои терзанья.

Злато тебе нужно, серебро, мне же кипарис серебрятельный.
Тот, что мудрости меня лишил, дав мне в долю только план, стенанье.

Мир охвачен смутой и бедой, вызванными дивной красотой.
Ты о бедах тех не хочешь знать, занят суетой и всякой дрянью.

Покрывало ячества сними, отршись, несчастный, от себя —
Божьей красоты не узришь ты, коль погрязнешь в самолюбованье.
В мире ныне бога красоту ты узри и боговидцем стань.
К завтра ты привязан? Завтра, друг, ты оставь на зренье упованье.

Косоглазый из-за глаз косых видит двух на месте одного,
Коль ты не косой, то увидеть одного одним удвой старанья.

Ты в чертах, в кудрях ее лица, в родинке увидишь сущность мира,—
Что ж за ветром гонишься всегда? И к чему ведут твои скитанья?

Стань Меджнуном, друг, коль хочешь ты увидеть лицо своей Лейли,—
Лишь Меджнун достиг таких высот, что ее достоин созерцанья.

Ну, скажи мне, почему же ты сердце отдал в плен ее глазам?
—Тюрки-ягмы бедные сердца обложить всегда сумеют данью.

Образ Милосердного, приди, наконец, день счастья наступает,—
Покрывало снимешь ты с лица, утолишь ты жаждущих страданья.

Локоны ее—то Эсра ночь, брови называются—два лука,
Если ясновидец ты, в ту ночь ты увидишь Истины сиянье.

Погрузился в море мрака я, наподобье локонов твоих,
Но достану ль жемчуг я—тебя? Кажется, напрасны все желанья!

Сердце полно крови от любви—вскрой мне вены, сердце облегчи—
Ты ведь—суть губительной любви, а любовь к тебе—огня пыланье.

Формой ты зеркало, и в тебе свойства бога все отражены,
А по сути смысл святых имен заключен в тебе какой-то гранью.

Потому ты Кыбла, что ведет оба мира по путям прямым,
Что в тебе явилось божество, что имен святых ты содержишь.

Ты—юсуфолика луна, что явилась в Мисре божества,
Что любима богом, и сама с богом делит все, даже названье.

Тот, кто полюбил твое лицо—ангел, богу кланяется он.
Милостивый боже, каково этой дивной красоты сверканье!

Солнца лучезарного ты свет в этом мире, да и в мире том,
Душам локонов твой несет покой, а лицо—бесплодные мечтанья.

Содержаньем, формой, красотой—ты единственный на свете бог,
Нет тебе подобной в двух мирах, выше ты любого подражанья.

С сотворенья мира самого вплоть до завершения его
Люди не видали никогда совершенней этого созданья.

Не могу от сущего всего я тебя и в мыслях отделить.
Океан ты. Сущее—в тебе, и сама ты в сущем—в океане.

Форма ты, в которой бытие в скрытом или в явном виде дышит.
Да, великолепный жемчуг ты, море, чьи безбрежны очертанья.

Ты—единства мир; источник ты для всего многообразья мира.
Не вместешь в пространстве, вне его, как и в нем, имеешь обитанье.
Как могу сказать я о тебе, что от взоров скрыта ты людских —
Ведь в частице сущего любой ощущаем мы твое сверканье.

Бесподобная моя, приди, двух миров красавицам тогда,
Сняв фату с прекрасного лица, ты свое подаришь обаянье.

Двум мирам коль хочешь подарить рай—тогда скорей открой свой лик.
Милая, ты гурий всех стройней, райских кущ в тебе благоуханье.

Дуновеньем благостным Исы наделяет вечно Насимя,
Если подойдешь к нему, живой, ты Масиха обретешь дыханье:

Зачем мне душу из сияков твоих кудрей освобождать?
Зачем мне жить, коль не дано твой дивный облик созерцать?

Пусть тленье медленное ждет и рая не познает тот,
Кто, от твоих вкусив щедрот, своей души не смог отдать.

Молитва богохульна та, все упования тщета,
Тому дверь храма заперта, кто лик твой смеет отрицать.

Я волю дам слезам, страданье по тебе—бальзам,
Лишит себя лекарства сам, кто по тебе не мог страдать.
К тебе стремимся мы всегда, сквозь все столетья и года,
Иных желаний никогда нам не дано осуществлять.

Душе, кудрей отвергшей плен, спасенья не узнать взамен,
С шести сторон камня стен пути ей будут преграждать.

Те кудри, как ночная мгла, им нет конца и несть числа,
Ночь Кадра будет не светла тому, кто стал их отвергать.

И если я твой лик предам, служить начну другим богам,
Мне, как язычникам—жрецам, святой Кыблы не увидеть.

Свет красоты твоей горит, всех сирых милостью дарит,
Чтоб в мире не было обид, все беднякам молю раздать.

Тот, кто твоим кудрям не рад, со всеми стал играть подряд,
Тот от судьбы получит мат, забудет в шахматы играть.

Насушным хлебом красоты меня одаривала ты,
Дозволь же мне твои персты благоговейно целовать.

Я, Насими, в сетях кудрей распутал путаницу дней,
Дел нет счастливей и трудней, чем кудри милой расплетать.

Ты рождена для поклоненья, свет красоты твоей высок,
Да будет взгляд несправедливый от лика дивного далек.

Страданье людям доставляет бесплотность этой красоты,
Но сладость муки причиняет душе не горе, а восторг.

Сгорает голова от страсти к огню твоих кудрей, хотя
Грозит погибельной бедою влюбленным каждый завиток.

Ты от меня ушла и больше не вспоминала обо мне,
Я о тебе так много думал, что от меня отрекся бог.

Клеймом терпенья я пытаюсь безумье сердца усмирить,
Своей пылающею грудью тебя невольно я обжег.

Люблю твой образ совершенный, преображенный, неземной
И, чашу чувств переполняя, любовь бушует как поток.

Ханжам досталось воздержанье, а нам великий дар любви,
В прекрасном мире изначальном так предрешил всевластный рок.

Я заковать себя мечтаю цепями локонов твоих.
Судьбой надетые оковы я, человек, сорвать не смогу.

Сгораю я с тобой в разлуке, яви свой совершенный лик.
Пусть станет радостно на сердце тому, кто в муках изнемог.

О Насими, пред тонкостанной, смиренья полный, преклонись,
Так перед солнечным сияньем свечи бледнеет огонек.

Когда упало покрывало, являя миру лунный лик,
Открылся, спрятанный доселе, сердечных помыслов тайник.

Свеченье пламенного лика, единства с богом райский плод.
Перед Мусою восхищенным огонь ликующий возник.

И ветер утренний тюльпану о новой розе рассказал,
И от любовного томленья цветок возжаждавший поник.

Забыла птица осторожность, прельстясь рассыпанным зерном,
В силки кудрей твоих попала, петлей захлестнутая в миг.

Ты благосклонна к благородным, открытым благодсти сердцам.
Кто возлюбил тебя всем сердцем, стал благороден и велик.

Чтоб лицезреть благоговейно солнцеподобное чело,
Небесный странник, юный месяц, в окно дворцовое проник.

Огонь любви сухие поры насытил смыслом бытия,
Наполнил влагою глазницы и дал мне пламенный язык.

А ты, жестокосердный ловчий, охотой праздною увлеклась,
Сердца влюбленных всполошились, неутоленный слышен крик

Не станет истинно великим, кто униженья не познал,
Кто придорожным серым прахом к стопам любимой не принял.

Свеча, горящая во мраке, ты привлекаешь мотыльков.
Сжигает крылья им и души слепящим пламенем ночник.

А Насими так восхваляет твои сладчайшие уста,
Что сладко флейта застонала, заплакал сахарный тростник.

Увидев юный полумесяц, я вспомнил о бровях твоих,
Взглянув на утреннюю розу, я вспомнил о щеках твоих.

Я вокруг луны круги увидел, их вили лунные лучи.
Индийский гиацитт срывая, я вспомнил о кудрях твоих.

Пророки чудеса свершали, о них твердили мудрецы,
А я глаза твои увидел и волшебство в зрачках твоих.

Напомнило лучами солнце о дивной славе ночи Кадр,
Я вспомнил о твоих ланитах, о ночи в волосах твоих.

Святоши рай нам описали, как будто побывали в нем,
Я вспомнил вечное блаженство, его обрел в садах твоих.

Напрасно хвалит виночерпий ключ, что течет в раю—Ковсар.
Иные вижу я рубины, я вспомнил об устах твоих.

Мечи соперники острили, пролить желая кровь мою,
Я серебро запястий вспомнил, звенящих на руках твоих.

Исы дыханьем животворным полны двустигшия Насими,
Живет во мне воспоминанье о мудрых чудесах твоих.

Когда о красоте твоей молва везде прошла, звеня,
Святая рухнула мечеть и был заброшен храм огня.

Дом сердца озарился вдруг сияньем лика твоего
И дух мой сдался, опьянен, и жизнь покинула меня.

Зане не может преступить порог возвышенной любви,
Кто опасается беды, свое спокойствие храня.

Предвидя близкий твой приход, аскет, молившийся в ночи,
Из кельи бросился бежать свое бессилие кляня.

Там опускаются мечи, где ты нацеливаешь лук,
И стрелы сыплются вокруг, как снопы лучей в сверканьи дня.

И пламя истинной любви, что ты в душе моей зажгла,
Достигло облачных высот, сиянье солнца затемняя.

В обитель сердца моего твой образ девственный вошел,
Храм тела бросила душа, ушла, рыдая и стена.

Избраньем сердца моего ты осчастливила мой дух,
Пусть от бед меня хранит любви надежная броня.

Стал изощряться Насими, как инкрустатор записной,
И свежесть чувства и любовь в одно в стихах соединя

О, совершенная моя, жестокой быть — дурной обычай
Привыкли к угнетению мы и терпим этот злой обычай.

В любви непостоянна ты, неверность спутник красоты,
Но я тебя не упрекну, что у тебя такой обычай.

Зрачков холодных глубина всю кровь мне выпила до дна,
Тюрчанки из Хатая злы, привили нам плохой обычай.

Блаженство доставляет нам напоминанье о тебе,
И в малом счастье обретать для нас теперь благой обычай.

Сказала: «Душу истомлю и сердце разорву твое!»
Я милосердье вижу в том, священен твой любовью обычай.

Любовь не радость, а разор душе истерзанной несет,
Но я безропотно блюду грозящей мне бедой обычай.

Одной надеждою живу: опять увидиться с тобой,
Богиня, снизойди ко мне, яви добра святой обычай!

Сухой аскет твоей любви предпочитает райский сад,
Он, нищий духом, в жизни сей блюдет ханжей пустой обычай.

К тебе доносит ветерок биенье сердца моего,
К влюбленным милость проявлять есть у него весной обычай.

Душой стал светел Насими, он отражается в тебе, —
Зерцало мыслей нам дарит тот чистый и земной обычай.

Есть у меня твои глаза и чаши мне иной не надо.
Я опьянен таким вином и влаги мне хмельной не надо.

Я выпил истины глоток, мне тайну тайн открыл пророк:
«Я есмь сокровище, я бог!» и правды мне другой не надо.

Гряди, о кравчий, и взгляни, красой извечной опьяни,
Затеpli Истины огни, свечи мне огневой не надо.

Пускай певец в наш дом взойдет, песнь, услаждая слух, споет,
Восславит твой сладчайший рот, а о другом не пой, не надо.

Хочу, чтоб он огонь возжег и сердце в светлый жар вовлек;
Тоска дала мне бледность щек, но жить одной тоской не надо.

О сердце, муку затая, что ищешь в море бытия?
На дне жемчужина твоя, жемчужин, кроме той, не надо.

Ты, возлюбивший шелк кудрей, от жизни отрекись своей,
Своей души не пожалей, прельщаться суетой не надо.

Дороже всех земных утех: узреть чело, услышать смех,
Ты, нищий, но богаче всех, тебе казны золотой не надо.

Тот прах, что твой порог покрыл, мне изголовьем служил,
Я этой честью дорожил, подушки ни одной не надо.

Двух гнацинтов лепестки коснулись розовой щеки.
Душисты эти лепестки, и розы мне весной не надо.

Я—Насими, не значусь я в великой книге бытия,
Хранить приверженцев огня в сей книге потайной не надо.

Свеченье лика твоего клеймило сердце мне клеймом
И гнацинтами кудрей я пойман, как тугим силком.

В кудрях запуталась моя неутоленная душа
И в обиталище страстей мой изнуренный дух влеком.

Каабой сердца я зову твоё лучистое чело,
Достиг блаженства я, идя земным мучительным путем.

Кто спутал истину и ложь, зло от добра не отличал,
Тот уподоблен Сатане в своем невежестве тупом.

Богач надменный с давних пор твоей любовью обделен,
Блаженство райское не ждет имущих в светлом мире том.

Предусмотрительный расчет нас не свернет с путей любви,
Мы нерасчетливой любви сердца и души отдаем.

Нить жизни серую сучит начетчик, благостный ханже,
Подобье жизни он влачит до самой смерти, день за днем.

Бескраен океан любви, который Истиной зовем,
Не тянет к берегу меня, где суета кипит кругом.

Одни арифмы—мудрецы постигли чары глаз твоих,
Они в Вавил влекут мужей, замороженных волшебством.

Меня, влюбленного, влекли когда-то локоны твои,
Теперь мечтаю, возмнив, о чистом облике твоём.

Я Насими, давно сражен глубинным светом черных глаз,
И благодарен я судьбе за встречу с дивным палачем.

Одним провидцам выпал дар узнать любви священной цену.
Солнцепоклонникам дано прочесть учебник драгоценный.

На миг единый, светоч мой, яви свой облик огневой,
Мы все от страсти неземной безумны в этой жизни тленной.

Не я один живу, любя, свой дух до времени губя,
Взгляни, взирают на тебя во всех углах большой Вселенной.

Одним желанием томим—припасть к святым стопам твоим,—
Я буду изгнан и гоним, но правде верен неизменно.

Взойди, возлюбленных заря, лучом единства одаря
Всех, кто живет, в страстях горя, возжаждав встречи неременной.

Вниманьем добрым обогрей стоящих у твоих дверей,
Они презрели власть царей, и славу, и успех мгновенный.

Пусть украшает райский сад тюльпан, и розы, и гранат, —
Ты всех прекрасней во сто крат, сияет лик твой совершенный.

К чему родник с живой водой тому, кто слышал голос твой,
Кто наслаждался чистотой и простотою вдохновенной?

Кто сладость праздника постиг, в глазах сокрытого твоих,
Тот отрешен от дел мирских, не омрачен заботой брэнной.

О роза, время подошло—открой пурпурное чело,
Да будет Насими светло, в мольбе склонившему колена!

Любовью чистой, как восход, я был пленен еще тогда,
Едва взойти решил твой лик на небосклон, еще тогда!

Джамшида чашу, взяв чекан, чеканить вздумала судьба,
Но я, испив любви, был опьянен, еще тогда.

Творец вселенной начертал впервые символ бытия,
А я вдохнув твой аромат, был упоен, еще тогда.

Еще я зренья был лишен, но в грудь мою вошла любовь,
И в слепоте в прекрасный лик, я был влюблен, еще тогда...

Ведь мироздание во тьме свой не раскинуло шатер,
А я, учение познав, стал просвещен, еще тогда.

Я был и не был. Я витал, лишь обретал земную плоть,
Мой дух был в поисках любви неутолен, еще тогда.

Я радость жизни на земле своим сознаньем не постиг,
Но был к мучительной тоске приговорен, еще тогда.

Творца божественная кисть не расцветила мир земной,
А я страдания тавром был заклеимен, еще тогда.

Огонь святой не запылал, Муса на гору не взошел,
Но я взывал к тебе: «Предстань! Услышь мой стон!», еще тогда.

И если в списке дел моих мирские значатся грехи,
За подвиг истинной любви я был прощен еще тогда.

И разве золотом сочли б твои двустийья, Насими,
Когда б их не чеканил Фазл для всех времен еще тогда!

О мучениях больного кто родной моей расскажет?
Роднику с живой водою, той, что всех светлей, расскажет?

Я тону в слезах кровавых, сердце в муке изнывает,
Кто об этом юной розе, что других алей, расскажет?

Океан любви безмерен, не отыщешь лиц похожих,
Кто о том, что в каждой капле след моих скорбей, расскажет?

Я—чуть видная пылинка в завитках кудрей любимой,
В час свиданья с луноликой обо мне кто ей расскажет?

Отдал жизнь Фархад влюбленный за Ширин без сожаленья,
Кто Хосрову эту повесть, что других грустней, расскажет?

В кабачке гуляка нищий кошелек нашел с деньгами,
Кто о чуде небывалом тем, что всех бедней, расскажет?

Муравей я неприметный, но отдам любимой душу,
Кто об этом Сулейману, он ведь всех мудрей, расскажет?

Я кружусь вокруг светила, словно малая пылинка,
Кто пылающему солнцу, что тоска все злей расскажет?

Уязвлен шипами розы соловей многострадальный,
Кто в саду о смертной ране, средь густых ветвей, расскажет?

Кровь невинных проливают полуночные ресницы,
О смутительнице людям тот, кто всех смелей, расскажет.

Мой Аллах, когда не слезы, что глаза мои застлали,
Кто тебе, о кипарис мой, про теченье дней расскажет?

Коль, по воле Провиденья, утро встречи не настанет,
Кто о том, что ночь разлуки всех ночей темней, расскажет?

Если не проявишь милость к вечно страждущему сердцу,
Кто о том, как беспощаден океан страстей, расскажет?

Если ты разлукой болен, то излечишься терпением,
О страданье терпеливом тот, чья боль больней, расскажет.

Мы в тоске ломаем руки, нас гнетет предположенье:
О твоих устах счастливец, с кем ты всех нежней, расскажет.

Насими поверил свято в святотатственные кудри,
Он об истинном ученье, что других верней, расскажет.

Сумеет сердце боль таять без содроганья? Нет, не может.
Влюбленный может долго жить без дня свиданья? Нет, не может.

Твой, о тюрчанка, томный взор и обольстительный и нежный
Участье может мне явить иль состраданье? Нет, не может.

Сумеет каменный кумир свое явить расположение,
Подобно воску мягким стать? Скажу заране, нет, не может.

Тюрчанка—обольщать людей кудрями, родинкой дразнящей,
Так безнаказанно вершить все злодеянья? Нет, не может.

Сумеет взглядом исцелить недуг любви неизлечимый,
Кто на себе не испытал любви терзанья? Нет, не может.

Любовь безмолвная к тебе несла мне муки униженья.
Придумать может лютый враг злей наказанье? Нет, не может.

Пускай бальзам на сердце льет мечта о близости свиданья,
Пройдет ли наша жизнь, ответь, без расставанья? Нет, не может.

О сердце бедное мое, слепой истерзанное страстью,
Ах, может кто-нибудь помочь кровавой ране? Нет, не может.

Уста твои красней вина, пьянят глаза твои хмельные,
И разве может Насими жить в воздержанье? Нет, не может.

От тебя в подлунном мире постоянства ждать нельзя.
Больно колет стебель розы, значит, розу рвать нельзя.

Оба мира променял бы на единый волос твой,
Он во много раз дороже и его продать нельзя.

Жизнь проносится мгновенно, мимолетней ветерка.
Друг, готовься к испытаньям, жизнь гульбе верить нельзя,

Можешь ты казнить влюбленных, или милость им дарить.
У властительницы слугам: «Что? Зачем?»—узнать нельзя.

Мы с тобою неделимы, словно сердце и душа,
Меч кровавый не разрубит то, что разделять нельзя.

На загробное блаженство не надейся в жизни сей,
За пустые обещанья мир земной отдать нельзя.

Может в пышное обличье речь провидец облачать,
Разве нам в иносказаньях мудреца понять нельзя?

И в зрачках моих и в сердце ты прибежище наша,
В тайниках иных твой образ от молвы скрывать нельзя.

Врачеватель, распознавший то, чем болен Насими,
Говорил: «Твое страданье, друг мой, исцелять нельзя!»

Когда любимое чело на небосводе засияло,
Моя душа в ночных кудрях неуголенная блуждала.

В хитросплетениях дорог я шел, во тьме сбиваясь с ног,
Когда душою изнемог, завеса с глаз моих упала.

И мирозданья звездный рой, захвачен властною игрой,
Кружиться стал вокруг пери той, как перед деспотом вассалы.

Законник, где вся спесь твоя? Ты бросил Книгу бытия!
Корана суть и мудрость вся в кудрях любимой заблестала.

Ступай, дервиш, к святым местам, скажи, что истинный ислам
Отныне небом явлен нам, отбросив тайны покрывало.

«Краса—единственная явь» — забудь иное, все оставь,
Любимой красоту восславь — свободной Истины зеркало.

Мы пьем из чары круговой, похожей на зрачок хмельной, —
Упоены мы красотой, пышноцветеньем розы алой.

Муса, ты Истины пророк, знай, час свиданья недалек,
Ее лицо, свидетель бог, дыханье амбры источало.

Внемли, влюбленный, всей душой приход возлюбленной воспой,
Она поит водой живой, в ней скрыто сущего начало.

Больной, терпеть тебе не в мочь, но боль ты должен превозмочь,
Любовь должна тебе помочь, что сирых всех уврачевала.

Знай, Насими, что красота незримо в мире разлита,
Она, премудра и свята, лик Фазлуллаха увенчала.

Не может царствовать тот шах, который не был бедняком.
Не знает истинной любви, кто был с тобою незнаком.

Все жаждут встретиться с тобой, но это избранным дано,
Порой приходит счастье к нам, не помышляющим о нем.

Тот не оценит никогда твой исцеляющий бальзам,
Кто не искал к тебе пути, идя по скалам босиком.

Кто болен от любви к тебе, лекарств не станет принимать,—
Он счастлив боль твою принять, к страданью разумом влеком.

Моя любовь к тебе растет, терпенье сердца истощив,
Но верен клятве я всегда, лишь прежним я иду путем.

Те крохи на пиру любви, что ты избранником даришь,
Дороже всех земных богатств, что держат шахи под замком.

До окончания веков служу я тайной красоте,
Тем счастлив, что не нахожу я осуждения ни в ком.

Не удивляйся, если я вином блаженства опьянен,
Ведь чашу дивного вина единым выпил я глотком.

Отверг богатство двух миров в тебя влюбленный Насими,
Хмельной, не видит он змеи, его ужалившей тайком.

Кто о терзаниях души тебе, далекий мой, расскажет?
О том, что дух мой без тебя обременен тоской, расскажет?
Кто не мечтал рубинам уст поведать о своих страданиях?
О тайной страсти соловья пусть ветерок весной расскажет.
И если слез моих поток не преградит ее дорогу.
О кипарис мой, кто тебе, что я молюсь одной, расскажет?
Аскет смотреть нам запретил на лики нежные красавиц.
Служитель вечной красоты вовеки вздор такой не скажет.
В надменной глупости своей уанжа нам запретил влюбляться, —
Пусть бредни жалкие свои другим болтун пустой расскажет.
Мой слабый дух, в огне страстей, готов расстаться с бранным телом.
Кто солнцу о пылинке той, истерзанной мечтой, расскажет?
Душе заблудшей, что тебя Кыблою духа не считает,
Кто о ведущей к божеству дороге не простой расскажет?
Бесправный раб и шахиншех мечтают встретиться с тобою,
Пусть тот, кто удостоен был, про этот миг святой расскажет.
Кумир мой, на твоём лице я вижу сотни начертаний,
Но разве точно про тебя сраженный красотой расскажет?
Тому, чей взгляд не озарен сияньем истинного солнца.
Кто о лучистости твоей, рожденной добротой, расскажет?
Тот, кто подобно Насими, узрел твой образ совершенный,
Пусть всем паломникам любви про тяжкий путь земной расскажет.

Когда о ней ведет рассказ новорожденная луна,
У обладателей сердец душа огнем озарена.
Возжаждал взгляд ее хмельной кровь сердца бедного пролить.
Но защитила грудь мою кудрей густая пелена.
Мир благоденствия презрев, хочу увидеть я тебя,
И страстью, словно злой ордой, покоя выжжена страна.
Шип розы ранил соловья, печально жалуется он,
За миг свиданья эта боль ничтожна малая цена...
Тот не достоин тайн любви, кто сердцем чувство не постиг,
Глупец на разум уповал, возможность разума бедна.
Кто, опьянения боясь, на лик красавиц не взирал,
Тот и преступник и злодей, столь велика его вина.
В Каабе, в капище жрецов познает равно божество
Лишь тот, кому, как Насими, Фазлхакка истина ясна.

Как я измучился тобой, кумир, красую осиян!
Помилосердствуй, от любви в моих глазах плывет туман.

Предстань, как лунный кипарис в сиянье райского огня,
О ты, которой равных нет, яви свой бесподобный стан!

Я днем и ночью, божество, молюсь пред образом твоим,
Мой дух возвышен, я горжусь, что мне удел высокий дан.

В пределах сердца моего единовластно ты царишь,
Разбей его иль вдохнови, на подвиг, славу и дастан.

Молю, не покидай меня. Когда тебя со мною нет,
То бедный разум замутнен, как будто я смертельно пьян.

В груди толкуются и снуют частички малые души.
Они пылинки на свету, их манит страсти океан.

Я пламенею, как свеча, о тонкоствольный кипарис.
Невыносим разлуки миг, и дух мой горем обуян.

Стремлюсь к рубинам губ твоих, к жемчужной прелести зубов.
И слезы катятся из глаз, как будто кровь из смертных ран.

Чтоб я о горестях своих поведал ласковым кудрям,
Взойди, полночная луна, и озари пустой айван.

С тобой свиданье двух миров прекрасней—так сказала ты,
Но скажет истинный знаток, что твой дороже талисман.

И если скалам Насими расскажет о своей тоске,
То дрогнут горы и хребты и ближних, и далеких стран.

Вернись ко мне, здесь без тебя моя печаль невыразима,
Аллах, пусть ни одна душа не будет так судьбой гонима.

Ты похищаешь все сердца, разрушив первопредставленья,
Взгляни, хоть мельком на разор, на беды, что тобой творимы.

Солен и горек жемчуг слез, мне проливать его доколе,
В тоске по розовым устам моей единственной любимой?

Не знал я прежде, что тоска слепым огнем сжигает сердце,
Гляди, я в море слез тону, о кипарис, идущий мимо.

Я о свидании с тобой молю и днем и ночью бога,
Так молит розу соловей, неутолением томимый.

Бальзам свидания пролей на изнывающее сердце.
О, есть ли тот, кто исцелит недуг души неизлечимый?

Жизнь пролетела без тебя, без чистой радости свиданья,
Взойди, счастливая луна, затепли лик неопалимый!

Лицом стал бледен Насими, жемчужных слез не осушает,
О пожалей и ободри улыбкой уст невыразимой.

Сердцем издавна владеет перилкая одна;
Не грози, не откажусь я—всем угрозам грош цена!

Не болтай, о проповедник, о раскаянье пустом,—
Я посту предпочитаю чашу терпкого вина.

Я в груди скрываю образ той, которой равной нет.
Вижу руки, вижу пальцы, на концах алеет хна.

Лик любви солнцеподобен, я—гадальщик, звездочет.
Для меня на небосклоне лишь одна она видна.

Коль Коран, о виночерпий, маг в залог не хочет брать.
За Коран оставь хламиду, упиваясь до пьяна.

Я давно привязан сердцем к ярко розовым устам.
Ими истина глаголет, откровения полна.

Пусть ариф—служитель правды выпьет чашу до конца.
А святошам криводушным не положена она.

Суфий, в келье отдаленной заточать мой дух не смей.
Я—ариф, я правдолюбец, мне живая жизнь нужна.

Как жемчужные подвески, стих твой блещет, Насими,
Золоченая оправа быть у жемчуга должна.

Аллах, не солнце ли взошло, окрасив огненно восток?
Аллах, не в райском ли саду раскрылся розовый цветок?

Откуда локонов каскад, что запах мускуса струят,—
Иль гиацинта аромат донес весенний ветерок?

Аллах, то не Ковсар ли твой поит нас влагою живой,
Хмелеет даже дух святой, испив единственный глоток.

Аллах, молю тебя, скажи, как сладость передать души?
Спросить, быть может, у бахши, который сладостей знаток?

Кто вспомнит яхонт губ, тот рад в честь совершенной выпить яд.
Уста твои тирьяк таят, но в этом боль, а не упрек.

О, ветер, что ты нам принес? Исы дыханье, запах роз,
Иль запах утренних волос к нам долетел сюда не в срок?

Нарцисс в росистых жемчугах, ты их нанизывал, Аллах,
Прекрасно все в твоих руках—труда и творчества итог.

«Лик от красавиц отврати»—захид сбивает нас с пути.
Булыжник у него в груди, он душу запер на замок.

Аллах, молю тебя, творца,—страданьям нашим нет конца—
Не мучай любящих сердца, не будь к взыскующим жесток.

Горит на солнце, словно жар, перевитой ремень—зуннар,
Аллах, не ты ль послал нам в дар благословенный поясок?

Знай, Насими, проходят дни, все буквы в книге зачеркни.
Но запылают, как огни, те мысли, что изрек пророк.

Душа моя, приди ко мне, мгновенье без тебя—ничто.
Богатство, счастье двух миров, боренье без тебя—ничто.

Блаженство, дружеская речь, застолья пиршественный шум,
Мечтанья, помыслы мои, томленья без тебя ничто.

И мне не нужен гулистан, я видеть гурий не хочу.
Затем, что даже райских роз цветенье без тебя—ничто.

Не дам ячменного зерна за Сулейманово кольцо,
Венца Хосрова не хочу, владенья без тебя—ничто.

Без существа твоей любви два мира смысла лишены,
К познанию правды и добра стремленье без тебя—ничто.

Я из Ковсара не хочу пригубить вечного вина,
Я знаю губ твоих нектар, заовенье без тебя—ничто.

Я плачу, слезы глаз моих, как животворная вода,
О, вечная моя туба, прозренье без тебя—ничто.

От брэнной славы, от всего отречься может Насими—
Круговращенье миров, движенье без тебя—ничто.

Где скрылся добрый тот гонец, что передать привет мне смог—
Пропахший мускусом кудрей благоуханный ветерок?

С ним вместе я бы счастлив был, я бремя двух миров избыл.
Я трепетал бы и любил, и умер у любимых ног.

Мансур, чья истина жива, его исполнится фетва,—
Вновь слышу вещие слова: «Умру я, но воскреснет бог!»

И расточится черный мрак, и в прах поникнет кровный враг,
Когда блеснет,—да будет так!—очей сияющий зрачок.

Не позабыть такого мне, как виночерпий на спине
Таскал упившихся ханжей, на твой свалившийся порог.

Кудрей цветочный аромат дурманит Чин, пьянит Багдад.
Пусть кудри мускус посрамят, зашитый бережно в мешок.

Я душу продал за гроши, чтоб увидеть тебя в тиши,
А не имеющий души пусть сердце отдает в залог.

Увидя нежный цвет ланит, стал богохульствовать захид,—
За мною он вослед твердит: «Тот счастлив, кто не одинок!»

Ты свет и тьму в одно смешал и единенья возжелал,
Советам мудрого внимал, который грозен, как пророк.

Ты кипарисов всех стройней, твой лик рассветных роз свежей,
Так будет до скончанья дней, покуда луч багрит восток.

Кто Фазла изберет вождем, забудет обо всем другом.
Идем мы истинным путем, нет Насими иных дорог.

Лик, ты избран был из многих, просветленною душой.
Ты неназванный, мной назван, ты и плоть и дух святой.

Ты—итог всего земного, цель и сущность бытия,—
Все, что есть, и все, что было, воплотилось в образ твой.

Не вмещает оба мира описание красоты,
Ты—жемчужина жемчужин, дар пучины голубой.

Всюду вижу проявление мудрой сущности твоей.
Днем ты светишь, словно солнце, а в ночи блистишь луной.

Красота твоя затмила все светильники земли,
Бог таинственную силой дал владеть тебе одной.

Нет крупницы самой малой, где бы не было тебя,
В каждом жизненном явлении вижу облик твой живой.

Ты дарованное чудо, солнца утреннего свет,
Кто тебя не замечает, тот страдает слепотой.

На челе твоём начертан богом посланный Коран,
И божественное слово окрыляет разум мой.

Человек в обличье бога, ты явилась в этот мир,
Замер он благоговейно пред бессмертной красотой.

Глаз смутительных нарциссы всполошили всех кругом,
Красота должна быть доброй, снисходительно простой.

Ты являешься влюбленным, сердцем преданным тебе,
Без тебя бы им казалась жизнь бесцельной и пустой.

Губ медвяные рубины речь нам сладкую сулят,
Ты шахиня сладкоустых, в мире нет такой второй.

Мир подлунный—отражение юной прелести твоей,
Пусть умолкнет проповедник, не чернит нас клеветой.

Речь твоя идет от бога, ты—кудесник, Насими!
Тайну скрытую от праздных всем взыскающим открой.

Я ей сказал: «В твоих кудрях смысл жизни заключен».

Она в ответ: «Прекрасна я и ты порабощен».

Я ей сказал: «Других кудрей подобных в мире нет».

Она в ответ: «Красив мой стан, высок и строен он».

Я ей сказал: «Я жизнь люблю, мне дорог каждый день».

Она в ответ: «Любовь ко мне прекрасна, словно сон».

Я ей сказал: «От глаз твоих мне взор не отвести».

Она в ответ: «Терпи, поэт, таков любви закон».

Я ей сказал: «Любовь к тебе—приятный сердцу труд».

Она в ответ: «Я краше всех и дух твой восхищен».

Я ей сказал: «Что кипарис в сравнении с тобой!»

Она в ответ: «Твой кипарис движения лишен».

Я ей сказал: «Любить тебя священный мой обет».

Она в ответ: «Да будет так, ты истинно влюблен».

Я ей сказал: «Я истомлен, я жажду томим».

Она в ответ: «О Насими, не будьешь утолен».

Ислам и ересь—близнецы, у них один исток.
Влюбленный—вечный раб любви, пусть этот плен жесток.

Одна любимая у нас, второй подобной нет,—
И это истинной любви единственный залог.

Тот, кто Каабу отделил от капища жрецов,
Пусть стар годами, но незрел, рассудком недалек.

А тот, кто вздумал предсказать грядущий жребий свой,
Не угадает никогда, что уготовил рок.

Бедняк поверг себя во прах перед лицом любви, —
Хосрову уподоблен он, удел его высок.

Властитель, вся твоя казна бессмысленный соблазн,—
Богатства мира — жалкий прах, клубящийся у ног.

Друг, от ничтожной суеты с презрением отвернись,
Тот, кто богатством покорен, попал в тугой силок.

Влюбленный в светоч божества, зову тебя с мольбой,
Пусть осенит в саду любви тебя платанов шелк.

Знай, если истомят тебя превратности любви,
То испытает сердце вновь мучительный восторг.

И если нежно на тебя любимая глядит —
Двойное зрение даст тебе ласкающий зрачок.

Луна моя, ты красотой затмила небеса.
Завистник месяц в вышине печальный вопль исторг.

Рад отказаться Насими от сущности своей,
Когда ты смотришь на него, велик он, словно бог.

Кто ты, пери неземная, с чем тебя сравнить я смогу?
Кипарис ли, ангел рая или солнечный цветок?

Сладки губ твоих рубины, как малиновый шербет,
Не твои ли это речи животворных вод исток?

Кто ты — гурия Эдема, стран неведомых кумир?
Отчего огонь желанья так губительно жесток?

Ты ограбила мне зрение—вижу я тебя одну.
Ах, зачем ресницы-стрелы в грудь пацелил мне стрелок?

Знаю: локоны и взоры полонить желают мир.
Горе, если вдруг решила красота напасть не в срок!

Драгоценнее рубинов эти алые уста,
Не жемчужиной ли блещет перламутровый зубок?

Насими, с разбитым сердцем, раб дурманных этих кос,
Чем, ответь, так душно пахнет каждый локон-завиток?

Лицо ее святой Коран, свидетель в этом бог,
«Мим» — рот, «нун» — брови, а глаза сравнить я с «айном» мог.

Кто полюбил, с тем, кто любим, едины в жизни сей,
Чернила кончились мои и мой калам засох.

Начетчик суфий верный путь к единству не найдет,
Он в мелком ханжестве своем не знал прямых дорог.

Глубинной сладостью полны две ямочки щеки —
Колодцы, в них упал Юсуф, удел его жесток.

Чистейших, выпретенных небес ты новая звезда,
При виде лика твоего темнеет лунный рог.

Ширин — прислужница твоя, о чудо красоты,
Хосров гарем свой разогнал, тебя призвав в чертог.

Прах мертвых может воскресить целитель Насими,
Ведь аромат твоих кудрей доносит ветерок.

Мне станет стыдно, если я твой дивный лик сравню с луной,
Мне ль человеком счесть тебя, когда бессмертен образ твой?

Ты ангел? Нет, не ангел ты, нет в небе сходной красоты,
Лица прелестные черты тебе дарованы судьбой.

Вдыхая мускусный дурман, я от кудрей душистых пьян.
Тот, кто найдет в тебе изъян, тот черен телом и душой.

Ты не откроешь всем подряд от чуждых глаз сокрытый клад,
Так створы раковин таят перл дивный, скрытый под водой.

«Скажи, — я обратился к ней, — где след найти души моей?»
«Она в силках моих кудрей», — гласил ответ ее простой.

Душа, омытая в слезах! Вернись ко мне, отбросив страх, —
Ты изнывала в завитках кудрей, струящихся волной.

Я знаю, что не правы те, кто видит лживость в красоте,
Верны красавицы мечте, блюдут любви обет святой.

О суфий, дружен с нами будь, творить молитвы позабудь,
Обманна ханжеская суть, не лучше ль пить в ночи хмельной!

Звезда ночей моих, гори, лучами руки обагри,
То кровь, приняв багрец зари, из ран моих течет струей.

Суровый выбрал я удел — богатство двух миров презрел,
Я — Насими, я духом смел, я верен Истине одной.

X С тобой, о Истина моя, наедине мне хорошо,
Я—мотылек вокруг свечи, в твоём огне мне хорошо.

Твое правдивое вино вкусить мудрейшему дано,
Я тайный смысл нашел давно в святом вине—мне хорошо.

И не открою я чужим, какой любовью я томим,
Твой лик мы в тайне сохраним, на самом дне—мне хорошо.

Любви высокая краса открыла праведным глаза,
Друзей услышу голоса—в моей стране мне хорошо!

Я о пощаде не молю, враги накинута петлю—
Я не скажу, кого люблю, в предсмертном сне—мне хорошо.

С тобой мы правды клад найдем, от лицемерья отдохнем,
Коль враг не вызнает о том, тогда вдвойне мне хорошо.

Стихи слагает Насими, их в дальний путь с собой возьми.
Простыми понят я людьми, быть в стороне не хорошо!

Я—есмы сокровище, я то, что всех богатств сильней, имею.
Я—океан, в глубинах вод, перл, что других ценней, имею.

Любви я потаенный вздох, земной удел я превозмог,
Я красоту увидеть смог, взор обращенный к ней, имею.

Я сам времен круговорот и мною движим небосвод.
Луну, и звездный хоровод, и солнце всех светлей имею.

Зачем мне сахар покупать, есть в улье сладостная кладь—
Дано медвяность уст познать, я сласть ее речей имею.

Анка я—птица снежных гор, я крылья мощные простер.
Я всемогущ, и с давних пор в прислужниках жарей имею.

Я—и движение и покой, на небе и в глуби морской.
Я неземной и я мирской—ключи от всех дверей имею.

Влюбленный, если б ты изрек вслед за пророком: «Я есмь бог!»
Тебя аскет давно бы сжег, но я удел страшной имею.

О суфий, ты годами стар, оставь и посох и зуннар,
Не нужен мне твой мнимый дар,—иное в жизни сей имею.

Твердит мне набожный аскет: «Земной любви на свете нет!»
Отрину ханжеский запрет,—я свет на склоне дней имею.

С тех пор, как для меня взошло твое, о Шамсуддин, чело,
С иным мне солнцем не светло,—ученье всех верней имею.

Мой дух виденьем восхищен, к Кыбле единой устремлен.
Проклятьем буду заклеймен, но путь, он всех святей, имею.

Спадают локоны к стопам, я жизнь служенью ей отдам,
Иду я по ее следам, я бремя всех цепей имею.

Печаль, ты сердце одолев, его терзаешь, словно лев,—
Живу я, эту боль презрев, я муку всех больней имею.

Огонь Мусы, костром пылай, огнем дорогу озаряй,
Свеченье мне свое отдай, в душе я сто огней имею.

Любуйся, суфий, я богат, в душе моей несметный клад,—
Мне горы все принадлежат и я простор полей имею.

Чертам чела смысл тайный дан, на нем прочтешь святой Коран.
Мой дух волненьем обуян—я дар, он всех прочней,—имею.

—Фазл,—просит верный Насими,—пророк, неверных разгроми.
Ничтожен ангел пред людьми. Я веру всех мудрей имею.

Тебя провидцем всеблагим все верные сердца назвали.
Кораном истинно святым, открытым до конца, назвали.

«Хазеф,—спросил я,—ты велик, с чем ты сравнишь прекрасный лик?»
И он ответил:—«Книгу книг в его чертах мы прочитали!»

Пронзил меня твой звездный взгляд, в нем цвел бессмертный райский сад.
Там родники светло звенят, не зная скорби и печали.

Явился ты, Фуркан души, и правду отличил от лжи,
Нас речью усладить спеша, тебя, пророк, мы вечно ждали.

Увидя твой медвяный рот, растаяв, устыдился мед,
Душа Ширин в тебе живет, ее сладчайшею считали.

Речь и доступна и чиста, и жемчуга таят уста,
Менялы мира неспроста богатство за нее отдали.

Стан строен, как самшит лесной. Ты лотос, бредящий весной,
С кем ты сравнишься белизной? Подобных отыскать едва ли.

Ты—изумрудная скрижаль, что с неба наземь снизошла,
И от нее Мусе светло—сияньем озарились дали.

Скрывает лик кудрей волна, так в облаках сквозит луна,
Душа влюбленного больна от этой девственной вуали.

Пойми язык любви святой, влюбленных пусть спасает Ной.—
Неверных ждет поток земной—они к пророку не взывали.

Громово нам изрек пророк: «Постигни речи вещей слог,
Навечно посылает бог единой Истины скрижали».

Познай свою земную суть, в себе найди к спасенью путь.
Ты—человек, Аллахом будь, с ним рядом встав на пьедестале.

Кумира зрело выбирай, его ученье осознай,
Двуличных отвергает рай, оттуда дьявола изгнали.

Я, Насими, вам возгласил всю правду высших, добрых сил,
Аятом твердым я служил, чтоб люди Истину познали.

Ты чашу Джамы потерял, восстань, беспечный, ото сна.
Чего ты ждешь в бесплодных снах? В них только призрачность одна

Презрел ты Истины закон, был пустословьем ослеплен,—
Будь осторожен—бог силен, в нем вечной мысли глубина.

Чтоб ум твой враг прельстить не мог, гони соблазны за порог,
Так поступай, чтоб не отвлек тебя от цели сатана.

Сильно неверье в мире сем, будь тверд и сердцем и умом,—
Земля, в кружении своем, нам, смертным, не подчинена.

Богатством пренебречь сумей, беги от суетных страстей,
Жизнь, в быстротечности своей, пройдет, легка или трудна.

Ты увлекался мишурой, мирской обманчивой игрой,
Забыв об Истине святой, в ней жизни суть отражена.

Святой, Мессии ты под стать, зачем ты вздумал джинном стать,
Ты должен к милости взывать, которой Истина полна.

Ракушка та нам дорога, что прячет в створах жемчуга.
Знай, только праведный слуга поймет, чем Истина сильна.

Тот, кто рассудок не терял, Меджиуна страсть не испытал,—
Свой век прожил и не узнал, что у Лейли душа нежна.

Ты все в себе соединил, ты вопрошал и совершил,—
Ты сам творец, отец светил, Фаила власть тебе дана.

О, человек, когда ты зряч, сил от себя своих не прячь,
Огонь твой светел и горяч, идее жертвенность нужна.

Ты сам и перл и тайный клад, и несказанно ты богат,—
Зачем в себя не веришь, брат, не знаешь в чем твоя вина.

Тебя влечет земная страсть, потворства мелкая напасть,
Пока твоя на это власть, не пей отравного вина.

Я, Насими, тебе изрек ученье, что открыл пророк.
Когда б его понять ты смог, познал бы сам себя до дна.

О, есть ли равная тебе? В огромном мире ты одна.
Ты сердце выкрала мое и душу выпила до дна.

Розовощекая моя, ты райский утренний бутон.—
Шипы тоски меня язвят, жизнь, без румяных щек,—бледна.

Но солнце с Запада взошло и потрясенный замер мир,
И неземная красота предстала нам, обнажена.

Хочу любви твоей достичь, идя к тебе прямым путем,
Сей путь мне бог предназначтал, стезя иная не нужна.

Наряден пестрый попугай, а ворон мрачен, словно ночь,
Единый рок их судьбы свел, судьба двоих предрешена.

Влюбленный следует во всем обетам пламенным своим,
А у неверного душа гореть в огне обречена.

Бог по подобию своему влюбленных образ создавал,
Тебе, создание творца, доверил тайну он сполна.

Знай, счастье встречи тем дано, кто бодрость духа сохранил,
Влюбленный зоркость днем хранит и ночь проводит он без сна.

Разлука для влюбленных яд, подлитый в сахарный шербет,
Но яд не действует на тех, в ком вера в сущее сильна.

Не проживай пустую жизнь, к глубинам знания стремись,
Обманчив переменный мир, невеждам правда не ясна.

Богатство, слава—легкий дым, они растают без следа.
Мансур и в смерти счастлив был, на все бессмертный времена.

Из рук возлюбленной испей священного вина глоток,
Не вздумай в грязном кабаке пригубить пьяного вина.

Будь терпеливым, соловей, о розе вешней не тоскуй,
Зима пройдет, и в цветнике заблещет новая весна.

Святая истина разит сердца завистливых лжецов,
Меч правды—слово Насими, а правда у него одна.

Ты нежный бутон мой, бутон мой, бутон.
Тобой кипарис посрамлен, посрамлен.

Жасмин белоснежный, твой царственный стан
В зеркале очей отражен, отражен.

Твоей красотой вся сущность моя,
Взыскующий дух, озарен, озарен.

И ветер, целующий кудри твои,
Жасмином теперь напоен, напоен.

Увидел михраб насурмленных бровей
И я покорен, покорен, покорен.

И если, хоть издали, вижу тебя,
То я утолен, утолен, утолен.

А стоит мне только представить тебя,
Мой дух окрылен, окрылен, окрылен.

Твой образ, который воспел Насими,
В искусстве стиха повторен, повторен.

Похитительница сердца божеством сотворена,
Ты немеркнущим сияньем, как восход, озарена.

Лик твой—праздник обновленья, осеняющий сердца,
А волна кудрей полночных, словно ночь зимы, длинна.

Ты снимаешь покрывало проявления лучом,
Воцаряется твой облик, как взошедшая луна.

Не росы сияет капля на зардевшемся цветке,—
Манит родинка на щечке, птенчик нежности она.

Утоли мое мечтанье—дай изведать сладость уст,
Мой рассудок восхищает сладкой речи глубина.

Стан твой—ангельское древо, в райском висится саду,
В златоверхую вершину сущность жизни вмещена.

И таинственная сила, сотворившая миры,
Пред твоею красотой замерла, ослеплена.

Насими, ты дерзновенен, скуден бедный твой язык—
Пусть ее священной книги восхваляют письмена.

Сегодня ночью на пиру разлит был свет иной,
Перед глазами вспыхнул он за много лет иной.

Земной и смертною тебя назвать я постыжусь.—
Богиня, в мире ты одна, на свете нет иной.

Проситель нищий, у ворот безмолвно я стою,
Дар Фазлуллаха получив, даю обет иной.

Целебна чистая вода в нездешних родниках,
Но мной в обители твоей был ключ воспет иной.

Всех милосердием своим одариваешь ты,
Я, от огня твоей любви, рассвет узрел иной.

Трон падишаха окружен толпой немых рабов,
Я, на порог чертога став, держу ответ иной.

Долину жизни захлестнул поток горячих слез,
И каждый день в душе моей источник бед иной.

Глаза прекрасные твои несчастье мне сулят,
А лук бровей, ресниц колчан? У них запрет иной

Я, Насими, твой соловей, прославил ясный лик,
Не сможет так воспеть тебя в стихах поэт иной.

О, луноликий ангел мой, тобой украшен райский сад.
Твой лоб сияет, как луна, источник боли каждый взгляд.

Уста—божественный Замзам, взор изначальной тайны полн,
И встреча краткая с тобой дороже всех мирских наград.

Кто к вере приобщен твоей, не сомневается ни в чем,
И, опьяняя и трезвя, твои слова в душе звучат.

А тот, кому узреть пришлось твой вдохновенно скорбный лик,
Поверг себя к стопам твоим, восславя господу стократ.

Слуга Фазлхакка Насими познал ничтожество свое,—
Он был наставником своим любовно принят, словно брат.

На лике царственном твоём бог изначальный видел свет.
Он троекратно возгласил: «Я бог, другого бога нет!»

Лик красотой нас изумил, луну и солнца блеск затмил,
Ты проявление высших сил, небес пленительный рассвет.

Хвалу тебе воздать спешу, коль это грех, то я грешу,—
Пока живу, пока дышу—служить тебе даю обет.

Молю, покров с лица откинь, ты краше всех земных богинь,
Ты красотой всех шахинь смогла затмить в расцвете лет.

Дорога Истины одна, «Ступай!»—сказала мне она,
Очей сверкнула глубина, кудрей полночных черен цвет.

Теснились гурии толпой, любуясь дивной красотой,
Сияньем благости святой был каждый смертный обогрет.

И тот, кто образ твой создал, благоговейно замолчал,
К стопам твоим в мольбе припал и шах, и дервиш, и поэт.

Раздался голос: «Мне служи, отвергни путь крамольной лжи,
Дорогу Правде проложи, держи с мудрейшими совет».

«О войско родинок твоих, как оберечься мне от них?»
«Прославь меня в стихах своих!»—гласил возлюбленной ответ.

Я жертва красоты твоей, стою у замкнутых дверей.
Мне жалок участью своей сухой начетчик и аскет.

Я, Насими, во всем правдив, я прямодушен, как алиф,
В своих реченьях справедлив, порукой в том любви завет.

Меня с любимой разлучил жестокий небосвод, смотри.
Изранил сердце он в груди, разбил мечом невзгод, смотри.

Разлука с милой сердце жгла, мой дух испепелив до тла,
Нет сил, надежда отцвела, в душе царит разброд, смотри.

В огне любовной маяты зачем меня сжигаешь ты?
Мне, как Мусе, яви черты, слуга явленья ждет, смотри.

Ты лекарь мой, целитель, друг, приди и уврачуи недуг.
Возникни предо мною вдруг и боль моя пройдет, смотри.

Твой лик любовью осиян в кудрях твоих святой Коран.
Зуннаром опоясан стан — раб за тобой идет, смотри.

Лик—роза утренних полей, твой дух—священный соловей.
В честь розы бархатной своей он на заре поет, смотри.

Удел Мансура был жесток, он трижды возгласил: «Я бог!»
Пусть я погибну как пророк, придет и мой черед, смотри.

Разлукой, молотом тоски душа разбита на куски.
О, боже, кровь стучит в виски, она из глаз течет, смотри.

Ты —мой смеющийся бутон, росой прохладной окроплен.
Шипом любви я уязвлен, мой судный день грядет, смотри.

Любовь опять пришла ко мне, и Насими в блаженном сне.
Горят соперники в огне, их зависть люто жжет, смотри.

Счастливец, кто тебя одну и увидал и возлюбил,
Кто видел родинку твою, кого твой рот приворожил.

Затем, что в мире ты одна, тебе на это власть дана,
Стройна, как ангел и умна, светлей заоблачных светил.

И сам творец был умилен, тебя создав, был счастлив он,
Уста, как розовый бутон, он их чуть-чуть полуоткрыл.

Меняла, на нее взгляни, уста-рубины оцени,
В них зубки—жёмчуга огни, а лоб опала блеск затмил.

Изогнут ловко лук бровей, нет черной родинки хитрей,
Сквозит приманкой средь кудрей в ней колдовство нездешних сил.

Тебя люблю я с давних пор, я не ловкач, не плут, не вор!
Суров и скор твой приговор, надежды он меня лишил.

Я, Насими, служить готов, я раб средь множества рабов:
Средь турков, негров, кипчаков, кто трон высокий окружил.

И ранен я стрелой разлук, такая только ты.
Бровей виновен гнутый лук, такая только ты.

Сгорел я с головы до ног в мучительном огне.
И кто не лечит мой недуг? Такая только ты!

Шахния, твой безмолвный раб на смерть идти готов.
Я всех безропотнее слуг, такая только ты.

Струнтся амбры аромат от праздничных волос.
Медвяно-сладок речи звук, такая только ты.

Клянусь Аллахом, жизни я своей не пожалел,
Чтоб ночь с тобой пробыть как друг, такая только ты.

Меня привратник не пустил взойти на твой порог,
Атласный плащ скользнул из рук, такая только ты.

Из мира этого уйдет печальный Насими,
Он стал тебе ненужен вдруг, такая только ты.

Твой лик, о гурия,—Коран, а щеки—тайный Каф.—
Бог, сурь смысл в тебя вложив, был милостив и прав.

Луна и солнце—с давних пор прислужники твои.—
Явление чуда, сил исток, могущество держав!

Твои уста сам Хызр назвал живительным ключом,
И жизнь я новую обрел, живую речь впитав.

Бровь—гнутый лук, колчан ресниц—они людей разят,
Аллах направил их в сердца, с расчетом цель избрав.

Семь раз склонялся сатана пред образом твоим
И отступился в страхе он, блаженста не познав.

Ты проявление божества, субстанция идей.
Кропишь ты влагой дождевой сплетенье райских трав.

Твой облик—розовый цветник в божественном саду.
Я пил речей твоих вино, навеки пьяным став.

Бессилен разум охватить величие души.
Ты человека создаешь, себя в нем воссоздав.

В полночных локонах твоих значение мудрых сур.
И лика дивный алфавит горжусь я, прочитав.

Тебя лишь истины слуга достоин лицезреть.
В инога бога верь, захид, былой кумир убрав.

Я в сладость имени сумел влюбиться, как Хосров.
Он, шах, любил свою Ширин, соперников поправ.

Твой лик сияет, как свеча, в нем проявленья свет,—
Смутились солнце и луна себя фатой застав.

Твой ум, взыскующий добра, и светел и велик,
Безбрежен словно океан, все лучшее вобрал.

С тобою встретишься, Насими к бессмертным приобщен,
Мне слово вечное твое дороже бранных слав.

Твое лицо—скрижаль Мусы, гора Синай—твой стан,
Начертан на твоём челе весь праведный Коран.

Ты изначально его, таинственный «алиф»,
Восславил мужа красоту торжественный дастан.

Безбожны волосы твои, но праведен твой взор,
Перемещает свет и тьму, как волны океан.

Знай, от ученья твоего мой дух преображен,—
В руинах сердца красота раскинула свой стан.

В моих очах—провидец ты, и видим, и незрим,
И на тебя с мольбой глядят паломники всех стран.

Ты статью—дерево туба, твой облик—райский сад,
В словах твоих бьет Сельсебиль—живительный фонтан.

Постигнуть надо скрытый смысл речений Насими,—
Ему, рабу, великий Фазл в наставники был дан.

Тот повелитель двух миров, кто сущность Истины постиг,
Познав величие свое, стал и свободен, и велик.

Когда ты жаждешь, как Муса, свет проявленья лицезреть,
Найди того, кто в двух мирах явил открыто правды лик.

Ты, всем на радость, расцвела в саду нездешней красоты.
Ресницы, брови и глаза сияют, как весной цветник.

О дивной прелести твоей услышал восхищенный свет
И в мире судный день настал и для рабов и для владык.

И россыпь шелковых кудрей и точки родинок твоих
Открылись людям, как аят, как будто суры Книги книг.

Рубины алых нежных губ медоточивости полны.
Не каждый знает, отчего так мудр и сладок твой язык.

В пространство зримое себя вместить не может Насими,
Его в предвечности исток, из недр вселенной он возник.

Упало покрывало вдруг и заснял твой лунный лик,
И тайный мир открылся мне, он сокровенен и велик.

И отсвет красного огня упал на утренний тюльпан.
Он на восходе запылал, как будто пламени язык.

А ты взглянула на людей, в сердца их чувства заронив,
Народ, поверивший в тебя, к стопам божественным приник.

Твой взгляд манил, и чаровал, и околдовывал сердца,
А ты, как опытный стрелок, влюбленных убивала вмиг.

Про сладость уст твоих писал так вдохновенно Насими,
Что «ней» печально застонал, стал горек сахарный тростник.

Холодным прахом станет тот, что чувством к милой не согрет.
Да будет радости лишен ее не испытавший бед.

Пускай гордится кипарис воздушной легкостью своей,
Но ты, любимая моя, еще стройней, чем минарет.

Ты милосердием своим всех превосходишь на земле,—
Приподними свое чело, тебе подобной в мире нет.

Целебна пыль твоих дорог, она, как тутия для глаз,
Тот исцелен, кто пал во прах, твоей стопы целуя след.

Кто в жизни суетной земной забыл о благодати твоей,—
Себялюбив, и недалек, и обделен на склоне лет.

И пребывает в слепоте тот, чьи незрячие глаза,
Не озарят твоей души чистейший и высокий свет.

Твой лик Кааба тем мужам, кто жаждет Истину постичь,
Ты направление—Кыбла, где блещет праведный рассвет.

Кто гиацинтовым кудрям не клялся в верности своей,
Тот преступление совершил, Корана преступил завет.

Тогре—священная печать твоя изогнутая бровь,
Она, как месяц молодой, как золотой блестит браслет.

И если где-то, Насими, твои реченья не поймут,
Покинь несовершенный край, там пребывать тебе не след.

Шахиня, с чем могу сравнить я гиацинт твоих кудрей?
О боже, амбры аромат разлился по вселенной всей!

Китайский мускус посрамлен благоуханием волос.
Клянусь Аллахом, дышит в нем цветенье розовых полей!

Слова, что ты произнесла, весть об устах твоих несут,
Они, как крошечный бутон и розы утренней алей.

Ты похищаешь все сердца, сама не ведая о том.
Султаны мира пред тобой плененных соколов ручней.

Не отрываясь, я смотрю на малой родинки зерно,
И эта родинка твоя во много раз зрачков черней.

Как будто черный раб-индус, она разбой чинит тайком
И, разоряя, бедит спокойный мир души моей.

Знай, голубь духа моего пленен нарциссами очей,
Ничто не может разорвать хитросплетение сетей.

Тебя нельзя сравнить с луной, ты в небе солнце превзошла,
Они собирают волоски в хирмане прелести твоей.

Миндалевидные глаза добрее локонов твоих,
Затянут ими Насими в игру нелегкую страстей.

Я—божий слог, я смысл всего, субстанция времен.

Я—единенья торжество, в единстве разобщен.

Я движу мир, который зрим и движусь вместе с ним.

От мира я неотделим, в движении воплощен.

Я знаю, что бессмертен я, пусть брэнна плоть моя.
Нетленна сущность бытия, но смертным я рожден.

Я—бесконечности залог, я в человеке—бог.
Удел конечный превозмог, в стихах запечатлен.

Я—бог и я, как бог, велик, мой многозначен лик.
Я из растения возник, в творца преображен.

Я—чистый дух, что явлен нам, я—близок небесам.
Я чуда власть не знаю сам, не знаю, сколь силен.

Я—двадцать восемь букв святых, Корана вещей стих.
Я—Кадр, открытый для живых, слепых стихий закон.

Я—жемчуг, я—сокрытый клад, божественный аят.
Я в праздник ваш святой Барат с пророком вознесен.

Я стал помехой из помех живущим для утех.
Я—Насими, пишу для тех, кто к правде приобщен.

Я оставляю брэнный мир затем, что нету правды в нем.
Вперед направил я коня, не сожалел ни о чем.

Когда с возлюбленной своей вдвоем захочешь пребывать,
Презрев богатство двух миров, неметным станешь богачом.

Все быстротечно в мире бед, таится в каждой пользе вред.
На всем единый есть запрет, себе будь лекарем-врачом.

И если ты не демон злой, познай адамов род людской.
Суть человечности усвой—смысл бытия, постигни, в чем.

Уверься, не предполагай, себя стократно испытай.
Сомненье смело отвергай, владея Истины ключом.

Запомни—колок кипарис, у розы сто один каприз.
Не рви изнеженный нарцисс, склоненный праздно над ручьем.

Сладчайши Истины уста, душа без истины пуста.
В ней жизни смысл и красота, все остальное нипочем.

О боже, сохрани меня от легковерного огня,
Пусть в Судный день восстану я за пламенеющим мечом.

Я отказался ото всех, от суесловья и утех.
Ввела меня в блаженный грех коса за девичьим плечом.

Я—Насими, мой срок грядет, я этот мир познал и тот.
К тебе его судьба влечет, ты стала истинным лучом.

С тобой, луноликой, не спорит луна и рядом взойдет—угасает.
А ночь—как она ни была бы мрачна—кудрей твоих мгле уступает.
Как руки Зухейхи, в крови все сердца, к тебе обагранные страстью.
Хоть ямка мала у тебя на щеке—но скольких Юсуфов вмещает!
Чтоб ног твоих прах на глаза положить целебной бесценною мазью,
И солнце, встречая тебя на пути, покорно колени склоняет.
И если б невинных и праведных всех во имя твое уничтожить—
О, Господа Милость! И это за грех твоей красоте не считают!
Светлейшее Солнце, Луна и Зухра, светила вселенной бескрайней—
Царицей избрали тебя, и горды, что верность тебе соблюдают!
Коран возгласил милосердые твое, тебе ниспослав свои песни.
От глаза дурного всевышний господь десницей тебя защищает.
Гори, Насими, только вздохи забудь, и стонов не ведай отныне
Дабы не туманить зеркала лица луны, что нам ярко сияет!

Скорбь сердцем печальным владеет, когда в нем к любимой влечение.
Что ж это за сердце, что может сносить терпеливо мученья?
Твой раб—мое бедное сердце, и мысль о свиданье с тобою
В моей голове поселилась и сердцу дарит наслажденье!
Бессмысленны страсти другие, когда покорён ты одною.
Я связан цепями тугими из локонов черных сплетенья.
Вступив на молитвенный коврик—что манишь нас зернами четок!
Суфий! Птицу нашего сердца не тронут твои ухищренья!
Что каяться в пьянстве гуляке? Он пьян от заветного зелья!
И Духа Святого напиток такого не даст опьяненья!
Нам лик твой, в ночи показавшись, ночь в солнечный день превращает.
Когда же скрывается лик твой—свершается солнца затмение!
Кто имени доброго жаждет—о нем не заботься, не думай!
В любви и величье, и слава, что к имени доброму рвенья?
С тех пор, когда сердце, как тайну, прекрасный твой образ скрывает,
Я слезы на нитку страданий, как жемчуг, нижу в испуганье.
Коль только свиданье с тобою в раю не является целью—
Такая мечта о свиданье сама по себе преступленья!
Душа Моисея «Явись мне!»—взывает на горнем Синае,
Он жаждет свиданья с тобою, к речам твоим полон стремленья.
Зовут Насими твои очи, они ему мнятся имамом.
А Кыбла его—лик и брови, и славит он их в песнопенье.

Обитель святая кудрей твоих нам—вместилищем душ наших стала.
«Господь ниспослал меня вам»—в тех словах той благодати дивной зеркало.

Хотя и безумье—теряя покой, привязывать к локонам сердце—
То сердце разумно, что цепью такой к любимой себя приковало.

И узел тугой твоих черных волос распутать, поверь мне, не в силах,
Так трудно вопрос философский решить, узнать, где конец, где начало.

Кто может сболтнуть, что прекраснейший лик само воплощение бога—
Неправде обрек и глаза и язык, и верить ему не пристало.

Шепнул я устам твоим: «Близок тот час, когда я отдам тебе душу!»
Ты им передай, что тот час наступил, сейчас это время настало!

Источник живой скрыт во мраке кудрей, они лишь—Зулмат настоящий,
А вовсе не царство подземное тьмы, как глупость всегда утверждала.

Без страха ныряй в море вечной любви, извлекь жемчуга постарайся!
Душа, что бонится спускаться ко дну,—когда жемчуга доставала?

Жилища моих очарованных глаз твоим освещаются ликом.
Слеза моя, словно граненый алмаз, его отражением стала.

Паломник, когда отправляется в путь к Каабе свиданья с любимой,
Берет он страданье в запас, чтоб ему с избытком мученья хватало.

Единственный плод, что судьба нам дает—любовь, что к тебе мы питаем,
Того, кто к любимой любви не найдет—бесплодем судьба наказала.

Ты Истины образ чертй, Насими, на суше, в воде, чтоб повсюду
Ее созерцать—на земле и в воде, чтоб людям она воссияла.

О, господи, господи! Солнечный свет любимый мой лик источает!
И правы все те, кто светлейший тот лик божественным ликом считают!

Мои же глаза ни за что не хотят лицо чье-то видеть другое...
Воистину все, что вбирает мой взгляд,—лицо дорогой составляет.

Несет аромат ветерок заревой и душу вселяет мне в тело,
И знаю лишь я по дыханью его, как свеж этот ветер бывает.

Аскет, не заботься о завтрашнем дне, мечтай об устах ее алых.
Как дервиш мечтает об алом вине и чашу к себе придвигает.

Я очи свои превратил для нее в обитель, чтоб там ее встретить.
Растут кипарисы всегда у ручья, раз корни источник питает.

Когда-то одним своим тайным жрецам сказала она свое слово,
То слово давно разошлось по сердцам и всюду его повторяют.

Чтоб так же молиться, как молятся все,—в одежде сверкающе-чистой,
Влюбленный одежду вином в кабаке и ночью и днем отмывает.

Бесстрастно свой век проводящий во тьме, красавицы в жизни не встретив,
Он камень и лед вместо сердца в груди бесплодно от ближних скрывает.

О черных кудрях расспроси Насими, о родинке бархатной каждой.
Тебе он ответит, что он из-за них, расстроен, бесцельно блуждает.

О, друга чело—это божья скрижаль, черты его—строки Корана.
Все гибнуть должно, только лику его века возглашают: «Осанна!»

Живая вода, от которой сам Хызр бессмертия был удостоен,
В четыре ручья в черных косах течет и мне ее пить неустанно!

Как может познать сущность жизни, скажи, в саду мироздания блуждая,
Кто бродит, его ароматом пленен, кто красками бредит, как пьяный?

Доколе ж ты будешь сомнений в плену, далек от божественных знаний?
Отбрось шелуху, доставая ядро, и выйдешь на свет из тумана!

Волшебница тайного мира с тобой, незримо присутствует с каждым;
Зачем же искать ее так далеко, глупец, по неведомым странам?

О, ты, чья пола увязает в грязи греховных твоих вождедений!
Тебе ту полу, пока с неба дождит—отстирывать следует рьяно!

С тобою сам Хызр по соседству живет, ты ж в царстве невежества бродишь,
От жажды страдаешь, когда твой кувшин водой переполнен желанной!

Беспечный глупец, стоит только поднять завесу божественной тайны—
Узнаешь лик бога в любимом лице во всей красоте первоизданной!

Любовь твоя может убить Насими, и с нею воскреснуть он может—
Такой сокрушающий нрав у любви, приди она поздно иль рано!

Только с солнечным восходом солнцеликая сравнится.
Ночи Кадр благословенье в волосах ее таятся.

Знаки те, что в ночь Мираджа был пророк сподоблен видеть—
Лишь бровей любимой дуги, коль у сердца глаз провидца!

Завиток любимой нежен, хоть каната крепче держит.
И сложили «песни ночи», чтоб кудрям покрепче виться.

Что тебе блаженство рая, сад земли обетованной?
Если вдумашься в суть их—лик любимой будет сниться!..

Ключ к сокровищницам тайным—это нам любимой имя.
Гнацинтовою прядью и Сезам нам отворится!

Чудеса пророков божьих, тайны знания их «Ман Ладан»—
Взор один из свитка взоров, что из глаз ее лучится.

Знаешь ли, чей лик взаправду обращен к святой Каабе?
Не того, кто чтит два мира, а того, кто к ней стремится.

Так тону я в море мыслей о любви моей безбрежной,
Что у сердца на скрижалях лик ее лишь отразится!

Хоть я сам далек от чести видеть локоны воочью,
Я дышу тем ароматом, что от локонов струится...

Пусть соперники лишают нас возможности свиданья!
Ведь срывающему розы от шипов не защититься!

Насими, никто доселе не вкушал такого меда,
И несут его не пчелы, а уста, чтоб насладиться!

Сребротелый виночерпий нам под огненной полою
Со своих ланит подносит чашу с розовой водою.

Из-за уст, рубинов ярче, я рубиновою кровью
Чаши глаз своих наполнил, словно влагою хмельною.

А ее глаза-нарциссы замышляют злую смуту:
Видно сами захмелели, опьяняясь своей красою.

Сам святой отец меняет ради томных глаз любимой
В кабаке святую книгу на вино ее святое.

Утверждают лицемеры, что грешно любить красавиц.
Только я, тот грех принявший,—благодати удостоен!

Кудри чудные любимой на базар любви тащили
Многих праведных аскетов, не заботясь о покое!

Взоры глаз ее пьянящих разорвут—в том нет сомненья—
Все завесы благочестья, все привычные устои!

Говоришь—не сострадает нам горящий ярко светоч?
Что ж слеза его печали так и льется за слезою?

В стременах душа привстала, но узды не держат руки.
Возвратись ко мне! В разлуке—не сдержать души уздою!

Драгоценнее жемчужин Насими составил песню!
Ювелир, понять пора бы! Жемчуг твой—стекло простое!

Кто на скрижалях дивных черт провидеть сходство с богом смог—
Тот раб божественной любви и сам могуч он, словно бог.

Тот, кто беспечно мог сравнить свое лицо хотя б с луной—
Вчитавшись в тайнопись лица—поймет, что скрыто между строк!

От лика и кудрей твоих—о, разве взор свой оторвет,
Кто отличает ночь от дня и чистой прелести знаток?

Кто оценил бы красоту твоих бровей и глаз, как я?
Ведь только воину седло и тюркский лук придется впрок!

Хоть тайну сердца моего кровавым плачем выдал я—
Враги по бледности моей узнали, сколь я изнемог!

Свиданье вечность нам сулит, оно дарит живой водой.
Но мы не рыбы, чтобы плыть, и губит нас ее поток!

Кааба красоты, с тех пор, как сердце отдал я тебе,
Других богов не знаю я, в чужие храмы—не ходок!

Моя душа с тех пор, как я тебя люблю,—полна одной тобой.
Всем отдаленным от тебя я беспощадно пренебрег.

Хоть может, чем-то схож тюльпан с твоим пленительным лицом—
Но лишь садовник может знать, в какой цене его цветок!

Твой уста—весь божий мир, где скрыта тайна бытия
Для тех, кто знает, что тобой вселенной держится чертог!

Ты провозвестница и суть Вселенной, бог и сам Иблис,
Я первозданность чту твою, главой склоняясь на твой порог!

Светлеют очи Насими от света лика твоего,
Он тайны высшие познал, от суеты мирской далек.

Тень крыльев Хумая—тень счастья любимые кудри бросают,
Под сенью господней я жертва очей, что пощады не знают.

Я отдал бы небо и землю за черные локоны эти.
Два мира—земной и небесный—ценою кудрям уступают.

О, как обрести ей бессмертье, душе, не охваченной страстью
К кудрям твоим, если бессмертье под тенью кудрей обретают?

Душа моя! Кудри любимой—душа наших душ преклоненных.
Ту душу, что вложена в тело, нам кудри твои заменяют.

И мертвые могут воскреснуть от взора очей твоих томных.
Сто страшных судилищ над нами одни эти кудри свершают.

Очей твоих влага хмельная над смертным источник всех бедствий.
Земля переполнена смутой, что кудри твои затевают.

Хоть локона два ты имеешь, однако же промыслом божьим,
Едним для мира блаженством два локона этих считают.

Поведал мне утренний вестер о том, что распущены кудри.
С горячим желаньем узреть их душа моя утро встречает.

В Хатае и Чине заполнил я амброю сотни хранилищ.
И все от кудрей твоих черных, вокруг лика, что вечно сияет!

Назвать твои кудри не смею неверными я, потому что
Во все вещества аромат их дух верности вечной вселяет.

Я пью, словно воду живую, твою чудотворную юность
В кудрей твоих темное царство любовь мне врата отворяет.

Твой лик—нам вселенной обитель, божественной истины слова,
Господь, сотворив твои кудри, нас верным путем направляет.

Ведут Насими твои кудри в объятия пери небесных.
Кудрей благовонная влага живущих в раю услаждает.

Сопутствует вечное счастье тому, кто близок тебе, дорогая,
Сидеть с тобой рядом отрадней ему блаженства под кущами рая.

Красавицы все с незапамятных пор к влюбленным жестоки безмерно,
Обычай красавиц—тиранить сердца, терзать, снисхожденья не зная.

Всегда мое сердце к покою влекло, к ночным одиноким молитвам,
Покой у меня навсегда ты взяла, и счастлива, веры лишая.

Подвижников тысячи жмутся в углах, и страсть опалает аскетов—
Влечет, опьяненных, их глаз твоя мгла, их влага вбирает хмельная.

Ты делаешь мертвую воду живой и благоуханной камфорой землю.
Ты дышишь небесной своей красотой, святой чистотой привлекая.

Глаза мои стали заветным ларцом, когда я устам твоим внемлю.
Покорно склоняюсь пред светлым лицом, жемчужные слезы роняя.

Я отдал и сердце и душу тебе и жизнью пожертвовать жажду.
По воле своей и по воле твоей наш тайный завет выполняю.

Кто все же дождался свиданья с тобой—познал в этой жизни блаженство:
Властительный шах он всей шири земной—земли всей от края до края.

Кашмир твоя родинка, а Вавилон мне мнится твоим подбородком.
Глаза твои—дивная тюрков страна, а кудри—легенда Китая.

Божественный свиток лица твоего все тайны Мессии вмещает,
И он не таит их от прочих людей, их все до конца раскрывая.

Тебе свою душу вручил Насими, внимая устам твоим вечно,
Ведь образ твой Духом Святым воссиял, усопших из тьмы подымая.

Искусство любви пред аскетом раскрыться не может,
Зато для гуляки—насущенного хлеба дороже!

Любой человек, не изведавший ереси страсти,
Будь шейхом самим—он ханжа, если взглянем построже!

Кто смел ее стан с кипарисом сравнить в песнопенье—
Толпу близоруких глупцов он собою умножит!

Я рад, коль слуга ее—дверь мне откроет с почтеньем,
Я горд, если друг ее—сердце ко мне расположит.

Коль сердце твое, словно кудри любимой, в смятенье—
Не плачь, Насими, наш покой в том волненье, быть может!

Как прекрасен любви недуг, знает тот, кто тобой пленен.
Кто тобой не болел, тот трус, недостойн и взгляда он.

Тот, чье сердце горечь любви не взрастит, словно сладкий плод,
Плода истины не сорвет, жизнью подлинной обделен.

Без мучений к тебе идти—как стучаться в глухую дверь.
Звук дверного кольца тогда—беспользней и ложный звон.

Тот, кто финика не вкусил с недоступной пальмы любви,
В жизни сладости не вкушал, праздной мудростью искушен.

Только лик твой, о Кипарис, вижу розовым я цветком,
И колючкой видится мне ароматной розы бутон.

Не познать горячей свече сердца, схваченного огнем,
Хоть сама она вся в огне и слезами лик истончен.

Благовонье твоих кудрей—как жасмина весенний дух.
Запах амбры не может быть с ароматом кудрей сравнен.

Тот не воин любовных битв, кто себе разрешит на миг
О душе подумать своей и о вере, в какой рожден.

Стал бродягою Насими, как вертящийся небосвод,
Стал он точкой в своем кругу, навсегда к тебе присужден.

О, как измучались сердца вдали от лика твоего,
Кто в мире не влюблен в тебя и не страдает оттого?

Когда ж представляю образ твой, то свет прекрасный, неземной
Является моим очам, и счастлив я в лучах его!

Ночь локонов твоих черна, твой лик—пресветлая луна,
И если вдруг взойдет она—какое это торжество!

Ты каждый миг со мной, во мне, ты в сердце, в самой глубине,
Ты смысл меня—иного нет, ты—суть моя и естество.

Меж нами, будто, уговор о верности и о любви—
Но разве можешь ты любить и верной быть, о божество?

Бедняк, чье сердце не полно к тебе любовью неземной—
В груди его всегда темно, заря не вспыхнет для него.

От вечной жизни тот далек, кто, словно ранний ветерок,
С твоим дыханием не смог войти в блаженное родство.

О, сердце бедное! Не тшись изгнать микстурою любовь,
Сам лекарь, пользуя тебя, в свое не верит мастерство!

Чье сердце не смогло любить—тому, мой друг, не повезло:
Из благ волшебных двух миров ему не знать ни одного.

Ты мой похитила покой, я стал теперь, как небосвод:
Всегда в движении, день и ночь бегу, не зная от чего!

Мне жалко тех, кто скажет: «Грех желать любви, ее утех...»
Лишь мудрый знает, что любовь есть не порок, не воровство.

Поймет ли того многобожец, кто верит в единого бога?
Ведь люди без силы прозренья в суть Тайны проникнуть—не могут!

Слепец, не увидевший друга, лик истины тоже не видит.
Божественных букв начертанья усвоивших—в жизни немного.

«Расколотый месяц» постигнув—путь прямо проложишь к Аллаху:
До рая мудрец доберется кратчайшею, верной дорогой!

Чему мы, по милости бога, за краткую жизнь научились.
Постигнуть суфий лишь сумеет, живущий по совести, строго!

Лишь звенья в цепи наших бедствий твои благовонные кудри—
Смысл бед наших может постигнуть, кто скован их цепью жестокой.

Познавшие гурий небесных, постигшие сущность Ковсара
Поймут Насими, что вкушает из Вечности чистых истоков.

Красота любимой нашей нас и мучит и тревожит.
Похитительница сердца—не терзать нас разве может?

В красоты святейшем царстве, где любимая владычит,
Разве всех в нее влюбленных взгляд ее не уничтожит?

Если ветер мне приносит аромат кудрей любимых,
Как же мне не славить ветер, если он мне вестник божий?

Сердце бедное измучив, жаждет верности царица.
Кто к ногам ее, смиренный, тут же сердце не положит?

Очи тюркские любимой кровь мою пролили даром.
Что ошибки черноокой? Душу совесть ей не гложет?

Кто в подобные арканам брови черные влюблялся,
Не открыл ли бедам душу, обреченный смертной дрожи?

Разве может не отречься от ковра, молитв и четок
Тот, кого глаза любимой позовут и обнаделят?

Каждый, чьи прозрели очи от очей ее сиянья,
На огне спаливши крылья—список жертв ее умножит!

Цель души моей—царицы не терять расположения...
И она великодушно в дверь свою войти поможет!

Все красавицы терзают благородных и достойных.
Насими, страдая, знает: век его не даром прожит!

С молитвою тайною к богу умей в кабаках обращаться!
Где бог посетил Моисея—веселью умей предаваться!

Раз в шахматы родинки могут играть с дорогими чертами—
Ладьею прелестного лика мат сделать не грех постараться!

О, гордый аскет, не гордиться тебе благочестьем суровым,
Коль сам ты недугам подвержен, не в силах от них избавляться!

Отшельник, напрасно кичишься своим одиночеством скорбным!
Такими ль берут чудесами, чтоб выслужить звание старца?

Сумеешь взнуздать ты гнедого коня, по прозванью «Познание»—
Ты, звездам подобно, сумеешь по звездным просторам промчаться!

О, сколько болтать о смиренье, и славить молитвенный коврик,
И головы ближних морочить, зовя чепухой заниматься?

И разве в кабацком разгуле не будет смиренье излишне?
Фальшивой монетой не будет ханжи покаянье считаться?

Ее красота так безбрежна, так сердце она потрясает,
Что даже в воображенье ей трудно бывает вмещаться!

Но если высокую правду сумеют познать твои очи,
Частицы Вселенной познаешь в сиянье любви, может статься!

Сиянье Васана и Лата померкнут пред ликом любимой,
И люди не идолам этим, а будут ему поклоняться!

Что форма равна содержанию, теперь Насими утверждает.
И разница свойства и сути не может при том не стираться!

Вновь явилось ты, Солнце Души, светлый лик покрывалом скрывая.
Дышат амброю кудри-лучи, благовошьем тебя овевая.

О, как сладко дыхание твое! Рынок сахарный ты разоряешь!
Наполняет нам хмелем вино томных глаз твоих влага хмельная!

Дней моих превращается лик в ночь цветенья твоих гиацинтов,
И моя цепенеет судьба, взор в капризный твой взор погружая!

Чтоб ваятелей на смерть сразить, тех, что идолов славят прекрасных,
Образ твой нам заполнил весь мир, от соблазнов других заслоняя.

О Юсуфу подобный Муса, на шатер, нам назначенный свыше,
Поползли твои кудри из тьмы, нас арканом своим накрывая.

Пожирающий пламень лица, блеск слепительный мускусных прядей
Крутят нить моей бедной души, беспощадно спиралью свивая.

О, Светило влюбленных! За то, что мне солнце твой лик в этом мире,
Я в развалины брошен и нищ, всем богатством любви обладая!

Не погаснет любовный огонь, что зажженный тобою пылает!
Но кебабом на нем запеклось мое сердце, тебя ожидая!

Не зови же ты, праведник, нас к воздержанью от муки и счастья!
Мы давно от ханжей отреклись, и смешна нам их скудость святая!

Белизна твоих свежих ланит, мгла коварная локонов черных
Днем и ночью терзают меня, страшной пыткой мне душу пытая.

Нас неверные кудри твои—всех, и жен, и мужей, полонили!
Старики и юнцы пред тобой опускаются наземь, стеная.

Небеса смущены пред тобой, и к дверям твоим сыплются звезды.
Перед блеском жемчужных зубов жемчуга океан исторгает.

С той поры, когда стал Насими с ароматом кудрей неразлучен,
Мускус льют на огонь твой быки, плачут розы, тебя орошая!

Взгляд хмельных твоих глаз пролил, ненаглядная, кровь вина.
От кудрей упадают ниц наши головы, как одна.

Блеск жемчужных твоих зубов ювелиру слепит глаза.
Опозорила жемчуга их жемчужная белизна.

О цветник твоей красоты, пьяный мускус и запах амбр!
Из жасмина и алых роз красота твоя создана.

Видя розы твоих ланит, ветер утренний в честь твою
Разрывает роз лепестки, их бросая по сторонам.

Словно солнце горит твой лик, отражаясь в наших глазах,
Жемчуга и рубины слез извлекает из глаз со дна.

Твоих взоров стрелы летят, чтоб вонзаться в наши сердца.
Потому-то и дух наш слаб, потому и душа мутна.

Сладость чувствуя винных уст, нахожусь я словно в раю.
Виночерпий в райском саду чашу полнит мне доплна.

На устах твоих тайный знак: «Кто пригубит чашу сию,
Воскресения суть поймет, будет смерть ему не страшна!»

Как в Хосроя ясном глазу отражается в чаше лик:
Отневая сущность души в душах кубков отражена.

Воскресает дух Насими от дыхания твоего.
Суть явлений, душа вещей в чаше винной ему видна.

Хотанский мускус твой когда цветник наполнил ароматом,
Сгорела роза и жасмин был опозорен перед садом.

О, не коснись же глаз дурной тебя, моей золотоустой!
Аденский жемчуг—он смущен и тускл, когда с тобою рядом.

Тюльпаноликая! Расцвет и нежной розы ты смутила:
Развеял ветер лепестки по лугу под слепящим взглядом.

Спрячь от соперников моих окрашенные хною пальцы!
Пусть не узнают, что лила ты кровь из сердца без пощады...

Ты яхонтовых уст вином низвергла в прах напиток чистый
Святого духа, чтоб твой хмель нас отравлял смертельным ядом.

Рубины уст нам жемчуга своей улыбкой открывают,
И раковинам глаз моих свой жемчуг прятать уж не надо!

Спираль мускусных кудрей—как гиаинты, о мой идол!
Они обвились вокруг лица, очам несущие улады.

Стал чище духом Насими, чем Духа Божьего напиток!
Быть может, горести свои в вине топить ему отрада?

Луна моя, за что же снова меня ты стала притеснять?
Что ты нашла во мне плохого, что отвернула взор опять?

О локоны моей любимой, вы, крылья Феникса взметнув,
Лик солнечный ее закрыли, не дали дивному сиять!

Ты—та свеча, что в нас пылает, воспаляя нам сердца,
Но им, в огне твоём сгорая, тебя дано воспалять.

Гуляка, приобщенный к чаше, коль правду ищешь ты, тогда
Ту тайну, что в вине сокрыта, ханжам не должен открывать!

Сказав себе «Я бог», ты можешь путь верный к истине найти,
Лоб разбивать себе в мечети—не способ истину познать.

Влюбленный бедный! Ты, сумевший поймать возлюбленной полу,
Вселенную полою этой теперь ты сможешь укрывать.

Ее лицо—твой храм священный, куда ты вечно устремлен.
Не потому ли сон твой—странник, и осужден весь век плутать?

О ты, вино, конечно, дышишь святым дыханием Исы,
Раз амбры аромат сумело у черных локонов занять!

О, ветер, сдувши покрывало с ее прекрасного лица,
Ты оскорбил ланиты розы и ей мешаешь расцветать!

Привыкши отражать страданья, с изнанки лик зеркальный желт,
И лик мой тускл не оттого ли, изнанке зеркала подстать?

О Насими, ты тучей вешней закрыл собой лицо земли,
Ты из очей роняешь жемчуг дождей, чтоб землю орошать!

Что кружусь я, как мотылек, над тобой—не открой врагам!
Хорошо бы молчать огню, что смертелен он мотылькам!

Виночерпий из уст своих напоил меня допьяна,
Только б трезвенник не узнал, как я падал к твоим ногам!

Не поведаю никому тайну вечной любви к тебе,
Хорошо бы про тайну ту не прослышать вражьи ушам!

Сунуть шею в петлю легко, но, однако, нельзя при том
Тайну виселицы открыть, что известна лишь знатокам!

Мой соперник счастья лишен лицеизреть твою красоту,
Чистота дыханья Исы недоступна грязным устам!

О захид, продолжай болтать в келье ханжеской прежний вздор!
И зачем влюбленному знать чепуху, что ты мелешь там?

К лику нежной розы любовь вечно чувствует соловей,
Хорошо бы про ту любовь не проведать ее шипам!

Средь святых развалин любви, недоступных праздным ханжам,
Обнаружил я тайный клад, и я змею его не дам!

Чудесами стихи полны у влюбленного Насими—
Приобщить шарлатанов он не желает к своим чудесам!

Нет прекрасней твоих кудрей, всех других красота—обман.
Розы блекнут перед тобой, и расстроен тобой тюльпан.

С сотворения мира глаз красоты подобной не зрел.
Как завидует кипарис, если рядом твой стройный стам!

Хоть луне поставлен престол навсегда на небесный свод,
Все же первенства явный знак красоте твоей светлой дан.

Очи мира и в сладком сне не видали такой красы,
Чтобы каждый, ее узрев, был тревогою обуян!

Нрав земли и душа воды всею сутью своей твои,
Красота—твоя суть, а Дух—животворный целитель ран.

Я, приветствую ветерок, отворяющий дверь мою,
От любимой он прилетел, ароматен, и свеж, и прян!

Красота волшебной луны дарит нам блаженства восторг,
Но куда прекрасней твой лик, вечной прелестью осиян!

Как отшельнику свой обет не нарушить в жизни земной,
Если мир весь от уст и глаз опьяняющих—вечно пьян!

Благодатью Фазла всегда у влюбленного Насими
Источают жемчуг глаза, хоть и пуст у него карман!

Мучений тьму ты каждый миг приносишь сердцу моему!
Таких жестоких не найти—блуждай хоть по свету всему!

О ты, палач, чье ремесло терзать влюбленные сердца!
Я сжат в тисках твоих обид и век я их не разожму!

Ты, проливая кровь мою, не спросишь—как же я терплю?
Такой возлюбленной второй найти ли богу самому?

Бутоном уст до коих пор ты будешь сердцу обещать,
Что роза встречи расцветет, вонзив шипы в ступни ему?

О, сребротелый идол, пусть навеки тот лишится чувств,
Кто локонов зуннар отверг, ища покой в своем дому!

О ты, сокрытая от глаз моих, тебе открою я:
Бояться розе соловья, укрывшись в листьях,—ни к чему!

О, в каждом сердце ты огонь зажгла, сжигающий до тла!
За мигом миг—им несть числа—на сердце ставит по клейму!

Покорно муки я сисшу, а в пытках ты искушена:
В искусстве утешать меня—кто превзойдет тебя саму?

Ты хочешь на того взглянуть, кто исстрадался больше всех.
О, если так, то на меня глядеть не хочешь почему?

Моя жестокая луна, доколе из любви к тебе
Мне от соперников моих терпеть, влачить бесчестия суму?

То сердце ты тоскою жжешь, то кровь мою ты наземь льешь,
То вешать вновь и вновь ведешь—что ж, значит так и быть сему?

Моей ты кровью облилась наверно больше сотни раз.
Такой жестокости твоей, хоть век живи я—не пойму...

Нет горемычнее меня, всю жизнь отдавшего тебе.
Хоть сам я, по свету бродя, встречал в тебя влюбленных тьму!

Родясь в груди у Насими, любовь к тебе бурлит всегда.
Где ж друг его? Пусть друг поймет, что не открыто никому.

О господи, мой кипарис! Сегодня с кем ты в час ночной?
Скажи, с кем дружишь нынче ты—так, как вчера еще со мной?

Мгновенно ты исчезла с глаз, мое терпенье унесла.
Скажи, сердечный друг, сейчас—чей нарушаешь ты покой?

Кто счастья моего полу вдруг вырвал у судьбы из рук?
Теперь чье счастье, милый друг, тебе доверено судьбой?

О, чаши глаз моих полны—без уст рубиновых—тоски!
О ты, души моей вино, кто от тебя сейчас хмельной?

Из-под бровей твой мчится взор из лука пущенной стрелой.
Теперь скажи, чья жертва ты, чьей дичью стать тебе самой?

Кровавыми слезами я лицо свое омыл, гляди,
Ты смутой залила весь мир—кому ты кажешься святой?

На чьи ланиты клонишь ты, о роза, сочные листы?
Я сам колючка страсти той, что в грудь вошла мне, ангел мой!

О ты, чей меч всегда в крови тобой отверженной любви!
Чье сердце ныне лечишь ты, кто верит в трав твоих настой?

Из глаз роняю жемчуга, жестокая, к твоим ногам.
Но чей же жемчуг ты сама и чьей оплачена казной?

Я вижу—кем-то пленена кудрей расстроенных волна.
Но может Насими, поверь, равняться с пленной той волной!

Когда ты выпрямляешь стан—как будто в мире ураган.
Кому еще природой дан такой изящный, гибкий стан?

Подобно ангелу, главой склоняюсь я перед тобой,
Но див проклятый надо мной смеется, злобой обуян.

Кто душу с сердцем не готов с двумя мирами бросить ей—
Тому от муки и на миг не будет даже отдых дан.

Тебе я душу посвящу—мир, сердце, веру—все отдам,
Не дрогну на махшаре я, на страшный Суд к ответу зван.

Помчалось сердце взору вслед и тянется кровавый след
Из глаз и сердца моего, как из открытых, смертных ран.

Я стан ее превозношу, в молитвах лишь о ней твержу,
Где есть второй такой, спрошу, о ты, что видишь в нем изъян?

Стань странником дорог любви, любовь наперсницей зови,
Сокровища твои лишь там, а остальное все—обман.

О, ветер, милой расскажи, коль хочет знать о Насими:
«Он счастлив в обществе тоски, ее блаженством осиян!»

Ты перл творенья, человек, Адам, начало всех начал!
Ты единенья торжество, ты тайну всех имен познал!

Ты Фазл, ты речи господин, все буквы на лице твоём,
Ты, как дыхание Исы, в могиле спящих оживлял.

Ты чаша Джама и Джамшид, тебе принадлежит весь мир.
Очами мудрости взгляни—увидишь, кем ты был, кем стал.

Коль назову тебя душой—меня не упрекнут во лжи.
Ты—мира нашего душа, и это верно я сказал!

Когда последуешь за мной к тому, кто славен знаньем книг,
Ты станешь перстнем золотым, что Сулеймана украшал.

Халилом станешь и Мусой, и сыном будешь ты Марьям,
Коль ты не будешь как Намруд, иль как Фирон или Даджал!

Коль близок будешь красоте—черты Аллаха ты узришь,
Ведь их лицо мир отразил вернее всех других зеркал.

Отвергни цепи бытия, о грешном думать позабуди,
К блаженству верный путь найди—неважно, ты велик иль мал!

Велик познанья океан—испей хоть каплю из него!
Иначе бога не узришь, и не найдешь ты, что искал!

В пустыне изумленья все величьем бога смущены,
Во власяницах пали ниц те, что к себе Ахмед призвал!

О Насими, гордись судьбой, раз дух Исы в тебе живет,
Раз Израфиловой трубой ты миру правду возглашал!

Влюбленных много у тебя, я среди них не одинок,
Но я высокого чела один ценитель и знаток.

Быть может, в мире есть такой, кто пред тобою не падет.
Но я пою, как муэдзин, что стан твой царственный высок!

Всечасно страсть питаю я к твоим агатовым кудрям.
Хвалу одной тебе воздам, и ты одна мой высший рок.

Ты мне единому внимай, ведь страсти я иной лишен!
Я продал свой загробный рай, и в гуриях—какой мне прок?

Ты отовсюду нам видна, для нас для всех ты высший суд.
Чтоб запылала страсть к тебе—любой достаточен предлог.

Что циркулем кружишься ты, о нас губящий небосвод?
Ты лишь жемчужина одна, что вдаль несет его поток.

В чертах божественных лица как на скрижалях алфавит.
Учи все буквы, чтобы постичь хотя б одну ты тайну смог.

О, суть возлюбленной моей! Не знаю я подобной ей.
Вся сущность сущего—все в ней, и вся она единый бог!

Терплю я муки от двоих: от глаз и от кудрей твоих!
Как одолею их один? От этих мук я изнемог!

Навеки преданы тебе мы, благодарные судьбе,
И до скончания веков лишь у твоих лежал бы ног!

Арифь знают, Насими: в единстве скрыта жизни суть,
И вся их жизнь зато навек—свиданья с вечностью—залог!

Кто встретил тебя—победитель, увенчанный славой нетленной!
И утро, и вечер встречи с тобою—благословенны.

Луне и Солнцу на зависть хоть ночь проводи со мною!
Лишь вспомню о локонах черных—ночь днем обратится мгновенно.

Без пользы, мой разум, толкуешь ты мне о молитвах и буднях.
Я ночью и днем дорогую приветствую чашею пенной!

Проходит разлука ночная, день встречи с любимой приходит.
Что завтрашним днем обольщаться! «Сегодня» с тобой—несомненно.

Аскет мне твердит постоянно: беги от вина и красавиц!
Но это шайтана советы, мы чужды морали растленной!

Приди же к мудрейшим гулякам, густое вино осушившим,
Коль хочешь ты пламенем сердца жечь души им ночью и денно!

Вину уподобится кравчий, и души друг с другом сольются,
Когда лишь одна она станет мечтою твоей сокровенной!

Отшельник, не стоит гордиться умением вечно поститься.
Сам бог мне помог разговеться вином ее уст драгоценных.

Суфий, что ты мне ежечасно твердишь:—Берегись мухтасиба!—
Молчи! Лев не будет пугаться уловов лисицы презренной!

Из праха с порога любимой не пробуй подняться, владыка!
И, как Насими, овладеешь ты властью над всею вселенной!

Приди, о ты, чья красота так совершенна, так чиста!
Приди в жилище божества—твое по праву место там!

Для тех, кто поселен в раю, с тобою встреча—высший рай,
Влюбленным ведь всегда в раю отводят лучшие места!

Небесный мир и мир земной таят желание одно;
Возлюбленная, быть с тобой: ты двух миров одна мечта!

Во всем сокрыта суть твоя, во всех предметах бытия.
Меджнун господень видел лик в лице Лейли, в ее чертах.

К пределам Чина о тебе одна лишь только мысль дойдет—
И для неверных в храм Мани дверь будет вечно заперта.

Земной владыка, не кичись земным богатством никогда!
Вся гордость эта ни к чему, земные блага—суета.

Про прелести любимой знать уместно ль равнодушным к ней?
Ведь равнодушен Сатана к дыханью чистому Христа!

Аскет, он чужд ее кудрям, как фокуснику чужд Муса,
Ему змея—одна змея, и тайна локонов проста.

Аскету про свою любовь к прекрасной пери не болтай!
Тот знать не хочет о луне, кого постигла слепота!

Нет, не прозреет буквоед от света правды дивных черт—
Ведь изумрудом глаз эфи скрыт лик любимой неспроста.

Я раб царя, у чьих ворот последний нищий полон дум,
Что и Кесры украсят трон, чтоб воссияла Красота.

Подобье бога самого! Покров скинь с лика своего,
Чтоб на скрижалях черт прочесть аят—великий твой устав!

Ты бог и Кыбла Насми, пусть осуждаем он людьми
Как верноподанный Уззы—но ждут тебя его уста!

Коль разумом владеешь ты—красавиц берегись любить!
Сердечной связи с ними нить надежною не может быть!

Иди и жертвуй головой, отдай весь мир сердечный твой
За кудри черные ее, свою любовь не думай скрыть!

Я клялся сердце уберечь от глаз и локонов до плеч,
Но сеть, чтоб жертву подстеречь, красавицы умеют вить!

В ее расстроенных кудрях искал я сердце, а она
Сказала, что в силах своих не станет всех бродяг томить!

Влюбившись в лик ее, легко ты золотом сумеешь стать.
Сменяй же душу на любовь, чтоб встречи золото добыть!

Влюбленных могут излечить не снадобья и не врачи,
Лишь гнет возлюбленных один и дух сумеет укрепить.

Любою пыткой нас пытай и мукой убивай любой—
Мы мук не чувствуем, ты знай, и пыткой нас не удивить!

Когда бы ты меня сожгла—я не бежал бы от огня.
Как бы ни стала притеснять—я все б сумел переносить!

Блаженно, как ее глаза, то сердце, что от страсти к ней
Скорбит и плачет целый день, не в силах слезы осушить.

О, сотню мне б иметь сердец, чтоб завитком одним владеть!
Когда же ты раскинешь сеть кудрей, чтоб душу мне сгубить?

О сердце, алчной страсти лев, питайся печенью моей!
Ведь лев съест печень, заболев, чтоб, хворь отбросивши, ожить!

Советчик, не напрасно ль ты даешь влюбленному совет?
Ему советуй или нет, все ж яд любви он будет пить!

Когда умоешь руки ты от всех земных и грешных дел,
Вступай на поприще любви, и ты сумеешь победить!

Жизнь отдаешь ты, Насими, душистым локонам ее.
Когда ты подлинно влюблен, ты храбро дай себя убить!

Ежесекундно нам Фазлахакк дает испить вина.
Лишь захмелевшим от него—нам вечность суждена.

О тайне божества во мне, о таинстве огня—
Невежд не спрашивай: их суть Фирону не ясна!

Вращенье суток вокруг меня—вращенье вокруг тебя.
Кому такая благодать, как мне, еще дана?

Лик вечной божьей красоты открыт один для всех.
Сиянье божества его—идет сквозь времена.

Тот, кто любовью опьянен к нему, тот вечно с ним.
Пусть горечь в чаше той на дне, а нужно пить до дна!

До бога от тебя идти—мгновение одно,
Коль ты не будешь рыскать сам по разным сторонам.

О, мускус локонов твоих—мне сердце усмирит,
Мне только в локонах тугих покой и тишина!

Опора Фазла Насими, и только потому
Ему открыта благодать и суть вещей видна.

Тот сад я райским назову, где роза расцвела твоя.
Красу твою перевозносить—вот смысл земного бытия!

Рубиновых я жажду уст—не жажду я воды живой.
Что говорить нам о Ширин? Ее сравню ль с тобою я?

Твой дивный образ, как печать,—им запечатаны глаза.
И в каждом сердце ты всегда живешь, красавица моя!

Недуг, что ты несешь сердцам—всегда шербет, всегда бальзам.
Ты честь оказываешь нам, преподнося смертельный яд!

Тот, кто не тратил на тебя всю жизнь свою, тебя любя,—
Скупец, что нищим проживет, лохмотья в сундуке тая.

Приняв страдания любви, я превзошел пределы их,
И слышишь ты мои хвалы, не слыша жалоб и нытья.

Я только бедный мотылек, меня светильник твой привлек.
Твою обитель посетить—взлететь в надзвездные края.

Пусть государство есть одно—твой лик, но две шахини в нем—
Краса и Прелесть там вдвоем у власти об руку стоят!

Покорным сердцем Насими ты в мире властвуешь одна.
О, ты бессмертна! Без конца—над нами будешь ты сиять.

В предвечном мире бытия провидел я любимый лик,
И знаменьем краса твоя открылась мне на свитках книг!

Нельзя помыслить естество превыше лика твоего,—
Иное для меня мертво—лишенный сути бледный блик!

От мук разлуки и обид вовек мне не стенать навзрыд:
В «Насущном хлебе» был открыт мне единения тайник!

Всю суть благого тайника от волоска до волоска,
По знакам мушек и пушка я на челе твоём постиг!

Ее рубинов—уст вино, что ото всех утаено,
Мне было господом дано как животворнейший родник!

Из ликов, созданных судьбой, тобою посрамлен любой:
Лишь тот, что воплощен тобой, красой невиданной велик!

С тех пор, как вечны времена и высям неба жизнь дана,
Тебе подобная луна не восходила ни на миг!

Твой лик невежда-зубоскал с людским обличем равнял,
Но где единый бог бывал, подобно людям, многолик?

«Пей,—очи кравчего велят,—налитый в чашу хмель услад:
В чертоге единенья взят сей кубок—доля горемык!»

От века та краса была для нас величием света,
И вечный свет ее чела навеки в нашу суть проник.

О Насими, совет в делах тебе дарует Фазлуллах,
И бытия ничтожный прах тобой с земли развеян вмиг!

Пришла весна, весна идет в красе зеленого покрова,
Забудь незрелых дум разброд,—вино в кувшинах бродит снова!

«Внемли,—мир тайн ко мне воззвал,—здесь все твое: уста красавиц,
И хмелем брызжащий фиал, и сад, расцвеченный пунцово!»

Пусть суфий чистый хмель не пьет,—не обращай к нему укоров:
Ему дан высший дар щедрот—осадок, пенная основа!

Порог торгующих вином дыханием Исы овеян,—
Иди за данью в этот дом—под сень их благостного крова!

Радетель истинной красоты! Вкусы вина—стал дивной розой
Огонь Мусы, и соловей запел средь пиршества такого!

Что вечный век для головы, любви не ведавшей вовеки?
Такие головы мертвы, им в жизни нет и дня благого!

Не дремлют недруги твои, твой каждый грех подстерегают,—
О сердце, горе затаи, о тайне мук твоих—ни слова!

О, пей же, мудрый весельчак, под звуки чанга, уда, ная,—
«Прекрасна радость райских благ!»—взывает глас господня зова.

К чему, душа, пустой вопрос—как я страдал минувшей ночью,—
Да только ли вчера от слез терзался в муках я сурово?

Дай, кравчий, суфию вина,—у нас в чертоге исцеленья
Вином навек исцелена душа глупца и пустослова!

О Насими, пока ты пьешь, уста возлюбленной лобзая,
Ты перед ханжеством святош главу не сложишь bestолково!

Светилом счастья озарен над нами небосвод,
Венера благодных времен сияет нам с высот.

Зерцалом быть нам нарекла и отразилась в нас
Та суть, что, сущностью светла, всей яви смысл дает.

Великих празднеств близок миг,—ступай в чертог святынь:
«Велик Аллах! Аллах велик!»—взывает горний свод.

Что смолк, божественный певец? Раздайся, рокот струн!
Здесь кипарис, краса сердец, на благо нам цветет!

О пленники любовных мук, отверзся скрытый клад,—
Внемлите, страждущие, звук потока райских вод!

Навек от сердца отрешь все блага двух миров:
Нам повелитель стран души сокровища несет!

Ты птицу сердца не лови в тенета плотских пут,—
Нам птица счастья и любви—дар благодных щедрот!

Разящи звуки моих слов, как острый меч Али,
Который головы врагов безжалостно сечет.

Едва лишь мускус черных кос обвеял Хорасан,
Благоухание принес сменивший ночь восход!

Покинь пустыню горемык, вернись в чертог души,—
Твоей любимой лунный лик на мир сиянье льет.

Когда же ты с чела сорвешь жестокий свой покров?—
Ведь ты повергла сонм святош в смятенье и разброд!

Грудь Насими испещрена чертами тайных букв,—
Господней воли письмена он на бумаге вьет!

Из пустырей небытия был дух святой на свет явлен:
Неизреченное тая, в сиянье явных мет явлен!

Светило истины взошло в мельчайших блестках бытия,
И свет его осилил зло—был, солнцем обогрет, явлен!

Над вечностью подъяема стяг, «Я — истина!» — воззвал Мансур —
Земле и небу вечных благ нетленный был завет явлен!

Благого лика естество, ты—свиток истины самой:
Весь сущий мир из букв его—в покровы их одет—явлен!

О воссиявшее во мгле зеркало светлого чела,
Где, на каком еще челе, всей сущности ответ явлен?

Свет, бывший тайным, не угас: любовью ангелов храним,
Он праведникам был не раз в награду за обет явлен!

О чтуший идолов! Пойми величье господа, прозри:
Господней волей идол твой, как и любой предмет, явлен!

Отшельник, жаждущий постичь ниспосланного слова суть!
Внемлаи тебя зовущий клич: желанный миг бесед явлен!

О ты, кто ханжеству радел,—живущий ложью лицемер!
Каков итог свершенных дел, таков им и ответ явлен!

О шах, погрязший в злых делах на брэнном троне бытия!
Едва услышишь слово «шах»—глядишь, и мат вослед явлен!

Хвала творцу! Он не суров к мужам обета и любви:
Им без зарокв и постов всевышнего совет явлен!

Дар истины из двух миров просил смиренно Насими,—
И был услышан страстный зов: тот дар, что им воспет, явлен!

Мрак кос твоих—для горемык: он—горький рок несчастным,
Для избранных—твой лунный лик встает виденьем ясным!

Гуляка, пьющий хмель до дна, я не ишу похмелья:
Я и без терпкого вина в похмелье ежечасном!

В аркан кудрей ее попал я не по доброй воле:
Даны от века пути бед безвольным и злосчастливым!

Я обречен безмолвно пасть, тоскуя днем и ночью:
Мне не дает покоя страсть в моем томленье страстном!

О чуждый страсти! Не зови меня от мук отречься:
Не отступиться от любви плененному прекрасным!

Мне не любовь терзает плоть—соперников доука:
Не розам свойственно колоть, а их шипам опасным!

О сердце, стоны позабуди! Не тронут розу стоны,
И соловья насадный плач останется напрасным!

Ты, милосердие храня, мне негу посулила,—
О, сжался, не покинь меня в терзании ужасном!

Вершина виселицы всем мужам любви желанна:
Высокий жребий шлет судьба всем к истине причастным!

О милости благою весть на зло врагам даруй нам:
Не стыдно милость в дар принести друзьям, тебе подвластным!

От страсти Насими зачах: его развеет ветер,
Когда он превратится в прах в смирении безгласном!

Сравню с луною я твой лик—и тут же гибну от стыда,
Сравню тебя с людьми—и вмиг пред богом стыдно мне тогда!

Такой, как ты, и небеса не сыщут в ангелах своих:
Тебе одной дана краса, столь совершенна и горда!

О, не досадуй ты на ложь о черноте твоих кудрей:
Что в черной зависти найдешь, помимо злобы и вреда!

Тайник свиданья отопрет лишь оценивший суть твою:
Глубинный жемчуг сыщет тот, кому глубь моря не чужда!

«Где мое сердце?»—я вопрос к ней обратил, и был ответ:
«Его тенета моих кос заполонили навсегда!»

Рожден из праха, прахом вновь я стал, но ты не сыщешь в нем
Пылинки, где моя любовь не впечатлела бы следа!

Тебе без сердца суждено, душа, со мною вековать:
Из пут ее кудрей оно не возвратится никогда!

«Словам красавиц веры нет!»—мне говорят, а я скажу:
«Красивым чуждо чтить обет, в их сердце верность не тверда!»

Отшельник, дружбу ты найдешь в хмельном разгуле— у гуляк:
Чем лучше ханжество святош—их лицемерье и вражда?

Тебе, чей стан из серебра, да будет хною кровь моя:
Ведь если ты ко мне добра, то мне и гибель—не беда!

О, Насими—с тобой! Ему и оба мира не нужны:
Кто предан истине, тому какая в двух мирах нужна?

Кто от любви к тебе хмелен, тот пьян и без вина бывает:
Хмель истины вкушает он, а истина одна бывает!

Когда рука любимой в плен залучена—не знать ей воли:
Какой счастливец не блажен в такие времена бывает?

Кто образ кравчего узрит и хмель его красы постигнет,
Тому лик истины открыт, и чаша не нужна бывает!

А осененный свысока небесной статью кипариса
Познает, сколь неглубока небес голубизна бывает!

Едва ты очи разомкнешь, и тайна хмеля станет явью—
Базарная толпа святош навек поражена бывает!

Все сущее любовь дает, она всей истины основа:
Не существует в мире тот, кому чужда она бывает!

Красавиц кудри—что крючки в морях любви неизмеримых,
Крючками теми в глуби вод душа уловлена бывает!

Познал усладу всех времен—блаженство хмеля тот счастливец.
Кто хмелем истины вспоен и с кем она дружна бывает!

И кто, вослед за Насими, от блага двух миров отрекся,
Тот люб избраннице,—пойми,—ему любовь дана бывает!

О, кто бы от любимой нам благою весть скорей принес?
Прильнул бы вихрь к ее кудрям и аромат кудрей принес!

Нужны ль земной и горний мир страдальцу истинной любви,
Которому его кумир весь дар любви своей принес?

Услышал бы Мансур, смущен, наш гордый возглас «Я есмь бог!»—
Воздвиг бы виселицу он и в жертву нас на ней принес!

Когда дыхание кудрей ее унес зефир в Китай,
Он ланям черную печаль, что мускуса черней, принес!

Умерив рвение свое, в смущении зatih бы вихрь,
Когда бы запах кос ее тот ветер из полей принес!

И лекаря сразит недуг, врачующего хворь мою,
Едва увидит, сколько мук набег ее очей принес!

Краса чела и кос твоих открылась чудной явью всем,—
Где тот аскет, что зол и лих, дань порицанья ей принес?

За миг свиданья жизнь сложив, живой на смертный торг идет,
И даже тот, кто полужив, продать остаток дней принес!

Равны ценой и свет и мрак для мудреца, что увидал
Чело и кудри дорогой и дань красе твоей принес.

Очам, устам твоим хвала! Не зря хмельной гуляка к ним
Вином налитых до краев аскетов всех мастей принес!

Найдется ли в цветущей долине ей равный кипарис,
Скажи—из них хотя б один плоды своих ветвей принес?

Поймет всю сущность бытия, в ком вера, Насими, твоя.
Ее всем людям Фазлуллах, чье сердце всех святых, принес.

Челом предвечного сиянья быть лику твоему дано,
Твоим кудрям—Исы дыхание, пронзающее тьму, дано!

Наш ум с терпеньем ежечасным ты учишь письмена любви:
Ему навеки быть причастным к предвечному письму дано!

Когда, во прахе умирая и мучась, сердце ждет тебя,
Блаженствовать в чертогах рая, счастливым быть ему дано!

Нет разуменья у разумных, не ведавших любви к Лейли,—
Понять Меджуна-сумасброда безумцу одному дано!

Глаза аскетов—в помраченье, твоя краса им не видна:
Среди слепцов, лишенных зренья, свет солнца зреть кому дано?

Тому бедняге, что без крова тоскует у твоих дверей,
На царство мощного Хосрова сменить свою суму дано!

Мир никогда не видел лика, такого дивного, как твой.
Кому узреть ему подобный в высоком терему дано?

По дивному челу тоскуя, я все соблазны позабыл:
Мне увидеть красу такую, чью суть лишь я пойму, дано!

Святоше тайный смысл неведом, он мира сути не постиг:
Питать себя нелепым бредом засохшему уму дано!

Моя душа—во власти света, мне внятна истина «Я—бог»,—
Чье сердце пламенем согрето, знать истину тому дано!

О Насими, как сердце сирот у тех не ведавших любви,
Кому служить соблазнам мира и благу своему дано!

Я за свиданье жизнь отдам—другого не дано!
Но и ценою жизни нам такого не дано!

Силок ее кудрей жесток, о сердце,—не спастись,—
Тому, кто жизнь не уберег, жить снова не дано!

О сердце, ищешь ты пути под кров ее кудрей,—
Без света лика—не дойти до крова: не дано!

Челу высокой красоты завидует луна,
Но ей сиянья твоего благого не дано!

Ее уста поют аят: «Понд их влагой бог!»
Но тем, кто бога не видал, то слово не дано!

Свет, чуждый взору всех невежд, мне истиной открыт:
Знак веры для меня—твой лик,—иного не дано!

Лишь с морем мук любви един, ты жемчуг обретишь,—
Добытчикам иных глубин улова не дано!

Пусть губит душу мне она, но только для меня
Иного идола души святого не дано!

Как, Насими, к тебе не льнуть: свет истины—твой лик,—
Отступнику познать, в чем суть-основа, не дано!

Сердцу, если страсть гнетет, мука боли подобает:
Жить печальнику невзгод в дальнем доле подобает.

Нелегко пройти весь путь—путь любви, дорогу страсти:
Чтобы трудности минут, твердость воли подобает.

Не держите в сердце зла, прах с одежды отряхните:
Чистым быть, светлей стекла мужу боле подобает!

Страсти истинной печать—бледный лик и пламень сердца:
Жар под холодом скрывать в сей юдоли подобает.

Не старайся, словно скот, тешить тело сном да пищей:
Людям ум, а не живот нежить в холе подобает!

Соловей, не надо слез, не страшись шипов на розах:
Смелость, как бы иглы роз ни кололи, подобает!

Лютоту стужей осень зла, все цветы в полях увяли.
Холодам ради тепла веять в поле подобает.

Не хвались, мол, я готов за любовь расстаться с жизнью:
Мужу, храброму без слов, хвастовство ли подобает?

Сердце к жертве приготовь—за любовь отдай два мира:
Мужу чести за любовь дать две доли подобает!

Насими, спастись от мук помоги настоем зелей:
Принимать их, чтоб недуг побороли, подобает!

Когда моя луна взойдет на небосклоне красоты,
Весь озаренный небосвод и лик луны увидишь ты.

Едва увидит райский сад твой величаво-стройный стан,
Кедр, райский лотос, кипарис, сгорят, поверь, от маеты!

Когда, красой своей горда, с чела отнимешь ты покров,
Покинут розы от стыда, от горечи и слепоты!

Твой лик, сверкая белизной, затмил и пристыдил луну:
Она ущербною луной возшла в оправе темноты.

Гадал я, в чем судьба моя, по свитку лика твоего,—
И в каждой суре видел я Юсуфа дивные черты!

Ты станом в сердце мне вросла, о мой желанный кипарис,—
Меня пронзила ты, стрела—все силы сердца отняты!

Когда бы ты в своей красе предстала ангелам, они
Воскликнули бы разом все: «Вот лик нетленной чистоты!»

Витки курчавого пушка блестят у влаги твоих уст,—
Так у прохлады родника кустятся вешние листья!

Твоих бровей крутой излом—как полумесяц в небесах,
Твоим сияющим челом все выси неба залиты!

Когда б отшельники прочли хоть строчку этого стиха,
Их стон восторженный с земли достиг бы горней высоты!

Реальность уст твоих один лишь Насими сумел познать,—
Ведь их небытие других доводит всех до немоты!

Провидцы истины твой лик красой томящей называют,
А кудри—узами вериг, коварной чащей называют.

Все пленники любовных грез скрижалей вечных письменам
Извивы твоих черных кос и лик манящий называют!

Влюбленным суть твоих очей открыл о вороне аят:
Они черту твоих бровей в веках парящей называют!

Злословцы зубы дорогой, что сходны лишь с живой водой,
Лишь только нитью жемчугов их ряд блестящий называют!

Кто видел улицу твою, они, любовью одержимы,
Ее—красою райских куш животворящей называют!

Хмельные от вина любви, тобой плененные страдальцы,
Аскетом, севшим в уголке, твой взор пьянящий называют!

Плененные твоей красой в ней видят след китайской кисти:
Они напрасно образ твой красой мертвящей называют!

Ты—бедствие для горемык: ты жизнь и веру похищаешь,
И люди мукою твой лик, бедой грозящий, называют!

Все, кто душой к тебе влеком, к рубинам уст твоих стремятся:
Их верно райским родником—водой живящей называют!

Как Насими, по свиткам книг познавшие твой образ вечный,
Скрижалю истины твой лик, глаза слепящий, называют!

Какая тайна бытия в открытой яви сущей стала,
Что, в одержимых жар лия, она как светоч жгущий стала?
Какою сенью осиян пир пьющих влагу единенья,
Что в каплю влился океан, а капля—волны льющей стала?
Мы вездесущи потому, что таинство господня слова
Отверзлось нашему уму—как голос, нас зовущий, стало!
Очами ворожила ты, такую смуту возбудила,
Что сила чар и красоты сердца к тебе влекущей стала!
В каком зеркале отразься, ты так свои черты явила,
Что наша речь, паря, взвилась и птицей среди кушей стала?
И сердце твердость обрело в благом дыхании любимой
Ваджала ослабело зло и—словно тлен гниющий стало!
Свей из кудрей себе покров для солнца блещущего лика,
Ведь тайна двух миров теперь для всех людей живущей стала!
Тобой да будет обретен смысл сущего из уст Адама,
Восславим господя имен: хвала ему присущей стала!
О, не сули мне тайных чар нездешнего, иного мира:
Краса любимых уст—как дар, все блага мне несущий, стала!
Отшельник, сдержан будь и нем, не надо слов о сокровенном:
Скрытое открылось всем и явью вездесущей стало!
Пусть Насими себя обрек от блага двух миров отречься:
Твое сиянье—как исток, все сущее дающий, стало!

Посрамлено тобою солнце—сияньем твоего чела,—
Ты даже очи сном смежила, чтоб смертных смута не гнела!
Все лани—в иступленье яром от мускуса твоих кудрей,
А роза распалась жаром и вмиг обуглилась дотла!
Перед твоим чудесным станом поник смущенный кипарис,
И, смущена лицом румяным, луна за облако зашла!
Ты радость пира мне сулила и хмель своих рубинов-уст,
Но кровью слез рыдать уныло мне суждено в тиши угла!
Когда глупец сказал, что солнце—зерцало красоты твоей,
Досада лик твой распалила и жаром кудри завлила!
Твой облик—высшая примета всей несравненной красоты:
В Коране всех красавиц света ты, как заглавный лист, светла!
Едва лишь вняли мы напевам о тайне совершенств твоих,
Нас зависть опалила гневом и сердце ревностью сожгла!
Кому блаженство быть с тобою дарует благосклонный рок,
Тому дарованы судьбою звезда удачи и хвала!
Блаженству вечным властелином навеки да пребудет тот,
Кого хоть волоском единым ты ненароком обвила!
Всем любо обрести в усладу тайник свидания с тобой,
Но он дается тем в награду, кому и горечь жертв мила!
Молил проситель безустанный о единении с тобой,
И весть о милости желанной ему от Насими была!

Что там за диво красоты? Как кипарис, вознесся стан—
Твоим сияньем с высоты весь сонм влюбленных осиян!

Страдает сердце от невзгод: где врач-целитель, что ж нейдет?
А он вовек не снизойдет к страданиям наболевших ран!

Тону я в море слез и мук, и жажда мучит, как недуг,
Увы, я гибну, а вокруг—бурлит слезами океан!

Как мучит горе-лиходея сердца влюбленных,—пожалей:
Их, словно этот мир скорбей, гнетут печали и обман!

О, мучить будешь ты доколь? Сердца влюбленных не неволь:
Да будет всем терпящим боль тобою дар прощенья дан!

Я обернул себя в лоскут, чтоб голь мою не видел люд,
А стрелы стонов ветошь рвут, и снова я и гол и рван!

О, как тяжка любовь моя,—я—у черты небытия,—
О, навести, погибну я, безмерной мукой обуян!

В бескрайнем море—море бед—проложен кровью сердца след:
Кровавым водам края нет, и весь морской простор багрян!

А Фазлу горечь всех обид лишь Насими и возвестит:
Он, словно ветер, прилетит, что веет утром средь полян!

Лучась челом, правдиво говорит:
«Мой лик—луна и диво!»—говорит.

«О если кипарис пленен не мной,
Что же к розам льнет он льстиво?»—говорит.

Кичлив красой извив ее кудрей,
Но правду вязь извива говорит!

Трепещет сердце: кто стучится в дверь?
А горе «Друг твой»—лживо говорит.

«Где стан твой тонкий?»—я ее спросил,—
«Не знаю, где!»—игриво говорит.

Любой, кого про лик ее спрошу,
«В нем око мира живо!»—говорит.

Мудрец, проникший в суть ее красоты,
«Она—сам бог!»—учтиво говорит.

Я косы ее с мускусом сравнил—
«Ах, ложь всегда болтлива!»—говорит.

«О, утоли,—молил я,—пыл души!»—
«Как можно?!»—горделиво говорит.

«Нет смуты, равной смуте моих глаз»,—
Кумир мой справедливо говорит.

«За миг со мной всего два мира дать—
Не велика ль нажива?»—говорит.

Она игрой бровей, очей и кос
«Свиданье—миг порыва!»—говорит.

О Насими! Она дыханьем уст
«Ты захмелел на диво!»—говорит.

Где те друзья, что верно держат слово?
Где сердце, что правдивым быть готово?

Где в этом мире сердце без изъяна,
Где есть динар без блеска показного?

Где тот, кто доказать сумеет людям,
Что нет к неправде в его сердце зова?

Где тот поборник чести, чтущий правду,
Чьей речи молвить истину не ново?

Как отыскать такую из жемчужниц,
Где был бы жемчуг редкого улова?

Где тот, кто служит истине любовно,
Где тот, кто справедливость чтит сурово?

Кто не хмелен от зелья зла и кривды,
Чья голова среди хмельных здорова?

И где блюститель слова и обета,
Достойный похвалы от славослова?

Да где же в мире, о творец, муж чести,
В ком тайн-сокровищ спрятана основа?

Кто праведным—наперсник в сокровенном?
Кто горемыкам в бедах—вместо крова?

Где тот Мансур, кто, верой предан правде,
Готов на смерть от жребия лихого?

И если Насими стал другом другу,
Что за печаль ему от остального!

Пусть нам из пут твоих кудрей спасенья никогда не будет,
И пусть нам доли тех людей, которым боль чужда, не будет!

Кто вечной жизни торжество в любви к тебе не распознает,
Настигнет злая смерть его—ему спасенья да не будет!

Кто сердцем лику твоему не поклонился как святыне,
Пусть, кроме капища, ему дороги никуда не будет!

И если для сердечных бед ты сам не сыщешь исцеленья,
Беде твоей лекарства нет—изведена беда не будет!

Кто пожелал иных утех и от любви к тебе отрекся,
Ему надежды на успех и малого следа не будет!

Любой искатель высших благ, в твоих кудрях не знавший плена,
Куда бы ни направил шаг, путей ему туда не будет!

В твоих кудрях познали мы благие тайны судной ночи,
И ночь их непроглядной тьмы вовек для нас худа не будет!

Когда бы я, забыв твой лик, иным святыням поклонился,
Пусть мне отплаты ни на миг иной, кроме вреда, не будет!

Твой дивный облик неземной—влюбленным беднякам даянье,
И пусть им никогда иной даруемая мзда не будет!

Кто вечным шахом звать не рад тьму кос у матового лика,
Тому сужден судьбою мат—нестроного суда не будет!

Мне в отрешении моем твой лик—и пища, и услада,—
Пусть мне ни благом, ни добром другая снедь—еда не будет!

О Насими, как много лет ты в путях кос ее томишься:
У них иной заботы нет и, видно, никогда не будет!

Свет сердца и светоч взгляда, тобою я очарован,
О друг мой, души отрада, тобою я очарован!

О месяц, в ночи встающий, о гурья райских кушей,
Устами ты—сахар сущий, тобою я очарован!

Твой лик—как солнце с луною, с улыбкой уст неземною
И с речью, как мед, хмельною,—тобою я очарован!

Ты мукам моим услада, вместить тебя сердце радо,
Ты—свежая роза сада, тобою я очарован!

О тайна моя и диво, душе без тебя тоскливо,
Ведь ты, как Юсуф, красива,—тобою я очарован!

Красавица, радость взора, навек ты моя опора
Тебе нет ни в чем укора,—тобою я очарован!

Вовек ты красой владела, всегда добротой радела
Клянусь, тебе нет предела,—тобою я очарован!

Ты к божьим тайнам причастна, как месяц, ты светишь ясно,
Над горем и счастьем властна,—тобою я очарован!

О жизни родник кипучий, разлукой меня не мучай,
Ты—шах мой, султан могучий! Тобою я очарован!

Ты—свет и душа вселенной, влюбленным—светоч нетленный,
Сокровищ рудник бесценный,—тобою я очарован!

Судьба тебе трон судила, душою ты всех затмила,
Краса твоя—как светило,—тобою я очарован!

Ты—блеск и свет небосвода, ты—солнечный луч восхода,
Тобой лишь жива природа,—тобою я очарован!

О блеск жемчужины чистой, о соловей голосистый,
О мой гюлистан росистый, тобою я очарован!

О запах весеннего сада, о гурия—глаз отрада,
С красою твоей нет слада—тобою я очарован!

Родник мой с водой живою, мне нет без тебя покоя,
Дан жемчуг морям тобою,—тобою я очарован!

О ты, чья стать сребротела, ты—жизнь Насими, дух тела,
Сравню тебя с розой смело,—тобою я очарован!

Скрыть стремишься свой лик от меня ты,—не надо,
Чтоб рыдал я от горя утраты,—не надо!

Зареклась хмель свиданья мне дать чаровница,
Перлы слез мне пролить предрекла ты,—не надо!

Ты из луков бровей мечешь стрелы-ресницы,
Очи жаждут кровавой расплаты,—не надо!

Изнемог от любви я душою и телом,
Как мне жить, если жизнь отняла ты?—Не надо!

Ты сожгла мое сердце, грозишь мне позором,
Чтоб срамили меня супостаты,—не надо!

Стрелам рока быть целью ты мне повелела,
Цель бесцельно сгубить их звала ты,—не надо!

Разметав мускус черных бровей, ты хотела,
Чтоб погиб я, любовью объятый,—не надо!

Ты завесу с лица отняла для другого:
Тайну в явь превратить предпочла ты,—не надо!

Страсть к тебе под обломками сердца сокрыта,—
Хочешь, чтоб они были разъяты?—Не надо!

Я в любви моей прям, как стрела,—ты же видишь,
Стан мой в лук изогнуть как могла ты? Не надо!

Ведь познал Насими тонких уст твоих прелесть,—
Что ж теперь они карой чреваты?—Не надо!

Страсть к тебе сожгла всю душу,—врач моих невзгод, ты где?
Ты—душа во мне, а дух мой лишь тебя и ждет: ты где?

От пьянящих встреч с тобою тяжкий хмель меня гнетет,
Я дотла сгорел от жара,—ток живящих вод, ты где?

Диво доброты! Я стражду, о дозвожь тебя узреть!
Кто с тобой еще сравнится милостью щедрот,—ты где?

Злобный рок-мучитель отнял твои косы от меня,—
Как Меджнун, я сломлен страстью—жалкий сумасброд—ты где?

Очи выжжены печалью, стан твой вспомню—и томлюсь,
Кипарис с тобой в разлуке горько слезы льет,—ты где?

Розоустая, жгут душу мне шипы твоих измен,
Кровью ран цвести, как роза, мне один исход,—ты где?

Свет очей моих печальных, сердце жаждет быть с тобою,
Ты и гуриям на диво—всем наперечет,—ты где?

Вероломный рок потопом в бездну вод меня низверг,
Милосердный друг, от смерти кто ж меня спасет,—ты где?

Цепям кос благоуханных отдал сердце Насими,
А иных ему не надо никаких тенет,—ты где?

Твой лик—Коран, сам Дух Святой,
Да вознесется образ твой!

А косы—восемь райских врат,
Благоухающих амброй.

А стан твой—диво райских роц,
А чудо уст—родник живой!

А влага дивных уст твоих!
В ней затонул весь мир земной!

А плоть твоя—исток всех душ,
Чей жемчуг светит белизной!

Твой лик в окружи кудрей
Любим и солнцем и луной!

Михраб неведом для невежд,
Не вникших в суть святыни той.

Ты—море, ты—рудник, ты—перл,—
Мир изумлен твоей красотой!

Ты—суть, неизреченный свет,
Блестящий вечной чистотой!

Над миром властвует твой лик,
Являя всюду светоч свой!

Суть бога—в речи Насими,
В ней—сущность истины самой!

Жажда встречи с каждым часом возрастает—нет терпенья!
Сердце, может быть, надежду потеряет—нет терпенья!

Хоть пока еще надеюсь на счастливое свиданье—
Мука долгая мне душу иссушает—нет терпенья.

Я давно к ее дороге приковал свой взор бессонный—
Почему ж она так долго лик скрывает? Нет терпенья!

Покажи лицо мне, роза, мне тебя не видеть—мука!
Сердце мне—что ни минута—шип пронзает, нет терпенья!

Кто влюблен—стонать не должен, но без стона видеть кудри,
Что игриво наша перь рассыпает—нет терпенья!

Я не пил вина из чаши—вкуса лалов не изведал,
Но, с похмелья будто, жажда грудь сжимает—нет терпенья!

Если хлынет кровь из сердца моего—обжечься бойся!
От желанья встречи в сердце кровь вскипает, нет терпенья!

Бьюсь в твоих кудрях-тенетах, брови-луки натянулись...
Пусть скорей ресницы-стрелы добивают—нет терпенья!

Дай душе бальзам свиданья! Ты в ответ сдвигаешь брови,
«Убирайся!»—эти брови повторяют... Нет терпенья!

Насими хотя и свыкся с тяжким бременем разлуки,
Нынче выдержит ли сердце—он не знает... Нет терпенья!

Я ли радостей не знаю? По тебе страдаю—радость,
У Исы в веселом храме чашу поднимаю—радость!

Я повсюду буду богом—и на виселице даже,
Как святой Мансур, я счастлив, мне петля тугая—радость!

Суетливые миряне пусть о золоте пекутся—
У меня душа—богатство, от нее вкушаю радость.

Я дышу твоим дыханьем, я любовью тяжело болен,
Но надежда на свиданье дарит, исцеляя, радость,

Я забросил все заботы, я одной любовью занят,
Это высшая забота, это неземная радость.

Мне вокруг чертога страсти день и ночь бродить босому,
С неприкрытой головою—тоже, уверяю, радость.

Я, Халилу уподобясь, от огня любви не жмурюсь—
Это пламя—запах розы, им дышать, сгорая,—радость.

Я с тобой душою слился, разгадав единства тайну—
Лишь увижу эти кудри—мигом обретаю радость!

В очи глянет виночерпий—в миг душа моя хмелеет,
Не вини меня за это, о моя хмельная радость!

Мне не надо райских гурий, струй небесных мне не надо—
Жить, свиданья в этом с другом ожидая—радость!

Насими из света соткан, он рожден веселым солнцем,
Потому твое сиянье для него такая радость!

Твой лик нам полночь озарил небудничным, особым светом.
О, как блаженно и светло сердцам, в его лучах согретым!

Я даже в мыслях не могу тебя назвать земным созданием—
Богиня ты, и нет богинь других в мирах ни в том, ни в этом.

Прекрасны райские цветы на берегах ручьев небесных,
Но там, где обитаешь ты—цветы цветут особым цветом.

К тебе питает каждый страсть, но нас, влюбленных до безумья,
Иная страсть жестоко жжет, как солнце землю в полдень летом.

О лекарь! Если в сердце боль от мук любви—оставь старанья,
Рецепт особый нужен здесь, не обладаешь ты секретом.

У всех дворцов убогий сброд толпится, милостыню кланча,
Иное—у твоих ворот стать нищим, в рубище одетым.

Потоком слез я залил мир, немало очагов разрушил,
Мне не творить бы больше бед, мне слез не лить бы—только где там!

Глаза сказали: «Мы—беда...»—и я спросил: «А как же брови,
Их взлет лукавый—тоже?» «Да. Тем паче»—было мне ответом.

Смиренно в твой чертог войдя, мы милость господина узнали—
Он шлет особые дары рукам, в мольбе к тебе воздетым.

Не Насими, а соловей его души слагает песню,
Подобной песни о тебе не спето ни одним поэтом.

Ночь Кадр—и та не так черна в сравнении с локоном твоим,
Твое лицо—в ночи луна! О, разум мой, что стало с ним!

О, полумесяцы бровей, когда вы вместе вдруг взошли—
Вы озарили лик земли сияньем праздничным, двойным.

Тебя, Луна, увидел я и счастья высшего достиг—
Немного света звезд твоих досталось дням моим земным.

Не любящий тебя—бедняк,—в его душе от века тьма,
Страданием не исцелен, он век останется больным.

Тот, кто тобою ослеплен,—особым зреньем одарен:
Он истины волшебной свет узрит, невидимой другим.

Как человеком назову тебя, творенье божества?
Из миллионов лиц людских твое не схоже ни с одним!

Из мира этого в иной тот веру унесет с собой,
Кто кланялся твоим кудрям, что веру превращают в дым.

Стал Кыблой любящий твой лик—от горя сгорбился михраб,
Как бровь твоя, согнулся он, тоскою смутною томим...

Тобой лишь дышит Насими, он пишет только о тебе,
Изображение луны перечеркнув пером своим.

Дерзнувший о твоих кудрях лишь миг один затосковать—
Пропал в ячейках завитков, сетей любви не разорвать.

Мои уста твоим устам шепнули тайные слова,
Но путник Тариката мне сказал, что лучше промолчать.

О благовонных тех кудрях спел на рассвете ветерок —
И пуп свой вырвал чинский бык и стал копытами топтать.

Блеск матовый твоих зубов, твою улыбку я воспел—
И перл слезою в море стек, чтоб скромно там на дне лежать.

С тех пор, как ты в сердцах царишь—мир в царстве разума настал,
Ни ссорам в нем, ни грабежам, ни вероломству не бывать.

Два мира держишь ты в руках безмерной властью красоты—
Нет в этом мире, как и в том, красавицы тебе подстать.

Пусть жаждой мучится аскет—нам, сердце, трезвость ни к чему:
Коль в чаше плещется вино—зазорно чашу не поднять!

Любовь к тебе—то небосвод, и Анка, что растает в нем,
Своей достигнет Каф-горы, ей сути суть дано познать.

Сравнивший райский кипарис и стан божественный ее,
Умолкни! Поспеши скорей назад слова пустые взять.

Оставь надежду, милый друг, узреть сегодня светлый лик,
Коль ты способен без ума на встречу завтра уповать!

«Воистину—я бог»—девиз пылает на твоём лице,
Он должен сущность бытия для всех живущих озарять.

«Я—бог»—сказал и Насими, и все, кто лик увидел твой.
Закрой его, чтоб этот мир в пучину смуты не ввергать.

В море любви я тону—кто мое состояние поймет?
Буду ль взывать я к тому, кто идет бережком без забот?
Пленник бессрочный кудрей, что печально текут по плечам—
Я лишь изведаль печаль, я один понимаю их гнет.
Болен от взгляда ее—я устами ее исцелен,
Кто никогда не болел—не познал исцеления тот.
Вечность и чаша вина, и вокруг виночерпия—мы,
С нами быть может лишь тот, чьей душе чистоты достает.
Тайные нити к сердцам от кудрей благовонных идут,
Их не увидит никто, только ветер о них намекнет.
Крикнул Муса: «покажись»—виночерпий же рядом стоял,
Тот, кто тобой опьянен, и вблизи тебя видя, зовет.
Уединенный суфий одиночеством счастлив своим,
Чем же прекрасен кабак—знают только гуляка и мот.
Разум бессильно поник, не постигший твоей красоты—
Пусть он блуждает внизу, на вершину закрыт ему ход.
Жизней и сотни не жаль за один заплатить поцелуй—
Сотню всего? Да знаток несуразною цену сочтет.
Локонов легкая цепь, ты желанна душе Насими—
В цепи такой красоты он охотно себя закует.

На щеках твоих прелестных обрела приют весна,
Гиацинтовые кудри—книг священных письмена.
Тридцать две на лике буквы—словно перлы чистых вод,
Лик сияет, как сияли б вместе солнце и луна.
На скрижали, что, должно быть, назначалась для Мусы—
Твой творцом начертан облик, жизнь твоя нанесена.
Во вселенной два светила—имя начертал твое
На обоих сам всевышний, им велел светить без сна.
«Джим» и «дал» твои всечасно в душах мудрецов горят—
Тем, кто тайнопись читает, истина как день ясна.
Я страданьями истерзан, чем лечиться от любви?
Разве только кровью сердца, что от горечи черна?
Кудри, вязь письмен Корана, обрамляют белый лик,
В родинке—святая тайна красоты заключена.
Сам великий живописец написал твои глаза—
В них с красой неповторимой зоркость соединена.
В мире все с тобою схоже—море, суша, небеса—
В их чертах творца веленьем суть твоя отражена.
Кто объят безумьем не был, кто любви к тебе не знал—
Тот всего лишь тень пустая на граните валуна.

Ты запишешь в книгу судеб тех, кто суть твою постиг—
Проницательных и мудрых будут вечны имена!

Пусть суфий в молитвах сохнет,—нам же—сам творец велел
За возлюбленную сдвинуть чаши пенного вина!

Насими способен песни о возлюбленной слагать—
Несравненным Фазлом эта благодать ему дана.

Наша чаша в дом питейный увлекает нас умело,
Если чаша—лалы милой, мы ее осушим смело.

Все равно мы все попались: эта родинка—приманка,
Мы—кудрей твоих добыча. Что для нас душа и тело!

Я легко бы отдал душу за короткий миг свиданья,
Я бы отдал оба мира, если б ты того хотела!

Душу, веру—все отдам я за один лишь черный локон,
И не стану торговаться—не мужское это дело!

Эй, захид, оставь обеты и подсаживайся к чаше:
Благочестьем, воздержаньем ведь вино не оскудело!

Нудный праведник болтливый, не тверди нравоучений,
О любви скажи мне лучше—страсть душою овладела.

Мотылек неосторожный, налетев на свечку—гибнет,
Опасайся лика милой: как бы сердце не сгорело!

Небосвод—великий мастер, изваял немало ликов,
Но лишь твой создавши образ, красоты достиг предела.

Дверь сокровищницы истин мне уста твои откроют—
Только б этот ключ из лалов ты отдать не пожалела.

Цепи локонов сковали ноги Насими и сердце—
Он не ропщет: для безумца справедливей нет удела.

Над гордой крепостью души красы твоей возреал стяг,
Он излучает благодать, его сиянье гонит мрак.

Всего лишь капля той красы попала солнцу на язык—
И бродит, пьяное, оно по небосводу кое-как.

Луна, тоскуя по тебе, пошла до срока на ущерб,
Тускнеет в темных облаках ее бессонный желтый зрак.

Рубины губ твоих с вином сравнила чаша в кабаке—
И получила по губам в тот самый миг от всех гуляк.

О тайне двух кудрей—молчу, о лагах губ твоих—молчу...
О нищий! Пожалей язык, где ты слова найдешь, бедняк?

Сегодня в мире страсть одна—к твоим устам хмельная страсть,
Забудь обет и пей вино, пока источник не иссяк!

Создатель с именем твоим суть красоты отождествил,
Мы чтим всевышнего фирман, во все века да будет так!

О луки чачские бровей! Сраженным вами нет числа,
Ресницам-стрелам грудь открыв, мгновенно падает смельчак.

Любовь сердец к твоим кудрям для царства разума—напасть:
Там города горят в ночи и караваны грабит враг,

Ведя охоту на сердца, не знает жалости твой взор—
Он выжигает в них тавро, любви непреходящей знак.

Души моей свободный бег вдруг локона аркан пресек,
А сколько петель стерегут сердец влюбленных каждый шаг?

Пусть прахом станет Насими—он прилетит к твоим кудрям:
Ему покажет ветерок дорогу к высшему из благ.

Красавицы берберской лик твоей красою посрамлен,
В краю души гвоя краса взошла на Искендеров трон,
Калам небесный на скрижаль твой лик божественный нанес—
И восхитился Муштари—подобного не видел он.
Мухаммед—мудрости венец, а ты—Мухаммед красоты:
Тюльпан умыться поспешил, твоим сияньем ослеплен.
Моя луна, восходишь ты, как солнцу не дано всходить,
Тускнеет солнце при тебе, спешит покинуть небосклон.
За образец твою красу взял мира нашего творец—
Из сплава солнца и луны твой лик всевышним сотворен.
Мессия согласился, что дыханьем ты с ним сходна,
Но ведает творец миров, чьим он дыханьем вдохновлен.
Кто твой порог боготворит—в том мире сядет на престол,
Кто лишь пригубил страсть к тебе—тот венценосцем быть рожден.
Я ждал слияния с тобой, Халил души моей, и вот
Огнем лицо твое зажглось—и был Азер испепелен.
И прах величья твоего способен счастьем одарить,
Целуй его, и ты—Кайсар, в твоих руках судьба времен.
Убогий у твоих ворот царя богаче во сто крат,
Порфиросец перед ним во всей красе своей смешен.
С кольцом Хайдара Насими пришел к Каабе чистоты,
И смело он стучится в дверь, твою дружбой осенен.

Луноликий виночерпий, ты подносишь мне бальзам!
Сулеймановы владенья я за лалы губ отдам!
Мой кумир розоподобный, ты открыл свой лик прекрасный—
С той минуты от смущенья вянут розы по садам.
Раковина, жаль, не видит ларчик, где хранишь ты перлы...
Улыбнись, пусть знает цену настоящим жемчугам!
Красота твоя фирманом для красавиц мира стала—
Образцом для их создания лик твой служит небесам.
Нет душе моей покоя, но твои спокойны ль кудри?
Если дух мой неуемен, он—сродни твоим кудрям.
Я назвал тебя душою—но души моей, я знаю,
Стан твой трепетней и тоньше—как же строен он и прям!
Похитительница сердца, я о сердце не толкую—
Ты ведь в нем, тебе виднее, что теперь творится там.
Лик твой в мире единенья навсегда взошел на царство,
Ставь же трон свой на вершину, недоступную богам.
О аскет! Любви сиянье ты впитай очами сердца—
Лишь тогда узришь воочью лик, что снится по ночам.
Коль к божественной Каабе—к встрече с нею—ты стремишься,
Навсегда забудь, паломник, кто ты и откуда сам.
Насими в чертах красавиц красоту Аллаха видит,
Ты постигнешь эту тайну, лишь внимай его речам.

Ты истерзанное сердце подвергаешь мукам ада,
Но оно—твое навеки, боль моя, моя отрада.

Жги его и режь на части—у тебя оно во власти,
Если сердце полюбило—значит, так ему и надо.

Я, всю жизнь в тебя влюбленный, дни провел в слезах и столах—
Неужели не услышишь слез горячих водопада?

Я тебя молю о взгляде, как о хлебе молит нищий,
Но до нищих ли царице? Высока дворца ограда...

Козни недругов сказались—на тебя в обиде сердце,
Ниспосли ему мучений—сердце им, как прежде, радо.

Я глотаю оскорбленья, я не вижу унижений—
Верность вытравить из сердца—не достанет в мире яда,

Пусть оно исходит кровью, о глазах мечтая тюркских,
Что за радость в сей добыче для божественного взгляда?

Из груди похитив сердце, ты сулишь его утешить—
Только чем утешить розу, унесенную из сада?

Насими лишен надежды, знает он, что от любимой
Капля верности за верность—невозможная награда

Касанье локона ее когда б я ночью ощутил,
То светом счастья своего я мир бы целый озарил.

Когда б к суфиям в кельи их проник ее пьянящий взгляд—
Он в опьянение бы навек их без возврата погрузил.

Суть двух миров во встрече с ней, я жду ее во тьме ночей,
О, если б рок передо мной вдруг дверь к любимой отворил...

Ее ресницы—стая стрел, тоскует сердце по стреле,
Ах, если б лук ее бровей в меня свою стрелу пустил!

Я муки адовы терплю, я страшно болен—я люблю,
Ах, если б врачеватель взгляд мне свой прислал и исцелил!

Рабом ее стал ветерок, не то бы он водой ручья
Сковал бы кипарис навек, что стан свой к ручейку склонил.

Склониться предо мной могла б с небес счастливая звезда,
Когда бы гордый стан ее я вдруг в объятья заключил.

Зефир мечтает другом стать для мускусных ее кудрей,
Чтоб аромат их донести в далекий Чин на паре крыл...

О, если бы мои стихи поймал красавиц тонкий слух—
Они бы серьги из ушей рванули, падая без сил.

Розоподобный мой кумир! Я, бедный, жалкий твой тюльпан,
Сухой былинкой бы сгорел, когда б ты лик мне свой открыл.

Когда бы раковина речь могла услышать Насими—
Ее слезу, бесценный перл, он бы в награду получил.

Где теперь покой мой, пери, где теперь мое терпенье?
Похитительница сердца, ты сулишь мне исцеленье?
Не кори меня, советчик, за пристрастие к чернооким—
Разве страсть—не пламень сердца, и не смысл его биенья?
Не расхваливай, всезнайка, мне с восторгом лотос мая—
Стан, что тоньше кипариса, в сердце будит вожделье!
В лица милые красавиц ты взгляни очами сердца—
Бога ты черты узнаешь—таково у сердца зренье.
Прах души моей и тела ты держи поближе к сердцу—
А не то его развеет благодати дуновенье.
Лью я слезы цвета розы—лик твой не того ли цвета?
Твой волшебный лик окрасил моря дивного кипенье.
Чьи уста о поцелуе сладких уст твоих расскажут?
Отыскать такие в мире—мир бы замер в изумленьи!
Не пойдет стезей мужчины нерешительный и слабый,
Тот, что грозной буре страсти предпочел уединенье.
Если хочешь очи сердца светом истины наполнить—
Кыблой избери навеки лика дивного свеченье.
Насими в плену у страсти—он кудрями пери бредит
И не хочет этой страсти оказать сопротивление.

Благодаря дыханью Фазла мы знаем истины секрет,
Мы аромат ее вдыхаем, и нас счастливей в мире нет.
Твое могущество в зените, ты совершенней божества,
Молчать об этом—святотатство, какого не припомнит свет.
Нет в мире никого иного—кумир, нам светлый лик яви,
Вселенная тобою дышит, дала любви к тебе обет.
О, есть ли смертный, что способен твой образ в мыслях начертать?
Но тщатся все, и каждым сердцем твой лик по-своему воспет.
Что говорить о благородстве, о доброте, о красоте—
Ты смысл вдохнула в те понятия, взяв их в число своих примет.
Прекраснее ты всех красавиц—где им соперничать с тобой?
С сияньем месяца не спорит подслеповатый блеск монет.
Луна подвержена ущербу, для солнца есть заката час—
Лишь ты не меркнешь, не заходишь, не поддаешься власти лет.
Что мне пенять на боль разлуки—ведь ты всегда в моей душе—
Ты—речь моя, мое дыханье, суть радостей моих и бед.
Твои краса и добродетель неизмеримы, мой кумир,
Ты их являй почаще людям, прими смиренный мой совет.
Не видел я—Аллах свидетель—у смертного таких кудрей,
Божественны твои ланиты, бровей прекрасен арбалет.

Молю, яви свой лик мирянам—в нем «сад» и «айн» и «джим» и «дал»
От зрелого плода познания дай нам вкусить, сними запрет!

Ты царство без конца и края, ты—клад сокровищ неземных,
Я описать тебя не в силах—немеет от любви поэт!

Ночь Кадр одна—прекрасней века, а ты в величии своем
Прекраснее веков несметных. твоей красою мир согрет.

Я, Насими, наполнил чашу—в ней вечность с солнцем пополам,
Пусть чаша эта не пустеет, то—Фазла вечного завет.

Ты Кыблой лик ее избрал—хвала тебе, мой друг!
Из-за нее всю жизнь страдал—хвала тебе, мой друг!

Занятий много в мире сем—коль ты, их все презрев,
Любовь призваньем посчитал—хвала тебе, мой друг!

О, эти кудри—страшный суд, его трепещут все...
Твое он сердце оправдал? Хвала тебе, мой друг!

В ее силки попал ты—что ж? Побольше б дичь была,
Тогда бы всякий восклицал: «Хвала тебе, мой друг!»

Коль в море страсти утонул, а не на берегу
Сидел, что ты ханжой не стал—хвала тебе, мой друг!

Коль, сердце, от «е очей не охмелело б ты,
Едва ли б я тебе сказал—«Хвала тебе, мой друг!»

В петле Мансура Насими любовь бы прославлял,
Коль за любовь ты умирал—хвала тебе, мой друг!

Красивый лик иной сравнит с луной,
А я б луну хотел сравнить с тобой.
Влюбленные к твоим кудрям стремятся,
За волос твой пожертвуют собой.
Твои уста—то сладкий ток Ковсара:
Хотя шербетом их зовут порой!
Величие, могущество и славу
Отдам за то, чтоб стать твоим слугой.
Каприз твоих очей поймет не всякий,
Не встречный-поперечный, не любой.
И днем и ночью я готов молиться
Божественной кудряшке завитой.
Заботящийся о своем здоровье
Путь, безусловно, выберет иной.
Мое лицо—шафран, рубины—слезы,
Хоть их зовут водою золотой.
Плач Насими не убедил любимой,
Хоть вздох утра сильнее, чем ночной

Тебя сравнивший с розой или лилией,
Любуется пусть розой или лилией.
Одним приятнее твой райский стан,
Другим—растений стройных изобилие.
Услышит бог язычника, коль он
Так искренен, как я, воспевший милую.
Твоих кудрей коснется ветерок—
Об аромате их поведал миру я.
И у неверных сходные с тобой
Не погибают идолы постылые.
Вдохнув твоей сорочки аромат,
Слепой прозреет, исцелятся хилые.
А прикоснувшийся к твоим устам
Овладевает мудростью и силою.
Красноречив твой ротик. Безо рта
Я тоже ничего не сформулирую.
Мои стихи услышит ювелир—
Забудет жемчуг и руду бериллия.
Ханжи страшатся красоты лица,
Все лицемеры—существа бескрылые.
Ты вдохновила Насими на стих,
Которого не поглотить могилою!

Избави бог, чтобы моя душа
Роптала на тебя, о госпожа!
Избави бог, чтоб в изначальном мире
Союз скрепленный я вдруг нарушал.
Избави бог, чтобы неверный с пленным
Так поступал, как ты, со мной вреша.
Моя любовь к тебе сильнее лекарства,
Избави бог, чтоб горечь я вкушал.
Избави бог, чтоб я стремился к раю,
Живя в раю, одной тебе служа.
Избави бог, чтоб, восхитясь кудрями,
Я от кудрей прекрасных убежал.
Избави бог, чтоб вспоминал о розах—
Сама цветник, ты очень хороша.
Избави бог, чтоб я, в тебя влюбленный,
Не страстью к милой душу ублажал.
Ты для меня единственная Кыбла—
Пусть упрекает Насими ханжа.

Пусть те глаза, что не знакомы с ней,
Совсем не видят мира и людей.
Забудешь обо всех благоуханьях,
Вдыхая аромат ее кудрей.
От локонов ее кудрявых, пышных
Становится на сердце веселей.
Коль от любви истлеет наше тело,
Наш прах о той любви расскажет ей.
Взыграют волны Ноева потопа,
Когда польется слез моих ручей.
Из праха лепят гончары кувшины,
В них алых уст своих вина налей.
Где б ни искали люди кипарисы,
Пусть ищут—не найдут тебя стройней!
К тебе кто в мире будет равнодушен?
Лишь истукан, чье сердце из камней!
А из людей кто равнодушен к миру?
Тот, для кого ты в мире всех милей.
Не позабудет Насими любимой,
Ей верен будет до последних дней.

Склоняются перед тобой священные служители,
И мудрецы свершают круг вокруг твоей обители.
Идут до дома твоего влюбленные паломники,
Их головы обнажены, они тебя увидели.
И по дугам твоих бровей—врожденных полумесяцев,
О наступлении поста узнают все блюстители.
Ночь Кадр, которой нет цены, в твоих таятся локонах—
Так полагают знатоки, что многое предвидели.
Твои капризные глаза волшебны чудодейственны,
Благословят их чудеса пророки и мыслители.
Лань глаз твоих на львов любых, бесстрашная, охотится,
Сильнее львов твои глаза: они их укротители!
Воистину Аллаха лик на свете всех прекраснее.
Но правдолюбцы лишь тебя очами сердца видели.
Пришлись по нраву всем твои причудливые локоны,
Что ниспадают до колен, как змеи-искусители.
Пусть оба мира на весы против тебя поставлены—
Меняла предпочтет тебя: так лик твой восхитителен.
О, Насими, перетерпи бровей капризы вечные:
Бровь—лук, и силе твоих рук дань воздадут ценители.

Где о розовом прекрасном кипарисе говорят,
Рвет душа от счастья ворот и вдыхает аромат.
Те, что камень философский обрели, простую медь
В драгоценные металлы превратят, коль захотят.
Утомленный суетою и не знающий любви!
Сам подумай, ты не болен—и тебя не исцелят!
Спесь оставь, на дверь любимой взгляд смиренный обрати,
Знай: мужам благочестивым двери рая растворят.
Из частиц кристально чистых, тех, что влюблены в тебя,
Можно сделать чашу Джама—горний свет они струят.
Я клянусь твоею жизнью, кто свидание с тобой
Рад отдать за оба мира, будет нищ, а не богат!
Кто считает невозможным видеть бога светлый лик,
Те глазами высшей правды на тебя не поглядят!
Очи, что не избегают видеть облики других,
Глубины очарованья твоего не разглядят.
Прах у твоего порога—мазь целебная для глаз.
И у мудрецов достойных от нее светлеет взгляд.
Между зрением и сердцем, как поток, струится кровь—
Мудрецы такое диво нам не скоро объяснят.
В том кругу людей почтенных, где читают Насими,
Там стихи, лаская душу, дело доброе творят.

Те, что слепо выполняют заповеди старины,
Далеки от бога, в правде не постигли глубины.
Солнце истины восходит и сияет нам с небес,
А они его не видят, ибо зренья лишены!
Пусть они близки телесно к той блистательной Луне,
Но во век без мудрых знаний не достигнуть им луны.
В них одно воображенье и невежество живут,
Потому они от рая на всю жизнь удалены.
Тех глупцов считай слепцами—до того они глупы:
Их глаза сурьмою правды не были подведены.
Те, что верят в бога только по традициям отцов,
Мыслят жалко и убого, как служаки сатаны!
Не испить им благородной чистоты живой воды—
Опьяненные животной страстью, в мрак погружены!
Не по облаку—по нраву служат тьме нечистых сил
Те, что званиями шейхов в наши дни облечены.
Чистотою и Корану не уступит круг людей,
Свечи истины священной для которых зажжены.
Уподобясь Моисею, на гору взойдут они—
И, увидев бога, будут в благодать погружены.
Отыскав дорогу к богу, не погубят душ своих:
От опасности Кораном мудрецы ограждены.
А глупцы, что вечной жизни истинной не обрели,
Только трупы и, как трупы, будут солнцем сожжены.
Но постигшие луч правды все, подобно Насими,
Находясь под сенью счастья, богу-Истине верны.

Кто, глядя на тебя, не видит бога,
Того не ожидает в рай дорога.
Твой лик во всех явлениях природы,
Что без него увидеть сможет око?
Позор тому, кто страсть назвал ошибкой.
Порочный видит что, кроме порока?
Любовь к тебе мной прочно овладела,
Заполнила всего меня глубоко.
Речь о тебе аскета разозлила,
Глупец бездарный ошутил тревогу.
Сова не в силах посмотреть на солнце—
Ее за то судить не надо строго.
Свеча, не хвастайся своей слезою:
Я плачу—не остановить потока.
Я от красавицы своей страдаю,
Не избежать влюбленным злого рока.
Господь, нам ветерок с ее тюльпанов
Пошли, чтоб я утешился немного.
О суфий, не болтай о столах сердца,
Их не постигнет мыслящий убого.
Такого горя нет из-за любимой.
Чтоб не терзало Насими жестоко.

Мудрецы себе избрали Кыблу—божий лик.
Проиграть согласен душу, коль любовь постиг.
Перед ликами красавиц преклониться рад:
Нету Кыблы их красивей, мир от них возник.
Променяй свою ты душу на любовь, аскет,
Ибо настоящий муж тот, кто любви достиг.
Лишь влюбленный в состоянии высший смысл постичь:
В облике красавиц смысла божьего тайник!
Не отступится влюбленный от любимой, нет,
Ибо жизнь отдать согласен за единый миг.
Лик любимой утешает лучше двух молитв,
Потому что лик любимой—святости двойник!
Ради милой я намерен жизнь свою отдать,
Потому что без любимой жить я не привык.
Насими, который жизнь всю посвятил любви,
Будет жить в сердцах потомков, славен и велик!

Те, что верят, подражая, все от бога далеки,
Высших истин не постичь им, ибо руки коротки.
Никогда им не добраться до обители святой,
По ведущим к ней пустыням зря блуждают чудаки.
На пустые разговоры растранижируют жизнь
И не знают пустомели, что слова их—пустяки.
Розоликая красавица сняла свою чадру—
Не постигли ее лика лишь слепцы да дураки.
Подлинные боголюбцы к вечной жизни подошли,
Бог вселил в них дух бессмертья всем сомненьям вопреки.
«Я» свое уничтожая, они в боге проживут,
Навсегда сольются с богом, как с рекою ручейки.
Стать наставником желаешь—будь послушником сперва,
Потому что в царстве бога все его ученики.
К богу путь пройти усердно постарайся, Насими,
И для избранных дороги в царство бога не легки!

Верности не проявила дорогая в трудный час,
Наше сердце захватила и не вспомнила про нас.
Захотелось ей исполнить обещание свое,
Но судьба не пожелала помогать нам в этот раз.
Востроглазая тюрчанка нравам тюрок всех верна,
И меня насквозь пронзила стрелами капризных глаз.
И уста ее—рубины не утешили меня.
И душа моя сгорела, от любви воспламенясь.
Самых ласковых, что были так покорно влюблены,
Милая не пощадила, над любовью поглумясь.
Заложив основу ссоры, нас оставила она
И не жалилась над нами, удалясь, не помирясь.
Господи, я сам не знаю, почему она меня
Стала яростно чуждаться и не вспомнила сейчас.
Похитительница сердца несговорчивой была,
Пожалела поцелуя—свет рубиновый угас.
Я спросил: «Зачем жестока?» Мне ответила она:
«Похитительницей сердца потому что назвалась!»
На нее закрыть глаза мне посоветовал слепец,
Я смотрю на лик любимой, лика бога не стыдясь!
Слава господу за то, что стал гулякой Насими,
Не растратил жизнь, за хлебом и щеславием гонясь.

Чашница на пир явилась—значит, нужно пить вино,
Нам на коврике молитвенном резвиться суждено.
Зеркало не отражает, коль его покроет ржа,
Сердце, так же, как зеркало, чистым быть всегда должно.
От бровей лукообразных все капризы потерпи,
Ибо лишь влюбленным эти луки натянуть дано.
—Наступлю на твою голову,—сказала мне она,
Благодарный ее ножкам, я мечтал о том давно.
Сердце, держись ты стойко и сияешь, как свеча,
Все ты сносишь терпеливо, потому что влюблено.
Я в тоске по лику милой слезы удержать хочу,
Но они жемчужно льются и струятся все равно.
Оторвать решил я сердце от агатовых кудрей,
Но моих речей разумных не послушалось оно.
Если талию любимой кипарису показать,
Он, нестройный, устыдится, как бездушное бревно.
Наступили дни веселья и утехи для гуляк—
Уст рубиновую чашу осушить немудрено.
О, гуляка благородный, образумь скорей святош:
Чем твердить слова молитвы, лучше видеть в чаше дно!
Насими, пора настала наслаждаться, быть хмельным,
И с достойными друзьями нынче надо пить вино.

Душа не добивалась счастья, не испытав невзгод.
И сердце истекает кровью, пока свое возьмет.
Кто крови собственного сердца из рук тоски не пил,
Не получил волшебной чаши из рук прекрасных тот.
Достоин сблизиться с сиянием божественным твоим
Тот, кто подобно Моисею, блаженство познает.
Добро приходит и уходит, и только красота
Твоя напоминает вечность божественных щедрот.
Привет от губ твоих прекрасен, что́ господу привет,
И пронзительный с тобою свет истины поймет.
Огонь страданий мне достался. Хвала тебе, господь.
Что неучу не достается огонь священный тот.
К твоим мудрым сбежало сердце, беднягу не гони:
Лесная дичь с такой охотой в капкан не попадет!
Душа страдает в ночь разлуки, которой нет конца,
Но как бы долго ночь ни длилась, а солнышко взойдет!
Пока твой локон не раскрылся, не знает человек
Благоухания вселенной, не ведает красот.
Иди, аскет благочестивый, воздержанность забудь:
Лишенный показных достоинств блаженство обретет!
Пока слез-жемчугов, тоскуя, не пролил Насими,
Стихом своим не мог достичь он сияющих высот.

Мое страдающее сердце—убежище любви моей.
Не каждый из мужчин наденет одежду горестных страстей.
Средь розотелых кипарисов в мирах обоих ни одной
Нет розы, чтоб с тобой сравнилась. Ты всех прекрасней и милей!
Не станет хитрый сокол горя охотиться на бедняка,
Не переполнено чье сердце горячей влагою скорбей!
От слез моих горячих если сгорят глаза, не удивлюсь:
Ведь слезы—то не кровь ли сердца, что с каждым днем все горячей?
Пылинку от ее порога мне, буйный ветер, принеси—
Нет лучше для меня подарка, чем прах и пыль с ее дверей!
Она тогда полюбит сердце, коль сердце кровью истечет.
А прочие твои страданья совсем не интересны ей.
Чтоб от хождения влюбленных не залетала пыль к ней в дом,
Своими жаркими слезами скорее улицу полей!
То сердце, что в любви не хочет терпеть страданий и невзгод,
Из рук твоих невзгод желает освободиться поскорей.
Отрекся Насими влюбленный от двух миров ради любви—
Все блага подлинно влюбленный отдаст ради любви своей!

Почему мое сердце усталое обезумело снова
И душа отразить в своем зеркале лик любимой готова?
Мое сердце с устами-рубинами затевает беседу,
Чтоб лишиться покоя и выслушать сокровенное слово.
Вновь покинула уединение и отправилась в поле
Та, что души влюбленных похитила—ей все это не ново.
Появилась она в нашем обществе, та царица,
И меняла свои облачения—платья цвета любого.
То являлась она невидимкою, то из духа и плоти,
Проливалась к нам в виде источника от небесно-земного.
То была удивительным множеством или многим единством.
То была совершенно открытою, то таясь под покровом.
Насими был сокрыт в ее локонах, на земле жил иль не жил,
Но, увидев ее лик божественный, ожил снова.

Ждали верности напрасно. Не в характере твоём
Постоянство—от красавиц больше верности не ждем.
Ты, шутя похитив сердце, скрылась весело от нас,
И спросить нам не зазорно:—Где находится твой дом?
Если сбросишь покрывало, что тогда произойдет?
За твою любовь мы, люди, наши души отдаем.
Сердце вовсе затерялось в завитках твоих кудрей—
Буду я безмерно счастлив, если мы его найдем.
Кто дотронуться посмеет до кудрявых завитков,
Дерзостью своей сравнится с легкокрылым ветерком.
Быть нельзя благочестивым в век господства томных глаз—
Взор капризный опьяняет золотым своим вином!
Я, с ее дорог пылинки, переполнен страстью к ней,
Лишь о ней мечтать намерен, больше ни о чем ином!
Ты, аскет, от лиц красавиц отвести намерен взгляд:
То считаешь недостойным, что достойным мы зовем!
Волосы мои навеки все привязаны к тебе,
Каждый атом полон страсти и к одной тебе влеком.
Почему ты отвернулся от такой красоты, аскет?
Человек благоразумный с воздержаньем незнаком!
Между жизнью и любовью—где отличие, Насими?
Пусть его вовек не будет—мы мечтаем лишь о том!

Где он, тот великодушный, чьим деяньям нет числа,
Кто, узнав о наших нуждах, нам устроит все дела?
Где она, что изумляет всех, живущих в двух мирах,
И тоскующих влюбленных завлекла и увлекла?
Предан я собакам даже, стерегущим милой дом—
Этот груз нести я буду, жизнь пока не истекла.
Если даже меч насилья нанесет мне сотни ран,
Я не откажусь от милой, что прекрасна и светла.
Если взглянут благосклонно на меня ее глаза,
Для меня источник Хызра заблестит, как зеркала,
Я сказал ей: — Бог задумал для любви к тебе меня!
— Бог то делает, что хочет! — мне ответ она дала.
В ночь разлуки как больному, Насими, тебя найти?
Освети ему дорогу светом своего чела!

Если приветливо взглянет счастье, как вешний тюльпан,
Тень свою на нас вскинет твой кипарисовый стан.
Ты будь уверена: завтра будет валяться в пыли,
Тот, кто сейчас от гордыни и самомнения пьян.
Я от отчизны и милой ныне далек — неужель
Буду на родине с милой, царства веселья султан?
Господи, пусть благосклонно глянет она на меня
И исцелит в моем сердце тяжких недугов изъян.
Не удостоился смерти я от любимой руки,
Стать бы желал ее дичью, чтобы попасть к ней в капкан.
Брови твои, словно луки, мечешь ты стрелы ресниц —
Раненный ими влюбленный, я умираю от ран.
Вихрь унесет до Китая кудрей твоих аромат,
Чтобы испытывал зависть к запахам их мускус-хан!
Ежели на богомольцев глянут любимой глаза,
Каждый монах в своем храме сменит на пьянство свой сан.
Сделало победоносным счастье любви Насими,
Будет он скоро повешен, коли приказ такой дан.

Познавшие недуг любви об исцеленье не заботятся,
Тоскующие по тебе о жизни брэнной не заботятся.
У твоего порога прах для них живительным является,
Они, как Искандер, теперь о воскресенье не заботятся.
Не станут если возражать твои глаза благочестивые,
Готов пожертвовать собой и о спасенье не заботиться.
Паломничество совершат на улицу твою блаженные—
И о злословии людском, превратном мненье не заботятся.
Где вспоминают о тебе и о твоих волнистых локонах,
Там о житейской суете и треволненье не заботятся.
Перед лицом твоим молюсь я потому, что люди истины
О Кыбле той, где лик не твой, и о смиренье не заботятся.
Могущественен и богат просящий у твоей обители,
Как Насими, о троне он и о владенье не заботится.

Роза, сотней лепестков владея, кудри гиацинтные имеет,
Лик моей любимой из нарциссов письма шиповника имеет.
Ароматные ее ланиты буквами шиповника покрыты,
Ну, а локоны ее пылинки молотого мускуса имеют.
Завитки волос, как гиацинты, выются-завиваются завидно,
Мускусных пупков благоуханней, что джейраны горные имеют.
Сад дворцовый стал еще прекрасней, удивительней, разнообразней.
Ты вошла стройнее кипарисов, лик твой ярче розы пламенеет.
А очаровательные очи нашу душу соблазняют очень,
Тот, кто из-за них души лишится, улыбнется и не пожалеет.
Если розотелую увидит дух святой, он будет очарован
Ликом, удивительно прекрасным, что моя любимая имеет.
Словно дух святой, ее дыханье жизнь дарит влюбленным и призванье.
Сладкие уста ее прелестны, их не зря любимая имеет,
Родина моя квартал развалин—я ее поэтому оставил,
Но душа моя со мной рассталась—к родине влечение имеет.
О луна, в ночь Кадр ты золотою не кичись своею красотой,
Ведь моя любимая сегодня в каждом локоне луну имеет!
Душу я отнес свою и сердце на базар ее кудрей, однако
На товар подобный гиацинты обращать вниманья не умеют.
Родинка и кудри правят веком—потому и стал я хуруфитом.
С буквой «нун» равняю ее брови, рот ее, как буквы «мим» алеет.
Насими уста его любимой нынче подарили чашу Джама—
Потому, как подлинный гуляка, от недугов радость он имеет.

С тех пор, как милость бога—желанное явление,
Все наши пожеланья близки к осуществлению.
Отбросивший вопросы, постигший слово господя,
Подобно Иисусу изведал вознесение.
По книге ее лика, о «Нуна» прочитал я,
Потом «Самад» я понял во всем его значении.
Из рая изгнан дьявол, ну что же, поделом ему—
Не знал он перед ликом прекрасным преклонения.
И суфий, не узревший в твоём лице сердечности,
Благой лишился веры до умопомрачения.
Любой, тебя узревший, причастен к созерцанию
Божественного блага—сиянья и цветения.
Себя обезопасить смог Насими от бедствия,
Прочтя на твоём лице свое благословение.

I

Мы бога существо в самих себе являем,
Как чаша Джама, мир собою отражаем.

К нам, жаждущий, приди—вода живая мы
И жизнью вечною мы души наделаем.

О ты, в двоичности погрязший целиком,
Поверь, что мы с тобой ни в чем не совпадаем!

Одну лишь истину всегда находим мы,
Коль покрывало мы со всех вещей срываем...

Что мы? Мир вечности! И значит, потому
Не умираем мы, вовек не исчезаем.

О, ты, что божий лик все ищешь, дуалист,—
Знай, что одни лишь мы Владыку представляем.

Великие цари царей—все это мы:
В стране небытия, как нищие, блуждаем.

Нам птица Гамаюн дарит благую сень—
И с милостью твоей мы нынче расцветаем.

Единства солнце—свет с востока пролило,
Востока тайны все мы миру раскрываем.

В том мире, где нет «Как?» и «Почему?» где нет,
На «Как?» и «Почему?»—одни мы отвечаем.

О господи, когда ты солнце веры—то
Мы—это явно ты: и мы об этом знаем.

Мы—это Дух Святой, мы Имя всех Имен,
Дух, им же был Адам от бога вдохновен.

II

О чашница, что дух наш чашей усладила
И нас рубинами-Ковсаром напоила;

Как солнце, лик твой нам, сияющий над миром,
Устами-сахаром нас к счастью пригласила.

«Я скрытым кладом был»—страсть к этому аяту
Кудрями черными ты в душу поселила.

Благословенный рай не нужен нам нисколько,
Когда он будет дан без лицезренья милой.

Средь царства темноты—вещей всех сотворенных—
Ты солнечным лицом нам путь наш озарила.

Не обретет в груди навек покоя сердце,
Имеет власть над ним твой облик до могилы.

Не море ли любви, душа моя, скажи мне,
Жемчужины очей—иль слез моих—взрастило?

Одно твое лицо всегда и постоянно
Во сне и наяву мне светит и светило.

О ты, Коран судьбы, знак радости великой,
Благодаря тебе нас счастье осенило.

Чеканить из меня теперь монету можно—
Ведь сердце в золото любовь преобразила.

О знай, жемчужина, когда на самом деле
Жемчужины моей ты сущность не раскрыла,—

Мы—это Дух Святой, мы—Имя всех Имен,
Дух, им же был Адам от бога вдохновен.

III

Жемчужина! Тобой горда ума казна!
Душа души души, нет—ты душа одна!

По виду кажешься для всех ты очевидной,
Но ведь по существу ты вся утаена.

По воле лишь твоей произошли все вещи,
Жемчужина глубин, безмерно ты ценна.

Ты тело, мир, душа, ты—сущность, над грядущим
И над прошедшим власть тебе лишь вручена.

Отрекшись от себя, мы скоро узрим бога,
В том бесприметного примета нам дана.

Скрижали сущего мы буквы, иль та буква,
Что между бытием и богом вмещена.

Едва Великий снял с явлений покрывало,
Вода живая в них вдруг стала всем видна.

Искатель Истины Муса! Слова забудь ты:
«Явись ко мне! Но суть моя утаена!»

Все вещи говорят, все языком владеют,
Хотя их речь порой бессвязна и темна.

В небытии, душа, скорее растворяйся—
Коль хочешь, чтобы жизнь твоя была вечна.

Нам образ дан людской, хоть в мире содержанья
Живем мы, и в него погружены до дна.

Мы—это Дух Святой, мы Имя всех Имен,
Дух, им же был Адам от бога вдохновен.

IV

В обители небес, и в сферах девяти,
Ты можешь нас вовне, но и внутри найти.

Лейли—то облак наш, и, как Меджнун, любовь
Лишь к своему лицу мы можем обрести.

О бога ищущий! Коль не среди красавиц,
Лик подлинный его где можешь ты найти?

Лишь к лику своему любовь—вот наша доля.
Мы в двух мирах пойдем по этому пути.

О раб! До коих пор, ведомый гнусной страстью,
К мирскому благу путь ты будешь свой вести?

Без «Как?» и «Почему?»—в том мире беспредельном
Существовали мы—вниманье обрати.

В те дни, как «Каф» и «Нун» еще не появлялись
И миру не был дан еще приказ цвести.

От злой беды своей, о ты, что болен страстью,
Ужель ты тирьяком решил себя спасти?

Не трать на дива чар, ведь он не покорится,
Он будет зол, хоть ты его озолоти.

Не знающий того, что Истине мы служим,
Ты откровение, что мы даем, прочти:

Мы—это Дух Святой, мы Имя всех Имен,
Дух, им же был Адам от бога вдохновен.

V

Мы—мир, с которым бог, его мы воплощенье,
Предела нет ему, весь мир—его именье.

Мы в двух мирах—цари по воле Фазлулхакка.
Ведь—бедность—наш удел, и в ней—благословенье.

Все расстояние от Рыбы до Луны—
Лишь капля нашего бескрайнего владенья.

Высокий кипарис моей любимой сладкой!
Бессильны мы всегда от милой в удаленье.

И зеркало луны приметно потемнеет,
Коль в стогах выскажу сердечное мученье.

Как расскажу тебе я о своих печалях,
Когда питаешь ты к моей тоске презренье?

Мир сущности—наш дом, мы в нем—Азиз прекрасный,
А сердце в нас—Юсуф, спасенный от плененья.

Отшельник, не болтай ты о любви высокой,
Тот путь тебе не дан, напрасны все моленья.

Любовь меня к себе навеки притянула—
Соломы к янтарию могуче притяженье.

Суфий, коль чистотой ты сам вину подобен,
То пей вино скорей, и прочь все запрещенья.

Чтоб линия пути тебе яснее стала,
Пойми, о ищущий, ты наше изречение:

Мы—это Дух Святой, мы—Имя всех Имен,
Дух, им же был Адам от бога вдохновен.

VI

В мир сущности вещей ведущий нас вперед,
Твой лик седмицею аятов мир зовет!

Так голова венца владыки не заслужит,
Когда к твоим ногам она не упадет.

Источник бытия всего, что есть на свете,
Твое лицо горит, как солнечный восход!

Ведь даже без коней, ладей, слонов и пешек
Твой ферзь противнику успешно мат дает.

А родинка твоя, тридцать две буквы лика—
О боге, небесах прекраснейший отчет.

О дух, сгораю я от нестерпимой жажды.
О, дай напиться мне, тебя ведь сердце ждет.

Тот, чьим кумиром Лат еще доселе служит,
Тебя увидел в нем, и ты ему оплот.

Кто был в твой ясный лик влюблен и жив остался?
Тот, кто в тебя влюблен—он от любви умрет.

О ты, кто в поисках еще не сделал шага—
Ты веришь, что твой путь к владыке приведет?

Суфий, который жизнь свою пустил на ветер!
Брось скверну, пей вино и знай—оно не жжет!

Мы—суть речения: «Была я скрытым кладом».
Мы—свет, огонь; весь мир от нас исток берет.

Мы—это Дух Святой, мы—Имя всех Имен,
Дух, им же был Адам от бога вдохновен.

VII

С лица-луны сними фату, мой друг, скорей
И тайны скрытые яви для всех людей.

Кудрями и лицом зажги огонь ты в солнце,
Луну кругами ты златистыми обвей.

Смятенье и тоску ты подними повсюду.
И страшный суд устрой ты по вселенной всей.

Сомнений корни всех ты в истинности бога—
Все вырви, а потом их по ветру рассей.

Свой аромат в Хатай отправь, и пусть там зависть
Сжигает кабаргу среди ее степей.

Ежесекундно ты немного аромата
От локонов твоих на розы сада лей.

Влюбленный в кипарис—ты голову скорее
К его ногам бросай, о жизни не жалей!

Любовь к возлюбленной—то целый клад жемчужин.
Ты страстью к жемчугам любимой пламеней!

О чашник! Сельсебиль, Ковсар—твои подвалы.
Ковсара воду ты в кувшин себе налей.

Откупори кувшин, от жажды мы страдаем,
О виночерпий наш, не забывай друзей!

О мира сущности таинственная птица,
О тридцати двух птиц крылатых чародей—

Мы—это Дух Святой, мы—Имя всех Имен,
Дух, им же был Адам от бога вдохновен.

VIII

Мы тайны всех имен храним и бережем,
Всех именуемых мы суть в себе несем.

Не видное в воде и скрытое в пыли—
Мы в родинке, в чертах красавицы найдем.

Нет в мире красоты соперников тебе,
Кто б схож был обликом с тобой иль существом.

Мы—это тот корабль, в котором собрались
Все семь морей земли в величии своем.

Источник сущего на свете—ты один.
На свете Истины мы не найдем в другом.

Где жемчуг Истины? Хранится в море он,
А море в сердце, знай—и там жемчужин дом.

Коль бога хочешь ты по правде лицезреть—
То буквы тридцать две ищи в лице своем.

Очисти зеркало и сердцем чист пребудь,
Коль хочешь встретиться с любимым ты лицом.

Увы, ты Истины сегодня не узришь,
Ты, что прельщаешься грядущим Судным днем.

Лишь к лику дорогой—мой идол только он—
Как к Кыбле красоты, мы каждый час идем.

Из той же, Насими, мы глины, что Адам,
И ощущаем мы всем нашим бытием:

Мы—это Дух Святой, мы—Имя всех Имен,
Дух, им же был Адам от бога вдохновен.

IX

Нам вечного вина подай, о чашник мой,
Влюбленных пламенных ты душу успокой.

Как в чреве лунном путь порой свершает солнце,
По морю жизни, друг, ты правь кораблик свой.

Любовью пусть душа всегда согретой будет,
Пусть будет зрячим глаз от влаги золотой.

Все вещи на земле в конечном счете тленны,
И лишь в любви к тебе нет тленности земной.

В воде или в огне—где б мы ни находились,
Но с нами он всегда, твой облик дорогой.

Ах, сколько лью я слез—песка в пустыне меньше,
Воды не столько, знай, в пучине есть морской.

Жестоким сердцем ты и любишь ты некрепко,
Но совершенством кто сравняется с тобой?

Богат безмерно я, хоть у меня—лишь сердце,
И сердце, хоть мое, однако не со мной.

Я пьян. Меж ночью, днем различья я не вижу.
Меж левой разницы и правой стороной.

Коль внемлешь, наконец, моим стенаньям горьким,
Застонешь только ты от муки роковой.

Невыносимую я нес доселе ношу,
И больше не стерплю я тяжести такой!

Твои уста—рубин вином я называю,
Дай мне вина скорей из чаши неземной.

О чашник! Дай вина ты Насими скорее,
Пусть охладит твое вино сердечный зной.—

Мы—это дух Святой, мы—Имя всех Имен,
Дух, им же был Адам от бога вдохновен.

Касблгбл

Тазелл

Именем владыки всеблагого, что дарит нам милость и покой,
Тайна бытия известна стала лишь по воле господя святой!

Именем создателя, который чист от скверны тварей всех земных,
Именем влюбленного, который—слиться с ним—живет одной мечтой!

Именем судьи, что приказал нам мудрости дорогою идти,
Что приемлет робкие молитвы всех, просящих с чистою душой!

Именем создателя небесной крепости, что ангел посетил,
Все изведав таинства восхода и заката на тропе такой!

Именем того, что волей бога стал великим мудрецом, кому
Сам господь велел: «Имен все тайны мыслью ты пытливою открой!»

Именем великим человека—ангелов наставника, того
Кто о буквах основал ученье, «лам», а с ним и «би» поставил в строй:

Именем пророков, что являлись в этот мир и уходили вновь,
Именем наместников, которым тайну слов вручил господь благой.

Именем Мухаммеда, что вышел из народа, а однажды в ночь
На престол поднялся, что вознесся много выше высоты любой.

Именем наместника аллаха, что с самим Мухаммедом един—
То Али, то сын Абу-Талиба, вознесенный дивною судьбой.

Нам Али являет речь господню, бога он наместник на земле,
Он—хранитель дивных тайн пророка, предводитель, что ведет нас в бой.

Он—пророка милость, воплощенье образа Аллаха на земле,
Что б он ни сказал, тому перечить ты не смей, ведь это грех большой.

Эти письма благоухают, словно мускус, словно кудри дев,
И лица они гласят все тайны, как в ночь Ид светил блестящих рой.

И Адам-Али, Мухаммед он же, он ведет нас праведным путем.
И его Мухаммедом Народным мы зовем, Исою и Мусой.

Было сказано: «Твое дыханье—это и дыхание мое!»
«Кровь твоя—то кровь моя!»—и этой истины ты от себя не скрой!

Так изрек господь: «В моих посланьях скрыта тайна дивная Его».
А потом воскликнул: «Будь доволен, доблестный Али! Ведь ты со мной!»

Кто же, кроме господя, владеет совершенным знаньем об Али?
Кто, кроме Али, постиг всю сущность истины, покрытой пеленой?

Ведь Али и Хызр, пророк Зеленый, и пророк почтенный Ибрагим,
Он и Нух, и сын он Сулеймана, правильно зовут его Яхьей!

Изречением Али, клянусь я: «Я—Аллаха пресвятого речь!»—
И покороен мир весь сотворенный этой речи грозной и святой.

Обладает черным он и белым, птицами владеет и зверьми,
Властвует над небом и землею и меж них царящей высотой.

Все, что говорит, молчит на свете— это образ речи божества.
Люди, вещи овладели речью лишь по воле бога огневой.

Освещает древние писанья благосклонно сущность божества.
Для нее лишь содержанье важно, облик может тот быть и другой.

Человек, рожденный прахом—это образ бога сущностью своей.
С головы до ног он проявление красоты божественной живой.

Письмена божественные сходны с дивными чертами милых дев:
И они, всех лишены изъянов, чистою сияют красотой.

Человек, пророк—равны по сути, буквы тридцать две на лике их,
Но лишь бог поймет тот смысл глубокий, что стоит за каждою чертой.

От его лица в них амбра, мускус, ты их обязательно прочти,
Ибо в них увидишь суть всех истин, в них ты не увидишь лжи пустой

Коль письмен ты божьих не читаешь—ничего не прочитаешь ты.
Ты, в своем невежестве погрязший—мул, увязший в яме выгребной

Тот, кто лика истины не видит—вовсе ничего не видит он,
Кто он перед истинною верой?—Бедный и беспомощный слепой!

Тот, кто оком внутренним и внешним лик твой не узрит, о Фазуллах,
Будет всеми заклеимен невеждой, так он век окончит свой земной.

Счастлив, кто свои откроет вежды и увидит—истина пред ним.
Суть ее узрит и оболочку, ипостаси истины одной.

Так пророк сказал—«Себя познавший—господа познает также он!»
То сказать мы об Али лишь можем, господя он видел пред собой.

Даже волосок с лица пророка—нам о нем хадисы говорят—
Словно семикратная молитва Хаввы, славной дивной чистотой.

Если ты до сих пор не изведал, друг мой, доблестей души своей,
Ты—что идол, что изобразил я, взяв слова Али, как светоч свой!

Сущность господя—пойми же это!—из неразличаемых вещей,
Коль вещей ты тайны не познаешь, Истина закрыта пред тобой.

Бог—творец великий, всемогущий, Сущее все им сотворено,
Лишь господь единый всеобъемлющ, и всеведущ лишь господь благой.

Ты, кому пути не указали, как, скажи, дорогу ты найдешь,
Среди молодых и ветхих днями—к знанью кто покажет путь прямой?

Только мне о знаниях великих подобает речь вести—ведь я
Обладаю знающей душою и в глубинах знания я свой!

Речь моя—не та же ль речь Аллаха? Ведь по содержанию своему
Сходна с зеркалом она, в котором мир весь отражается земной.

Очи мои, волей Фазлуллаха, ясновиденьем наделены:
И язык красноречив—веленьем той же воли, в мире разлитой.

Я на нить стихов и прозы ясной нижу мысли-жемчуга свои,
Я наместника Аллаха славлю, мною прославлен бог всегда живой.

После достославного пророка самый главный для меня—Али:
И Коран, и бытия все тайны пред его раскрыты глубиной.

Стал после Али главою веры сын Али, Хасан, потом Хусейн,
Сын второй Али; он справедливо мучеников числится главой.

Следует имам Зайн, сын Ибада, а за ним Бакир, потом Садик,
Далее Муса, что сын Казима, и Али Феза, нам дорогой.

Далее идет Таки Мухаммед—славен он воздержностью своей.
И Али Таки, имам, который ликом ясным сходен был с луной.

Хасан Аскари идет за ними с львиным сердцем—кто его храбрей?
Он друзьям был другом самым верным, для врагов был смертью и грозой...

Далее Хасана сын Мухаммед, то Мессия — господин времен,
Он владыка толкований Книги, гордость бедняков в стране родной

Обнажив свой лик луноподобный, тайну он великую раскрыл,—
Почему на горизонте месяц надвое разломлен в час ночной...

Но пока мы к знанию стремились с помощью природы, а затем
Прибегая к точным силогизмам и зовя учителя порой—

Из отчизны тайных откровений до ушей усталого ума
Милостью священной Фазлуллаха голос вдруг донесся огневой:

«Насими! От дуновенья ветра из садов познания тебе
Знание я даю: оно похоже на гранит могучий, вековой».

Две-три капли бесконечной жизни дал мне океан небытия;
Жемчуга я тридцать два прекрасных там схватил дрожащею рукой

Словно Хызр могучий, обитаешь ты в жилище вечном, Насими.
И тебе ль печалиться, коль вдуло океан небытия волной?

А потом из высей вновь донесся этот голос мощный до меня,
Сердцем я своим его услышал и почувствовал его душой:

«Ведай ясно: есть и будет в мире лишь одно прибежище тебе,
Лишь четырнадцать благих имамов, что идут священной тропой!

Трепетною преданной рукою за полу Хайдара ты держись,
Ибо лишь ему меня придется созерцать в день Судный роковой».

Заклинаю письменами ликов всех мужей четырнадцати я
Книгами семью, что, словно амбра, льют целебный аромат рекой.—

Если беды на меня нахлынут, если тела сокрушат корабль,
К берегу семьи Али на щепке душу отнеси и успокой.

Сердце и душа мои любовью полны к лучезарному Али,
Получил ее я в дар от предков, от отца и матери родной.

Если смерть мне злым своим ударом голову от дела отделит,
Каждою души моей частицей полечу к Али я, в мир иной.

Не гордись общением с великим, знаниями, знакомствами—инчем,
Ибо в рай попасть никто не может без благих деяний за душой.

Если даже знаниями достоин будешь рай ты—все это тлен.
Лишь того, кто друг деяний, знания подружат с небесной высотой.

Та светом полная обитель, благословенный сад,
Гробница чистая, к которой молитвы всех летят,

Тот купол, что над всеми нами, как слава, вознесен,
Он—как гора, что достигает аллаховых палат.

Ты знаешь ли, что есть Кааба, куда несут мольбы?
То место гибели султана, что был и чист и свят.

Он был, что море совершенства, хранитель вечный тот
Жемчужина из моря вечности, бесценных знаний клад.

Наместник славного пророка, он был вселенной центр,
В чертоге бога восседает он средь святых услад.

Али—он двух миров владыка, имамов всех глава
И царь избранных, что в мире над прочими царят.

Лучи свои он прямо к солнцу, его сжигая, шлет.
Он—солнце той высокой башни, чье имя—имамат.

Он падишах владений ангелов, своею кровью он
Призвал людей избрать путь правды, что слаще всех наград.

Бесценный жемчуг моря мудрости, куда никто не мог
Найти дорогу, кроме тех, что ему служить хотят.

Великий шах, чьи гнев и милость—причина для людей
Стремленья в рай или боязни попасть в жестокий ад.

Он верно истину толкует, познания его,
Как знания посланца бога, не ведают преград.

Все ангелы тебе возносят хвалу, о господин,
Тот молится тебе, кто верой в высокое богат.

Творению отца и деда все жители небес
Все дни и ночи славословья прекрасные твердят.

Во славу лика, что так светел, и черноты волос,
Святые день и ночь читают «Ночь и заря»—аят.

Не каждый может славословить по-должному тебя—
Ведь сам творец хвалить и славить тебя всегда был рад.

Мухаммеда, Мусы по праву наследник ты прямой,
Листы Корана из Каабы тебе принадлежат.

Едва лишь к камню прикоснется на миг стопа твоя,
Ему все кланяются низко, ведь этот камень—свят.

Прах улицы твоей подобен целебной тутии,
Едва глаза им люди смажут—яснеет сразу взгляд.

Господь великий сам прославил твой род, твою семью,
Архангел Джабраил—он только слуга твоих палат.

Ведь дому твоему начало положено Али,
Пророк Мухаммед сам возглавил достойных предков ряд.

Господень глас: «Сюда входите!»—всечасно слышат те,
Что служат твоему чертогу, молитву в нем творят.

Чтецы божественного свитка лишь о тебе поют,
Что утро, отзвуки их гимнов в чертог небес летят.

В саду твоём так сладкогласно распелись соловьи!
Подобных птиц не знает даже чудесный райский сад.

Под сенью знамени Посланца идущий возгласил
К земному царству равнодушие, и в этом прав стократ.

В день воскресения из мертвых ученикам твоим
Достанется Ковсар прохладный и вечный райский сад.

Тому же, кто тебе перечит, став на твоём пути,
Тому наградой будет нижний, глубокий самый ад.

Ты—доказательство у бога, а мы перед тобой
Главой склонились, мы каламы, что письмена чертят.

О царь святых, хотя бы взглядом ты бедных одари,
Которых горе, муки, беды всечасно тяготят.

Твоя обитель исцеленье всем страждущим несет,
И жаждущим чудес, что стены ее в себе таят.

Хоть раз единый благосклонно ты на меня взгляни,
Пусть от любовного недуга меня излечит взгляд.

От бедствий времени все ищут убежища. И мы
У твоего величья просим спасенья от утрат.

Отец Хасана, мы к чертогу прибегнем твоему,
Великодушье, милосердье всегда к себе манят.

Мы—бедняки, ты—царь могучий, лелеющий рабов.
Ты—шах, а Насими ничтожный—он нищий, говорят.

Но все ж и он получит долю от щедрости твоей,
Хотя глаза его лишь слезы, как дар тебе, струят.

О бесконечности могучий владыка! Путь прямой
Лишь ты укажешь и простишь нас—ты милостью богат!

Господи, во имя природы твоей, во имя твоего могущества благого!
Вечен лишь ты из всех существ, тленность и суетность—у остального!

Господи, во имя пророков всех, всех посланников твоего величья,
Господи, во имя силы твоей, славы Избранного Святого!

Господи, во имя владыки двух миров и семьи его благословенной,
Господи, во имя знанья и добра Али, что стал Ислама основой.

Господи, во имя целомудрия Фатимы, чьей несказанной чистоты свидетель
Был сам пророк, подтверждавший это снова и опять, опять и снова.

Господи, во имя величия Хасана, доблестного брата его, Хусейна—
Один был загублен ядом злобы, в Кербеле замучили другого!

Господи, во имя сердечных мук Зейда аль-Абии, который ни разу
Реки своих слез не осушал за время пути своего земного.

Господи, во имя доблести и знаний Багира, что пророку подобен был,
Чье сердце разлуки не знало в век с богом, подателем хлеба дневного!

Господи, во имя чистоты бескрайней Джафара Садика, чье знанье святое
Опорой Ислама в этом мире служит, что блюл законы его сурово!

Господи, во имя заслуг Мусы, владыки великого, что в двух мирах
Был повелителем тварей всех и господином рода людского!

Господи, во имя Хорасани, мученика, чья обитель теперь
Служит Каабой молитв и нужд, людей, почитающих господу слово.

Кем гордится Али высокий род,—доблестного имама Резы,—
Что преемником стал самого Али—и мы не знали другого такого!

Господи, во имя набожного Таки, — кипариса вечного сада,
Розы блаженных имамов, что нас зовет к отречению от мирского!

Господи, во имя чистого естества Али Наби, что преемником был
Непорочного, чистого царя—Али, владыки всего живого.

Господи, во имя Хасана Аскера, что деяньями богу угоден был,
Никто не видел, таких, как он,—да в мире и не было другого.

Господи, во имя праведного Махди, которому люди все подражали,
Которому будут все подражать до трубы Исафила громовой.

Господи, во имя естества всех имамов, сущность которых ты сотворил
Чистой от всякой пагубной скверны, от порока, врага человеческого злого!—

К нуждам раба твоего снизойди и исцели его от болезней,
Перед Каабой спасенья упав, он просит о милости бога благого.

Прости милосердно его грехи, просьбы его удовлетвори,
Людям милость твоя всегда оказать снисхожденье готова.

Раб Насими уповает лишь на милосердье твое всегда,
Удовлетворитель нужд всех людей, ты внимлешь их молчащему слову!

По великодушью своему ты милость свою протер на меня
И я до самого судного дня искать твоего буду только крова.

Господи, во имя рыданий, слез и молитв твоего Насими,
Прости его, твоего раба, за грехи добром воздай ему снова.

Обитателей всех медресе, ханакахов и обителей прочих, подобных им,
Я прошу разъяснить небольшие вопросы, что понять я хотел бы умом своим.

И того, кто мне правильно даст ответы и мудро сомненья мои разъяснит,
Я считать буду праведным, благочестивым, человеком, идущим путем пря-
мым.

Если ж он дать ответ мне на этот вопрос не сумеет, то меж ним и мертвым
разницы нет,
Ведь во все времена только доблесть и знания тебе право дают называться
живым.

В том вопросе, что я пред тобою поставлю, любомудрия и казуистики нет,
Не касается он сфер небесных далеких и небес, что крутятся по путям веко-
вым.

Веры вечных основ я не буду касаться, медицину и логику я обойду.
Морфология, синтаксис, стихосложение и поэзия—мы обо всем промолчим.

Не коснусь я их вовсе не за тем, что не сведущ, что не знаю я даже, как к
ним подойти,
Не фанатик я—в этом поверить мне можно—отрицать их не стану я с упор-
ством слепым.

Только эти предметы пред заветом пророков исчезают, как мусор, как пена
с воды.
Никакого они не имеют значенья для того, кто своим благочестьем храним.

Не обязан иметь по Корану те знания совершенный и разумом блещущий муж.
Знать все это, дабы мусульманами зваться, не обязан никто по законам святым.

Правда, новшества Закон запрещать не желает, хотя многие ложно иное твердят,
Но преданья, дошедшие к нам о пророке, не позволят нам домыслам верить таким.

Только лишь от того, что все новое знаешь, ты на знание истины не притязай—
Если скажешь, что истиной ты обладаешь, значит дружбу ведешь ты с шайтаном самим.

Ты сапожник, седельщик, колесник—прекрасно, что ж ты большего ищешь, покой потеряв?
Ты науку, невежество, лучше не трогай—ремеслом занимайся своим родовым.

Меж абсурдом и истиной, как ни ищи ты, но посредника ты все равно не найдешь.
Так меж верующим и неверным середины мы не сможем найти, и когда захотим.

Ты считаешь себя знатоком высших истин—но скажи, в чем ты видишь источник всех сфер?
Океана и времени круговорота? И себя знатоком ты считаешь большим?

А коль все твои знания просто нелепы с точки зрения истины, права, добра,—
Занести меч вражды над тобой я обязан, и не верить твоим обещаньям благим.

Так как сущности истины ты не изведал, точных знаний совсем не имеешь о ней,
Бесполезно тебя звать великим и малым, а вернее всего звать тебя никаким.

Одного волоска своего не познал ты и в глубокую сущность его не проник,
Как же можно причислить тебя, не лукавя, к людям знания, науки, которых мы чтим?

Словно див, света истины ты избегаешь и единого слова боишься ее,
А чалму надеваешь, чтоб скрыть свою сущность перед знатью, да и пред народом простым.

Как сказал наш пророк, что прославлен навеки, «Заблуждается пагубно тот человек,
Что свершает дела без опоры на знания»—он бессмысленно предан суетам земным.

Я с тобою поспорю о тексте Корана, ибо лишь толкованье его нам дает
Меру истинности или ложности мнений—к доказательствам можно ль прибегнуть иным?

Все твои доказательства малого стоят, и вместились в гранатовом зернышке все,
Видно,—ты, что граната зерно, и не больше, и всю сущность твою мы легко объясним.

Но, невеждою будучи, ты не уступишь ни в одном из вопросов, хотя мы тебе
Сотни доводов веских, неопровержимых, убедительных тьму доказательств дадим.

Если истинность всех доказательств не можешь ясным текстом Корана ты,
друг, подтвердить,
То причислить тебя мы к свободным не в силах и рабом тебя суетным провозгласим.

Ты сначала скажи, как себя осознал ты, ибо самосознание во все времена
Было лучшим путем, что вел к истине горней, и к вершинам ее недоступно-крутым.

Выражаясь словами Корана святого, тот, кто ведает, что означает душа,
Тот изведал суть истины самой глубокой, о заслугах его миру мы возвестим.

Что за мудрость сокрыта, прошу разъяснить мне, в семи сферах над нами
стоящих небес
И в крутящихся там семи дивных светилах, освещающих сферы огнем
золотым?

Может, вспомнишь иные слова ты господни—то, что дым всех на свете очи-
щает от зла,—
И огня неотъемлемой частью от века тот же самый является—знаем мы—
дым.

Из стихий четырех дым составлен от века, никого этим ныне нельзя
удивить,
Ну, а небо свободно от всякой стихии—чем мы это, скажите, друзья,
объясним?

«Сорок утр.—молвил бог,—я руками своими прах Адама, как лучшее
тесто, месил».
Это сказано в книге высокой—Коране, чьим великим заветам мы верить
спешим.

«Ну, а самую землю и семь сфер небесных за шесть дней сотворил я»—про-
молвил господь.
Проявивши тем самым свое совершенство перед миром небесным и пред
миром земным.

«Стоит мне изронить повеления слово, стоит «будь» мне промолвить—и
рок и судьба
Создают в один миг все, чего не желаю, повинуюсь могучим веленьям моим!»

В чем тут смысл «сорока» изъясниться изволь мне, и значение «утра» ско-
рей расскажи,
И что значит «своими руками»? Открой мне эту истину, я любопытством
томим.

Если бог наш великий вселенную создал, произнесши лишь слово короткое
«Будь!»,
В чем же смысл назначения точного срока, точных дней, о которых мы
память храним?

Если эти вопросы—а в них есть неясность—увязать ты сумеешь друг с
другом, тогда
Будешь ты раскрывателем тайн мироздания, разъяснителем истины людям
слепым.

Как ты мыслишь себе нахождение бога на небесном престоле, хотел бы я
знать,
Коль поверхность ума твоего не покрыта темнотою и облаком пыли густым.

Отношение между поверхностью вещи и меж тем, что лежит наверху—не
равно ль
Отношению меж содержанием и формой, что его выражает, коль сообразим?

Пальцы, ноги и бедра, голова, глаза, руки, бок, живот и спина, тело все
целиком,
О которых читаем в хадисах пророка, о которых в сказаниях мы говорим—

Ты их внешне лишь оболочкой словесной, а не внутренней сущностью оп-
ределяя,
А затем в их телесность уверовал свято, темнотою духовною руководим.

Иль таких толкователей ты и не ведал, кто бы слов оболочку отвергнул
совсем,
Понимая: она исказит содержание, от нее и прямейшее станет кривым?

А когда согласишься ты с их толкованьем, с положеньем таким согласишь-
ся—тогда
Почему ты не хочешь в суть дела проникнуть, в смысл всех слов, что за
их оболочкой таим?

Можно ль звать две руки двумя силами—молви? Кто такой ты, чтоб де-
лать так, мне расскажи!
Отчего у тебя эта смелость и наглость—не стесняешься ты перед оком
людским!

Ведь Посланник сказал хорошо, что в Корае в скрытом виде другой за-
танялся Коран.
Эту суть потаенную Милость Господня Фазлуллах развернул перед взором
живым.

Что за суть состоянья, когда две молитвы всемогущему сразу теряют свой
смысл,
Если на возносящего эти молитвы посторонний посмотрит с вопросом
немым?

В чем предания смысл, что в оковы и цепи в Судный день заключается по
воле судьбы
Лучезарная Книга и Свиток—скажи мне, как мы тайну такую себе
изьясним?

Обьясни мне и подлинный смысл этой книги, обязательность также яв-
ления ее, —
Ведь недаром господь тебя создал великим и венцом тебя сделал всем тва-
рям земным.

Если явится вдруг христианский священник и признается чистосердечно
тебе,
Что от всех заблуждений готов отказаться, только путь ему истинный необ-
ходим,

И попросит тебя: «Приведи из закона, и науки и слов Иисуса одно
Доказательство, что бытие твое нужно и полезно по этим законам благим!»
Раз он платит жизнью, как любой иноверец, убивать его, видимо, запрещено.
Как свою ты, любезный, докажешь полезность перед тем вопрошателем
столь непростым?

Если ты перед ним так беспомощен будешь, то меж вами не будет различья
совсем.
Ибо и тейлесан и зуннар зачастую только по подражанью бывает носим.
Ты мне тайну раскрой о верблюде Салиха,—ты же помнишь, Коран расска-
зал нам о нем.—
Почему он из сердца камней появился, мы какое тому объяснение дадим?
Почему изваял самарийский волшебник золотого тельца, чтоб народ
обмануть,
Почему не решил изваять он верблюда или коня или мула искусством своим?
Почему наш великий Посланник не ведал ни письма и ни чтенья, подобно
тебе,
Почему это все недостатком считали и прозвали его «Мухаммедом про-
стым»?

Если ты что-нибудь понимаешь на деле, смысл вопросов вот этих, будь добр,
разьясни,
Или камнем невежества голову людям не долби, оставаясь собою самим.

Очень многое ты и понять не способен, мы об этом не будем совсем говорить.
Но ты сущности духа не ведаешь вовсе—и об этом, конечно, мы не промол-
чим.

Неизвестна тебе изречения сущность: «Дух, глаголь!»—неспособен ты это
понять.
«Никому во вместилище духа нет места!»—Как слова эти, молви нам, мы
обьясним?

Мудрых века коль спросишь о сущности духа и о том, в чем содержится
суть бытия,—
То для них все такие вопросы нелепы, посмеются они над вопросом таким!

Коль Пророк для тебя не отличен нисколько от того, как он в общем воззренье живет,
Как по твоему, стал он главой всех пророков, почему он вознесся к высотам таким?

А еще нам раскрой: «Семь молитв»—что такое и содержится в чем сокровенный их смысл?

Если ты оседлал коня мудрости века, для тебя тот вопрос не вполне ль разрешим?

Почему-то повсюду всегда «семь масани», так же как «матерь книги» «фатихой» зовут.

Это значит, главой «открывающей книгу»,—почему ж это так, вот что знать мы хотим.

Если слово «масани» означает лишь только «ниспослание свитка»—почему же тогда

Просто так не сказать «ниспослание свитка», называя все именем явным своим?

Если слово «масани» решил применить ты, вспомнив о двух поклонах в молитве святой.—

То когда мы молитву с единым поклоном наречем вдруг «масани»—мы все извратим!

Расскажи мне, в чем сущность движения неба, что «расколом» небес мы зовем, расскажи.

Что ты скажешь о дне воскресенья из мертвых, как его объяснишь ты всем людям простым?

Почему не становится небо на землю, как движенье свое завершает оно?

Если ж так происходит, тогда почему же это в свитке не сказано, что мы так чтим?

Может быть, цель движения неба—одно лишь выявление частей всех, одной за другой.

Словно в свернутом свитке, что текст раскрывает постепенно, по букве, пред взором твоим?

Если неба и солища с луною движенье сходно с свитком развертывающимся—то

Дня и ночи и быть не должно бы на свете, вопреки всем явлениям зримым иным.

Но как ты назовешь день восстанья из мертвых, если ночи и дня нет на свете совсем?

Пусть Аллах сбережет нас от подобных воззрений, звук подобных речей для ушей нетерпим.

Дальше—если ты скажешь, что в правую сторону происходит вращенье земли, то тогда.

Значит, смысл весь различья меж правым и левым для тебя недоступен и непостижим.

Почему, расскажи, черный камень—Кааба, одесную аллаха, считают, лежит.

Коль ты сведущ действительно в древних хадисах, для тебя тот вопрос не легко ль разрешим?

Что такое божественный свет, расскажи мне, его сущность сумел ли постичь ты, скажи.

Если да, то в уме твоём должен храниться, смысл стихов удивительных, неизгладим.

Если имя и признаки господя видишь ты в явлениях всех, то тогда для тебя

Одинаковы любящий и любимый, лжец с обманутым не одинаково ль чтим?

Какое состояние вселенной бывает в час раскола луны—можешь ты объяснить?

Если знания ты пробным камнем владеешь, то не встанешь в тупик ты с вопросом моим.

Почему это в суре «Таха» из Корана выражение «молитва» употреблено?
Почему богом в ней «час» и «жезл» упомянуты, есть «Муса» там и есть так-
же «змей» вместе с ним?

Ведь известно тебе, что огонь есть источник выраженья «воистину я есть
алаах».
Что ж ты огнепоклонников, друг мой, стыдишься, презираешь их, гордостью
дикой палим?

Если б бог наш великий не сделал золою тот огонь, что зажег Ибрагим на
горе,
Неужели огонь цветником ему стал бы, гулистаном считал бы его Ибрагим?

Что за свойства дурные есть в сути явлений, что кошуном ты мог бы
спокойно назвать?
Разъясни мне, какое зеленое древо равносильно огню по расчетам твоим?

Почему бог себя показал в виде света на верху Тур-горы величавой Мусе?
Ведь Муса попросил его лик показать свой, только этим желанием был одер-
жим.

Бог поведал Мусе: «Если встанешь на месте, то тогда я тебе покажусь!»
Почему
Это стало условием явления бога—чтоб Муса стал на месте одном, недви-
жим?

Почему, ты скажи, в своей книге великой написал все отдельные буквы
господь
Слитно, вместе, соседние не отрывая? Эта тайна, поверь мне, под стать ост-
тальным.

У него там «алиф» может слитно писаться вместе с «би», да и с «я», а не так
как теперь,
Будто доску «абджада» неверные дали прямо недругам в руки коварным и
злым.

Если пишутся слитно эти буквы в Коране, в той ниспосланной господом
книге святой,
Почему же теперь в наших книгах обычных мы тот правильный способ
письма не храним?

Почему, коль «алиф» есть начальная буква, милосердный, могучий, великий
господь
С буквы «би» начал свиток священный Корана,—смысл той книги единст-
венной неисследим.

Почему наш пророк величавый и мудрый, что себе «Город Знаний» прозва-
ние дал,—
Льва Алия назвал того града вратами, что хотел он поведать сравньем
таким?

Удалился пророк наш из брэнного мира, и теперь и от града его и от врат
Остаются преданья, сказанья и речи, что запомнились близким, друзьям и
родным.

Если «града» его не постиг ты значенья и в заветную тайну его не проник,
Ты живешь, селянину подобно, вне града, подойти ты боишься к вратам
городским.

А бывало ли так, чтобы речи владыки и его вдохновенные выше слова
Мог понять чужеземец, что был непричастен и к делам и к реченьям про-
рока святым?

Сам господь не сказал, в чем же суть славословья ниспослания книги свя-
щенной с небес—
А причем здесь, скажи мне, семь отроков спящих, вместе с псом их таинст-
венным сторожевым?

Говоришь ты, что знаешь великие тайны и диковинных много изведал
вещей,—
Так раскрой же теперь суть вопросов, что выше изложил для тебя я дыхань-
ем одним.

Только тысячную я спросил тебя долю из вопросов, которые мог бы задать.
Ибо знаю—невежеством черным ты полон, опьяненный вином самоменья
хмельным.

Ты нам зернышки хитрости злобой бросаешь и силок воздержанья на
землю кладешь
И, незнания коня оседлавши, ты скачешь, сделав истину словом нелепым,
пустым.

Если смысл тебе истины тайной откроет кто-нибудь, вдохновенный желанье
ем добра,
Как на еретика, на него налетишь ты, крови жаждая злобно, с кинжалом
кривым.

Обусловлен восход настоящего солнца восхождением господина на небесах.
Сон беспечности что ж с своих глаз не стряхнешь ты, или сон твой действитель
но неодолим?

Благородные эти вопросы, поверь мне—это ребусы, волей господней даны.
Благодатную Милость Господню за эти мы загадки прекрасные благодарим.

Сотню мыслей глубоких найдешь в каждом слове, и у каждого тайный от
кроешь ты смысл.
Если ты, словно ангел пред Милостью Бога склонишь голову, полон востор
гом немым.

Если ж путь к разрешенью загадок чудесных будет вдруг, наконец, пред
тобою открыт,
Не беги, как лиса от могучего тигра, будь же в деле таком молодцом удалым.

Все разгадки загадок скрыты в городе знания, ты поэтому должен устре
миться в него,
Коль не хочешь погибнуть бесславною смертью, что всегда угрожает всем
невеждам слепым

Если в городе этом ты Али повстречаешь и сомненья свои ты изложишь ему,
То Али, властелин благодатной науки, все вопросы решит, вняв молениям
благим.

Благородный Али жемчуга дивных знаний—их ценней в этом мире что
можно найти?
Сыплет духу высоких пророков нисаром—ведь поток его щедрости неисто
щим.

Он, опору найдя в толкованье Корана, чистоту нашей веры неусыпно блю
дет,
Есть тому много сот доказательств бесспорных и свидетельств, известных и
своим и чужим

Так же, как над Саавой в зените познания сотни ангелов дивных летают
всегда —
Так владыку летучий Джафар осеняет в лучезарном полете крылом огне
вым.

Выражение: «Невидимо был я с пророками»—целиком отнести мы должны
лишь к Али.
Ибо он был знаток величайший Корана, в толковании тайн его неисто
щим.

Основанье шатра возвращения к богу безвозвратно разрушено было
людьми.
И его удалось вновь успешно воздвигнуть лишь стараньем Али, его знаньем
святым.

И в господних диванах писцом господина бога, как диплом на великую доб
лесть Али.
Обозначено: «Он лишь один может зваться в этом мире единственным веч
но живым!»

С той поры как вселенная стала подобна некоей точке крутящейся—с этой поры
Быстрый времени круговорот, словно циркуль, вокруг Али обращается кругом сплошным.

Как прекрасен цветник восхваленья достоинств, голистан прославления качества их!
В том саду сотни тысяч святых Джабраилов занимаются лишь прославлением твоим!

С той поры как гласит о любви к властелину всех покорных молитва: «Взываю к Али!»
Уповает весь мир, что ему ты поможешь, ты для каждого верного необходим.
Каждый, кто не признает, что ты—предводитель всех людей—настоящих и прошлых времен,
Пусть прижизненно, да и посмертно, навеки проклят господом будет великим, благим.

О тебе это сказано: «Царство вселенной лишь ему во владения я отдаю!»
Кто же может властителем быть всей вселенной, как не ты, что в сражениях неодолим?

С той поры, как твой враг стал врагом и аллаха, время с помощью яда жестоких невзгод
Корень жизни его все сильнее подрывает, приближая его к черным дням роковым.

О владыка всевидящий, в поисках вечных не ищу я высокого сана, чинов.
Не хочу я богатства, бесчисленных динаров, не стремлюсь я душою к шелкам доргим.

Я во имя жемчужины тайных желаний, с давних пор позабыв о покое, кружусь
Вкруг сухого и влажного, небосводу подобно, лишь стремлением к правде одной одержим.

⁶Посещал я мечеть, и михраб посещал я, и к отшельникам в хижины я заходил.
Рыскал по медресе и ханакам суфиев, поклонялся не раз я могилам святым—
Наконец осознал я со всей полнотою—твоя сущность—конечная цель для меня.
От вина самомненья вполне отрезвел я, и уже не бываю, как прежде, хмельным.
От привязанностей всех былых я отрекся, убедившись навеки, что счастье одно:
Пребывание в лоне всемогущего бога, что велик, удивителен, непостижим.
Хотя в списке достойных людей не отмечен и заслуг не имею пред тобой никаких.
Ты прими меня как одного из ничтожных слуг и верных рабов перед троном твоим.

По миру разлилась божья тайна, был весь мир взволнован, потрясен,
Но потом, прибегнув к Фазлуллаху, он изведаль тайну всех времен.

Жемчугом прекрасных изречений он наполнил лоно наших дней;
«Мир явился в самое мгновение, как «явись» ему промолвил он».

Лишь одним последователям Фазла тайны мира разрешить дано,
Нечисти назло и всем шайтанам,—кто, еще тем правом наделен?

Божья речь предметы охватила целиком. Послушай-ка ее:
«Говорить заставь нас!»—красноречьем будешь ты господним поражен.

Небо и земля и все на свете изменилось силою речей,—
Так обет последнего пророка был в конце концов осуществлен.

Как небес все редкостные свойства может изучить тот человек,
На кого Владыки красноречья благосклонный взгляд не обращен?

Тысячи чистейших душ под землю, не изведав счастья, отошли,
Ибо взгляд на них не обратил он, и не сбывся их заветный сон.

Красота сверхчувственного мира ныне перед нами расцвела,
Розоволанитною луною загорелся дивный небосклон.

До сих пор от мира скрыто было истины-красавицы лицо,
Взор людей от лика бога-правды был бесповоротно отвращен.

Но хвала творцу—по благодати Фазла все же Насими обрел
Жемчуг тот, единственный на свете, что в безбрежном море был взращен.

ПРИМЕЧАНИЯ

Газель 9.

«Делится надвое месяц». По мусульманскому поверию, в день Страшного суда месяц разделится надвое. Об этом сказано в Коране.

«тридцать две буквы святые». По мнению хуруфитов, все тридцать две буквы персидского алфавита обладали священной силой, как и двадцать восемь букв арабского алфавита.

«свистка лица твоего». Поэт здесь, как и в ряде других мест, сравнивает лицо любимой со свистком священной книги—Кораном. Поэт всюду выражает мнение, что человек сам по себе святее и выше любых святых книг.

«Исцеление»—одна из глав Корана.

«Ра-ра-ра-рай»—этими слогами поэт передает музыкальную мелодию. Он хочет сказать, что сущность бога—это музыка.

Газель 10.

«Исканье истины одно—для мусульман и христиан!»—Насими отрицает религиозные распри между людьми, он считает, что все люди—мусульмане, христиане и язычники—в равной степени могут быть хорошими или плохими, все зависит не от веры, а от их дел.

«Лишь в крае внешнего всегда есть разговор о «я» и «мы». Насими придерживается мнения о единстве человеческого рода, о том, что человек не должен себя противопоставлять обществу.

Газель 14.

«Адамов меч и семь письмен», «Адамов меч»—это меч, которым Адаму был открыт доступ в рай. «Семь письмен», — в арабском прозвище Адама «Сафий-ул-лах» («Избранник бога») семь букв. Говоря, что «адамов меч и семь письмен—это рай восемь ворот», Насими тем самым говорит, что как сам Адам, так и все люди достойны рая, отрицая теорию первородного греха.

Газель 15.

«Меня не узришь ты», «Разве мы не объясняли вам» и «открываем книгу»—строки из Корана.

Газель 17.

«Будь—и стало» («куи фа кан») — слова из Корана, рассказывающие о сотворении мира словами Аллаха. Насими хочет сказать, что земная жизнь намного лучше всех потусторонних чудес. Об этом же он говорит и в строках:

«Коль познать хочешь сущность бога и поглубже проникнуть в нее, Познакомься сперва с бесприметным ты, простым человеческим лицом». Это означает, что простое человеческое лицо выше любой божественной сущности.
«А», «Б», «Т» — три буквы, начинающие одну из сур Корана.

Газель 19.

«Семь святых молитв» («семь саламов») — семь аятов Корана, в которых встречается слово «мир» («салам») и которые, по поверью, исцеляют от болезней.
«Поистине, я бог» («Ана-ль-хакк») — возглас хуруфитов, последователей Фазула-лаха Намми, в том числе и Насими, которые считали, что каждый человек является воплощением бога.

Газель 20.

Иносказательно: «свеча» — бог, «мотылек» — душа, стремящаяся к богу, как к свету свечи, и сгорающая на ней. Иными словами, последователь Фазла сам стал богом.

Газель 21.

«На пути к Каабе лика где же первая стоянка? То отказ от эгоизма и от мира остального». Насими обыгрывает здесь суфийскую терминологию, в соответствии с которой для соединения с богом путник должен пройти определенный путь («тарикат»), на котором имеются стоянки. Но Насими сравнивает с богом лицо красавицы и говорит, что для того, чтобы быть любимым ею, необходимо отказаться от себя и от всего остального мира.

Газель 32.

«Крепкие узы», «Опора непоколебимая», «моих земель необъятна ширь» — выражения из Корана.

Газель 35.

«Разницы я между бутханой и Каабой, право, не вижу — Уззе я поклоняться не стал, Лата не чу, кумира людского». Насими в этих строках утверждает, что главное в человеке — это его внутренние убеждения, а высочайшие святыни мусульман, такие, как Кааба — это только материальные предметы, которые своей «святостью» ничем не отличаются от «святости» языческих идолов Уззы и Лата.

Газель 40.

«Великое имя» — имя Аллаха.

Газель 41.

«Родинка ее, как будто точка в слове «нам». Буква персидского алфавита «и» (в слове «нам» — имя) имеет над собой точку. Красота любимой, воплощенная в родинке, столь совершенна, что восхищает ангелов и открывает им тайны познания имени.

Газель 42.

«Чудотворная рука». — По мусульманской легенде, Муса (Моисей) однажды положила свою руку на грудь и потом протянул ее, она была белой, сверкающей, превосходя по яркости солнце. «Жалящая змея» — по Корану, Муса бросил наземь посох и он превратился в змею.

Газель 55.

«Ночь так темна», «светла она» — фразы из Корана.

Газель 56.

«Напите их», «я был скрытым сокровищем» — выражения из Корана.

Газель 67.

Иммануил — у христиан одно из имен Иисуса. У мусульман — имя одного из пророков, современных Исе (Иисусу).

Газель 71.

«Бесприметного постиг приметы» — по Исламу, бог не обладает какими-либо внешними признаками.

Газель 75.

«К бгу я пришел — зачем мне Тур, древо с сенью огневой — на что мне?» см. Тур-гора.

Газель 76.

«Синяя власяница» — одеяние мусульманских аскетов.

Газель 82.

«О ты, оставивший лик ее и на Прямой перешедший путь». «Прямой путь» — путь, ведущий к непосредственному соединению с богом. Смысл этих слов — истинное блаженство заключается не в выполнении суфийских предписаний, а в стремлении к любви.

Весь смысл данной газели—в том, что высшим существом в мире является человек, стоящий выше всех религий.

Газель 85.

«Учитель имен»—одно из прозвищ халифа Али.

Газель 111.

«С помощью букв наших—«Айн», «Лам» и «Мим» смысл сотворения мира пойми» и т. д.

Из букв «айн», «лам» и «мим» составляется слово «илм»—наука, знание. Если после «айна» вставить «алиф», то получится слово «алем»—мир. Иными словами, Насими говорит о великой роли знания в творчестве. Из букв «Фа» «Зед» и «Лам» получается слово «Фаза»—имя Насими, «Каф» и «Нун» составляют слово «кун»—«будь», которым бог сотворил мир. Насими верит в нескончаемые силы человека.

Газель 114.

«Прядь волос твоих индийских». «Индийский» в восточной поэзии—синоним черного.

Касыда 1.

В касыде Насими упоминает 12 правоверных имамов-шнитов, а именно: Али, Хасана, Хусейна, Али Зайна, Мухаммеда Бакира, Джафара Садики, Мусу, Али-Реза, Али-Мухаммеда, Али-Таки, Хасана Аскари и Мухаммеда, сына Хасана Аскари. Эти двенадцать имамов, по верованию шнитов, являются единственными законными правителями мусульман, а остальные—узурпаторы.

Касыда 3.

В этой касыде Насими упоминает о тех же 12 правоверных шнитских имамах.

Касыда 4.

В касыде Насими обращает внимание на многочисленные противоречия в Коране, критикует его антропоморфизм, но делает все это под видом глубокой веры в положение Корана.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

Аба— длинное одеяние, одежда потомков пророка Мухаммеда.

Абджед— азбука.

Абу-л-Фазл— прозвище Аттара, автора аллегорической поэмы «Язык птиц».

Абу-Талиб— отец Али, дядя Мухаммеда.

Адам— по Корану и Библии, — первый человек, муж Евы (Хаввы).

Адхам— конь Ибрахиима, по Корану.

Аззил— одно из имен дьявола, Иблис.

Азер— отец Ибрахиима; был ваятелем идолов.

Аза (Уза)— одно из домусульманских божеств арабов.

Айван— пераида, балкон.

Айн— название одной из букв арабского алфавита, обозначает «глаз».

Али— арабский халиф, муж дочери Мухаммеда Фатимы.

Алиф— название первой буквы арабского алфавита, по начертанию представляет собой вертикальную черту; в поэзии—символ стройности.

Алконост— см. Аика.

Амбра— воскообразное пахучее вещество: используется как ароматическое средство.

«Ана-ль-Хакк»— «Я есмь бог», пантеистический девиз хуруфитов, означающий отождествление каждого человека с богом.

Аика (Алконост)— сказочная птица, живущая на краю света, на горе Каф. Алконост никому не показывается и ведет уединенный образ жизни.

Ариф— мудрец, «просвещенный».

Амед— букв.: «похвальный»; один из многочисленных эпитетов, сопровождающих имя пророка Мухаммеда.

Аяз— любимый раб султана Махмуда Газневидского, славившийся своей красотой.

Аят— букв.: «чудо», «знамение», «знак». Так называются стихи Корана.

Бабил— Вавилон. По преданию, в Вавилоне жили чародей Харут и Марут.

Багдад— столица Арабского Ирака.

Банг— гашиш.

Барат— см. Кадр.

Бахрам— планета Марс.

Би— буква «б».

Бисмиллах— «Во имя бога»— начало молитвы.

Божья Благодать— см. Насими.

Бурак— легендарный конь пророка Мухаммеда, на котором он якобы совершил свое вознесение при жизни в чертоги бога (Мирадж).

Бутхана— храм идолопоклонников.

Васан— один из домусульманских идолов.

Воскресение— мусульмане, как и христиане, считали, что в этот день мертвые возвращаются к жизни.

Газель — широко распространенная форма лирического стихотворения на Востоке, как правило, газель состоит из 6, 7, 8, 9, 10 двустиший. Первые две строчки газели рифмуются между собою, и на эту же рифму кончается каждая четная строка. В последнем двустишии обязательно упоминается имя автора. Обычно газели пелись под аккомпанемент струнного инструмента.

Гамаюн (Хума) — феникс, легендарная птица, приносящая счастье людям. По легенде, на кого падет тень гамаюна, — делается царем.

Гурии — вечно молодые, прекрасные райские девы.

Гусейн (Хусейн) — сын Али, один из имамов шиитской ветви мусульманской религии.

Гюлистан — цветник.

Джабраил — библейский Гавриил. Джабраил служит посредником между аллахом и его посланниками — пророками. По преданию, все священные книги принес на землю он.

Даджал — персонаж мусульманской мифологии, примерно то же, что и антихрист.

Даль — одна из букв арабского алфавита — «д», символ кривизны: с «далем» сравнивают согнутый стан, а также волнистый локоп.

Дастан — сказание, эпическая поэма.

Дервиш — бродяга, мусульманский странствующий монах, ведущий аскетический образ жизни. На Востоке существовали многочисленные дервишские ордена, которые по сути мало отличались друг от друга. Дервишизм на Востоке возник в конце VIII — начале IX века и особенно распространился в X и в последующие века. Дервишизм первоначально был своеобразным протестом против ортодоксального ислама и, следовательно, по отношению к действительности. Основным девизом дервишей было: умерщвление плоти, очищение души и, при помощи этого, познание бога, слияние с ним.

Джам — см. Джемшид.

Джафар — сын Абу-Талиба, двоюродный брат Мухаммеда.

Джейхун — Аму-Дарья.

Джемшид (Джам) — один из первых мифических царей Ирана, жизнь и деяния которого воспеты в эпосе «Шах-наме» Фирдоуси. В царствование Джамы, которое длилось семьсот лет, страна благоденствовала. У него была чудесная чаша, которая отражала все, что происходит в мире.

Дживья — налог, который платили христиане в мусульманских странах.

Джим — арабская буква «дж», символ кривизны.

Джинн — демон, злой дух.

Див (дэв) — демон, бес.

Дулдул — имя мугла Мухаммеда, которого он подарил Али.

Дух Святой — в мусульманской мифологии — Иса.

Дух — в мусульманской религии — обязательная милостыня.

Закят — в мусульманской религии — священный колодец в Мекке.

Замзам (земзем) — священный колодец в Мекке.

Захид — мусульманский аскет.

Зед — арабская буква «з».

Златоуст — в Коране — одно из прозвищ Исы.

Зулеха — жена влиятельного вельможи, влюбленная в Юсуфа, в символ красоты.

Зулат — легендарное царство тьмы, в котором находится источник «вод жизни».

Зульфикар — меч, который Мухаммед подарил Али.

Зуннар — грубый волосяной пояс, который носили христиане, подданные мусульманских правителей.

Зухра — планета Венера, а также традиционное божество домусульманской зороастрийской религии; образ красавицы.

Иблис — дьявол, сатана.

Ибрахим — библейский Авраам.

Ид — праздник вообще, а также сокращения слов Иду-ль-Кябир (Курбан-байрам) — праздник жертвоприношения.

Избранник — Мухаммед.

Имам — духовный глава мусульман: шииты признавали 12 правоверных имамов, перечисленных в одно из касид Насими.

Имен Создатель — бог.

Имран — отец пророка Мусы (Моисей).

Инжил — евангелие.

Иона — по Библии и Корану — святой, проглоченный китом и потом вышедший невредимым из его чрева.

Иса — (Дух Святой, Златоуст, сын Марьям (Марии)) — Иисус, причисляемый исламом к числу пророков, бывших до Мухаммеда. По Корану, Иса обладал способностью своим дыханием возвращать к жизни.

Искендер — Александр Македонский; по мусульманской религии, был одним из пророков до Мухаммеда.

Ислам — мусульманская религия и законодательство.

Исрафил — архангел, который по мусульманской мифологии, в день Страшного суда звуками своей трубы воскресил всех мертвых.

Истина (Хакк) — в арабском и персидском языках имеет религиозное значение — «бог», и философское значение — «истина».

Кааба — мечеть со священным черным камнем-метеоритом в Мекке; является священным местом мусульман. Паломничество, так называемый хадж, в Мекку в определенное время года и совершение там соответствующих религиозных обрядов считается одной из обязанностей всех мусульман, достигших совершеннолетия.

Кадр — в ночь Кадр (по-персидски, ночь Барат) — пятнадцатую ночь месяца Шабан, по преданию, учитываются все дела людей.

Кайсар — кесарь, император.

Капище — языческий храм.

Карун — легендарный богач, по Библии и Корану.

К а с ы д а — одна из древнейших поэтических форм в литературе народов Востока. Касыда впервые возникла в глубокой древности в арабской литературе, откуда и перешла к иранским и тюркским народам. Объем касыды не подчиняется определенному закону. Она пишется на одну рифму, и количество строк колеблется от 30 до 300. Схема рифмовки такова: аа, ба, га, да и т. д. Каф — см. Айка.

К а ф и **Н у н** — арабские буквы «к» и «н», из сочетания которых складывается слово «кун» — «да будет»: слова, по Корану, произнесенные богом при сотворении мира.

К е б а б — шашлык, жаркое.

К е й — Кубад — легендарный персидский царь.

К е р б е л а — город в Ираке, один из священных городов мусульман-шиитов. В Кербеле находится гробница Гусейна.

К е с р а — арабское прозвище имени Хосров.

К и п ч а к — тюркская народность (половцы).

К н и г а — обычно под «Книгой» имеется в виду Коран.

К о в с а р — река, протекающая в раю.

К о р а н (также «Фуркан», «Книга») — священное писание мусульман, якобы ниспосланное богом Мухаммеду. В Коране имеются 114 глав — с у р; каждая с у р а состоит из стихов-а я т о в.

К ы б л а — сторона, к которой обращаются лицом мусульмане при молитве; направление к Мекке, переноси.: святыня, идеал.

Л а л — рубин; в поэзии синоним алых губ.

Л а м — название буквы в арабском алфавите «л», изображается в виде завитка; символизирует кудри. «Лам» и «би» составляют слово «лаб» — губы.

Л а т — один из идолов, которым поклонялись арабы-язычники в доисламский период.

Л е й л и (**Л е й л а**) — героиня известной легенды «Лейли и Меджнун», в классической поэзии — образ идеальной возлюбленной.

М а г р и б (**З а п а д**) — Северная Африка.

М а н и — легендарный китайский художник.

«М а н Л а д а н» — название одного из аятов Неряна.

М а н с у р — Хусейн ибн-Мансур аль-Халладж, персидский поэт-суфий; был казнен за провозглашение формулы «Ана-ль-хакк» — «Я есмь бог».

М а р ь я м — библейская дева Мария; мать Исы (Иисуса Христа).

М а с а н и — букв. «повторение» — одно из названий Корана, а также отдельных молитв из него.

М а с и х — Мессия; прозвище Исы (Иисуса).

М а т ь к н и г — Коран, по другим толкованиям — первая глава Корана, **Ф а т и х а**.

М а х м у д — султан царства гасневидов, при котором жил Фирдоуси.

М е д ж и н у н — букв. арабск.: «одержимый»; прозвище Кайса из племени Бени-Амир, героя арабской легенды о трагической гибели двух влюбленных, послужившей сюжетом для многих произведений восточной поэзии. Меджнун — символ одержимого любовью.

М е д и н а — город в Саудовской Аравии, второй после Мекки священный город мусульман.

М е д р е с е — духовная высшая школа у мусульман.

М е к к а — город в Саудовской Аравии, родина пророка Мухаммеда, является главным местом паломничества мусульман; в Мекке находится храм Кааба.

М и л о с т ь б о ж ь я (**Ф а з л - у л - л а х**) — перевод имени Наими.

М и м — одна из арабских букв. Символ красивого, маленького рта.

М и н б а р — кафедра проповедника в мечети, переноси. — крутая дуга бровей.

М и р а д ж — легендарное восхождение Мухаммеда на небо при жизни.

М и с р — Египет.

М и х р а б — ниша во внутренней стене мечети, указывающая в какую сторону надлежит обращаться верующим во время молитвы.

М у г — маг (огнепоклонник). Мугское вино — вино, которое употребляли огнепоклонники. (У мусульман вино официально было запрещено, и в кабаках вино продавали муги.)

М у с а — библейский Моисей; по Корану — один из пророков. Согласно библейской легенде, нашедшей отражение в Коране, на горе Тур, в Святой долине, бог явился Мусе (Моисею), беседовал с ним и научил его творить чудеса. Жезл Мусы — жезл, брошенный Мусой на землю и превратившийся в змею.

М у с т а ф а — одно из прозвищ Мухаммеда.

М у х а м м е д (**М а г о м е т**) — пророк, основатель ислама. В мусульманской богословской традиции «величайший и последний пророк». Его звали «Мухаммедом народным» или «из народа», за то, что он был неграмотен.

М у ш т а р и (**Ю п и т е р**) — божество домосельской зороастрийской религии, изображается влюбленным в **З у х р у**.

Н а б а т — восточные сладости, леденцы.

Н а и м и (**Ф а з л у л л а х**, **Ф а з л**, **Ф а з л а х а к к**, **М и л о с т ь б о ж ь я**) — Фазлуллах Наими Табризи аль-Хуруфи (1340—1394), основоположник хуруфизма, духовный наставник и учитель Насими. Основные положения хуруфизма были изложены Наими в его философском трактате «Джавиданнаме» (досл.: «Книга о вечном»). Хуруфиты считали «Джавиданнаме» священной книгой. Слово «фазлуллах» означает: «божья благодать».

Н а м а з — обязательный мусульманский молитвенный ритуал, совершаемый пять раз в день.

Н а с и м — ветерок; иногда употребляется в виде синонима прозвища поэта.

Н е й — разновидность флейты.

Н и м р у д (**б и б л е й с к и й Н е м в р о д**) — легендарный царь, преследователь Ибрагима (Авраама), бросивший его в огонь, из которого он был чудесно спасен архангелом Джабраном.

Н и с а р — цветы или драгоценности, бросаемые под ноги в знак восхищения.

Н о й — см. Нух.

Н о ч ь о т к р о в е н и я — см. Кадр.

Нун — арабская буква «н», по форме напоминающая брови.
Нух — библейский Ной, мифический персонаж, который спасся от всемирного потопа, построив себе корабль («ковчег»).
Осаина — слава!
Пери — райская красавица.
Рейхан — базилик, пахучая трава.
Ринд — гуляка; так называли также мистика, опьяненного любовью к богу.
Рубаб — струнный инструмент.
Рум — так называли в средние века Византию и ее владения, а позднее — Турцию.
Рыба — по мусульманским преданиям, земля покоилась на громадной рыбе.
Салих — по Корану, один из пророков; язычники убили его верблюда и были за это наказаны.
Самад — «вечный» — одно из имен бога.
Самари — легендарный ваятель, волшебник. Он изваял золотого тельца для народа Израэля.
Самарийский волшебник — см. Самари.
Санджар — последний султан государства Великих Сельджуков в Хорасане.
Сельсэбиль — источник в раю.
Сиджин — книга, в которой записываются дурные поступки людей.
Сидр-уль-Мунтиха («лотос крайнего предела») — легендарное дерево, растущее в небе, близ жилища Аллаха.
Синай — см. Тур-гора.
Сират — мост через ад в рай. В Коране сказано, что после Судного дня по этому мосту должны пройти все люди. Грешники не могут его преодолеть и попадают в ад, а праведники спокойно проходят в рай.
Сулейман — библейский царь Соломон; по преданию, ему было известно тайственное «высшее имя» бога. Оно было вырезано у него на перстне, и, владея этим перстнем, Сулейман знал языки всех зверей и птиц; он был также обладателем несметных сокровищ.
Сура — глава Корана.
Сурьма — черная краска, которой подводят глаза; обладает и целбным свойством.
Суфий — средневековый аскет-мистик; суфизм носил пантеистический характер, проповедовал слияние с богом и растворение в нем; вместе с этим в суфизме имелись моменты социального протеста, осуждения стяжательства, гнета.
Тарикат — букв.: «путь»; в суфийском учении — путь для соединения верующего с богом. Путник, странник тариката — суфий.
Таха — название одной из глав Корана (по буквам «Та» и «Ха»). Значение этого слова неизвестно; некоторые комментаторы считают, что «Таха» — скрытое имя Мухаммеда.
Тирьяк — опиум.
Тора — «учение», «закон»; первые пять книг Библии — Пятикнижие. Религиозная традиция приписывает авторство Торы пророку Моисею (Мусе).

Туба — вечно молодое и вечнозеленое дерево в раю; в поэзии — символ стройности.
Тугра — монограмма, печать султана.
Тур-гора — в Коране название горы Синай, на которой Муса беседовал с богом, принявшего обличие огненного дерева (куста); на Тур-горе Ибрахим (Авраам) тоже видел бога.
Тутрия — род глазной мази, обладающей целебным свойством.
Уд — музыкальный инструмент.
Узаа (Азаа) — имя домусульманского идола.
Фа — буква «Ф»; из букв фа-зед-лем складывается имя Наими Фаза.
Фаза — то же, что Фазуллах; см. Наими.
Фазлуллах — см. Наими.
Фазлахх — то же, что Фазуллах; см. Наими.
Файл — творец (арабск.).
Факх — законовед.
Фараон — по Корану, царь Египта во время пребывания там Мусы.
Фархад — герой известной восточной легенды о Фархаде и Ширин, послужившей сюжетом для произведений многих писателей, символ стойкости, преданности, упорства.
Фатима — дочь Мухаммеда, жена Али.
Фатиха — (букв.: «открывающая») первая сура Корана.
Фетва — указ султана.
Фирон — фараон.
Фуркан — одно из имен Корана.
Хавва — библейская Ева, жена Адама.
Хадис — устное предание о Мухаммеде.
Хадж — паломничество, посещение святых мест праведными мусульманами.
Халил — (от Халил-ул-лах, друг бога) — прозвище Ибрахима (Авраама) в Коране.
Ханаан — местность, откуда происходит Иосиф Прекрасный (Юсуф).
Ханака (ханаках) — обитель суфийских аскетов.
Харут — имя одного из двух ангелов, часто упоминаемых в Коране (Харут и Марут). Согласно преданию, ангелы жаловались богу на испорченность людей, которых не могли исправить даже неоднократно посылаемые пророки. По приказу бога, ангелы избрали из своей среды Харута и Марута и получили им творить суд над людьми. Эти ангелы спустились на землю и долгое время добросовестно выполняли свои обязанности. Однажды к ним явилась женщина необычайной красоты по имени Зухра (Венера), Харут и Марут влюбились в Зухру и хотели соблазнить ее, но она мгновенно исчезла. Бог наказал обоих ангелов, низвергнув их в вавилонский колодезь, где они должны были пребывать до дня Страшного суда. Из глубины этого колодезя они обучают желающих магии. Зухра за свою чистоту и целомудрие вознесена на небо (планета Венера — покровительница музыки и красоты).
Хасани — один из шиитских имамов, сын Фатимы и Али, брат Гусейна (Хусейна).

Х а т а й — китайский Туркестан.
 Х а ф е з — человек знающий Коран наизусть и публично читающий его.
 Х а ш и м и т (х а ш и м и) — человек, принадлежащий к одному из родов, на кото-
 рые делились курейшиты—племя Мухаммеда; хашимиты считают себя потомками про-
 рока Мухаммеда; один из псевдонимов поэта Насими.

Х е й д а р — один из эпитетов Амира Али.

Х о р а с а н — северо-восточная часть иранского плоскогорья. В разные времена
 входил в состав разных государств и нередко пользовался почти самостоятельностью и
 управлялся эмирами-князьями, назначавшимися главами государств, в состав которого
 входил Хорасан.

Х о с р о в — иранский царь из династии Сасанидов, сын Ормузда IV, герой мно-
 гочисленных поэм восточных поэтов, которые воспели его любовь к красавице Ширин.
 Х у м а — см. Г а м а ю н.

Х ы з р — легендарный мусульманский пророк, не упоминаемый в числе канониче-
 ских пророков Корана и библии. По верованиям мусульман, Хызр, отыскав подземный
 источник жизни и выпил из него воду, обрел бессмертие и покровительствует путникам,
 приходит на помощь погибающим от жажды на дорогах. Хызр является также символом
 мудрости. По преданию он облачен в зеленую одежду.

Ч а н г — струнный музыкальный инструмент, разновидность арфы.

Ч а ч — старинное название Ташкента, ранее славившегося изготовлением луков.

Ч и н — наименование Китая (обычно Южного).

Ч о в г а н — клюшка для конной игры в мяч (конное поло); часто с човганом
 сравнивают локоны красавицы.

Ш а й т а н — дьявол.

Ш а м — Сирия.

Ш а м с у д д и н — имя одного из суфийских имамов.

Ш а р и а т — совокупность правовых и религиозных норм у мусульман.

Ш е й х — первоначально обозначал: «старейшина, вождь племени», затем просто
 «старец», почетный титул, дававшийся поэтам, ученым, а также суфийским наставникам.

Ш е р б е т — сладкий, прохладительный напиток, также лекарство.

Ш и р и н — героиня легенды о Х о с р о в е и Ширин—жене Хосрова; в Ширин
 был влюблен Ф а р х а д.

Э д е м — рай.

Э л и к с и р — у арабов — философский камень, превращавший в золото все, что
 к нему прикоснется.

Э с р а — ночь Эсра, одно из наименований ночи К а д р.

Ю с у ф — библейский Иосиф, сын Якуба (Иакова), в поэзии—символ красоты.
 Старшие братья, ревнуя отца к нему, бросили его в колодезь, откуда он спасся. В Мисре
 (Египте) он стал приближенным царя, но жена одного из вельмож, Зулейха, влюбилась
 в него, и когда он не ответил на ее любовь, оклеветала его.

Я д ж у д ж — (библейский гог) — по Корану, имя сказочного злого народа, врага
 мусульман.

Я к у б — библейский Иаков, отец Иосифа (Юсуфа). Он ослеп от горя, думая, что
 Иосиф погиб.

ГАЗЕЛИ

Переводы А. Старостина

«И днем и ночью неотступно твой образ предо мной стоит...»	7
«Душа моя к стану стремится, что схож с величавой тубой...»	8
«Чашница! Покою нет душе, к лаалам я твоим тянусь...»	9
«Я от любви моей безмерной всегда кружусь, как небосвод...»	11
«Твои глаза от тихой жизни всегда к вину зовут меня...»	12
«И гурии и рай не нужны людям, покоришь только Истинны служенью...»	14
«На небосклоне уж утро проснулось — чашу по кругу пусти!...»	15
«О ты, чье лицо—точно чаша Джемшида, что мир отражает, зеркала ясней...»	17
«В единобожье разве есть высокий или низкий сан!...»	19
«О, что же случилось с красавицей, похитившей сердце мое?...»	20
«Твоя красота — как зеркало, что мир отражает собой...»	21
«Под ногами моими любовь к тебе роет яму жестоких бед...»	22
«Черты на скрижали лица твоего — то мать всех алаховых книг...»	23
«Как прекрасна ночь твоих кудрей! И во сне не увидать такой!...»	24
«На лике твоём не глицинты—паланкин из солнечных лучей...»	25
«Мы—небесная птица Анка и на Каф-горе мы живем...»	27
«Воды живой источник вечный—твой сладчайшие уста...»	28
«Ты совершенства средоточье, им мир весь чувственный объят...»	30
«К Каабе твоей красоты прикован, как к Кыбле, мой взгляд...»	32
«Глаз твой порождает смуты, брови—бедствия основа...»	33
«Для бытия образец хижина наша давно...»	34
«Огню любви к тебе господь меня обрек еще тогда...»	35
«Без тебя не насладится сердце ни землей, ни даже небесами...»	37
«Лик твой—то престол чудесный неба,—сам Имен Создатель подтвердит...»	38
«Добронравье навек позабыв, от меня дорога уходит...»	40
«Я сказал: «О дивная красавица, твои кудри удивительно прекрасны!...»	41
«Кто влюблен в тебя, пред тем весь мир вечно расцветает по-особому...»	42
«Жизнь жизнерадостных людей любовью радостна одной...»	44
«Я вижу, что моим недугом моя любовь огорчена...»	45
«Милая моя, иди ко мне, жизнь моя — страданье без тебя...»	46
«Пусть превратится в прах голова, что страстью к тебе не одержима!...»	47
«Ты прекрасней гурий рая, странного немного в том...»	48
«Мечеть, кабак, Кааба, бутхана — ведь это все, сказать дерзну — одно...»	49
«Качества внешние твои — то всего сущего в мире основа...»	50
«О сердце, мученья, страданья терпи, раз попало ты во владенья ес...»	52

«Любовь к тебе — беда, которой весь мир полуденный разорен...»	53
«Продливайте кровавые слезы, глаза, ведь красавица, сердцу родная, уходит...»	54
«С тех пор, как очи милой стали полны пьянящим волшебством...»	55
«Знаешь, где свое начало весь наш мир берет?...»	57
«Знаешь, где свое начало весь наш мир берет?...»	58
«Начерта роднику чудесно на щеке твоей творца десница...»	59
«Лишь глаза, что бога могут видеть, могут, перьте мне, мой лик узреть...»	60
«Дорогая, приди! Без тебя этой жизни мученье не нужно?...»	61
«В голове — любовь, а без любви для него мне голова нужна?...»	62
«Коль моя Луна взойдет на небе, словно месяц красоты нетленной...»	63
«Сводил мой разум с ума страсть к твоим черным кудрям...»	64
«С удачи твоей ухожу с тоской — счастья желаю тебе!...»	65
«Прекрасный твой лик губит души нещадно, сердца всех влюбленных жестоко томит...»	67
«Коль убитый любовью к тебе должен плату за кровь получить...»	68
«Всех влюбленных привлекает твой прекрасный, ясный лик...»	69
«О виночерпий, дай хмельному кубок,—пусть будет доинной гущей полон он!...»	70
«В погребок любви меня в некий день, других ясней...»	71
«Особая, дивная красота у роз твоих обольстительных щек...»	72
«На небосклоне вчер, поднялась сладкая наша луна снова...»	73
«Раб узаконенный ты, коль твой идол на самого тебя внешне похож...»	74
«Уповай на господнюю милость, о сердце, в час разлуки лихой не горюй...»	78
«Весь мир озаряют лучи золотые лица, что, как солнце, светло поднялось...»	80
«Коль блеснет передо мною-мною яркое-кое ее лицо схоже с солнцем и луной-луною, то весь мир затмит она-она...»	81
«Я голову ратника свою опять к твоему порогу кладу...»	83
«Ты о приметах птицы Анки меня—ведь я всегда летаю над белоглавой Каф-то-рой — расспрашивай...»	85
«Похищать сердца умеют кудри милой, ненаглядной — и не только!...»	86
«Запечатлен твой образ дивный в душе моей, как на скрижали...»	87
«Хоть суфий во власянице ходит, только чистоты он не обрел...»	88
«Пред сладостью уст твоих опечалился сахар — ведь он с изыном!...»	89
«Ветерок! Любимая моя, знаешь ты, чутка необычайно...»	90
«От глаз твоих, бровей — я в восхищенье, от родинки и локонов в огне...»	91
«Лик твой — то дорога, что ведет нас к богу, направленья не меняя...»	93
«Розы-розы цветут-цветут-цветут...»	94
«Ее лик—то скрижаль золотая господня, а от родинки нежной, кудрей черноты...»	96
«Меня угнетает лишь одно—лишь только игривый взгляд—и все!...»	97
«Мой кумир! Я оттиск всех рисунков, что чертит рука твоя, светла...»	98
«Я—двухнедельная луна, что ярко на небесах души всегда блестит...»	100
«Я — вездесущий каад; в пространстве, мир заполняя, нев мешусь...»	102
«Во сне я взгляд ее бездонный вижу...»	103
«Фазлуллах стал другом мне теперь, и теперь уж друг другой на что мне?...»	103

«Что мне толку в синей власянице, мне она безмерно надоела...»	105
«Я с помощью бога дорогу в господни селенья нашел...»	106
«Господень лик — прекрасное лицо моей любимой и бесценной — знаю...»	107
«Я охмелею, о виночерпий мой, ты дай мне чашу Джамы золотую...»	108
«Я—то сокровище, в чьих тайных недрах сокровищ тысячи заключены...»	109
«Жемчуга сокровищницы Истины — так пред миром выступаем мы...»	111
«О ты, оставивший лик ее и на Прямой перешедший Путь...»	112
«В питейном доме старые наставники, мы в кабаке и день и ночь живем...»	113
«Конечная цель всего мироздания—мы...»	114
«С помощью бога прозрели мы, на путь познания вступили мы...»	115
«С тех пор, как взгляд мой просветлел, освещенный солнцем—ее лицом...»	116
«Клянусь твоею солнечной красой, тебя лишь знаю я—одну Луну...»	118
«Я в ладу со счастливой судьбой, свидений царица со мной...»	120
«Роза стала блеклой от смущенья перед красотой твоих ланит...»	121
«Пусть явится ночью ко мне светильник, души моей диво...»	122
«Твой рот — фисташка, радости залог...»	123
«Молвила ты мне: «В любви, дорогой мой, можешь ценой головы преуспеть!...»	124
«Мой язык твои уста-рубины, милая, не может описать...»	126
«На улице милой моей можно только с печалью в душе, со слезами идти...»	127
«Ты кокетка, хитрая красавица, и тебе уловки все известны...»	128
«Праздник разговенья наступил, подавай же чистого вина...»	129
«Пусть от себя отречётся сначала тот, кто стремится к единству с любимой...»	131
«Тот, кто возлюбленного ищет, сначала стать влюбленным должен...»	133
«Кумир наш с такой красотой с лица пусть лишь скинет покров...»	135
«Когда из-за туч—покрывала ее—однажды луна моя в блеске взойдет...»	136
«Приди, о каад наш бесконечный, нас, как себя, обогати...»	138
«Виночерпий, спеши, торопись, подошла время розам цвести...»	140
«О сердце, коль ты опять в любви, то к благам мира бранным не стремись...»	141
«Если к локонам любимой ты намрено стремиться, — сердце, не вздыхай...»	143
«Коль страсти предаться ты хочешь, то лучше едва ли найдешь той волшебницы милой...»	145
«Я б назвал лицо твое луной, но луна такая где взойдет?...»	147
«О кумир, лицо твое—лик бога, я от этого не отступлюсь...»	149
«Никогда любви к моей любимой ни на миг я не смогу забыть...»	150
«Когда ты к вечности стремишься, друг мой—небитая сверканье ищи...»	151
«Если чисто сердца твоего зеркало—ты, что вечной жаждой свидания объят!...»	153
«Двойственность — грех, откажись от нее, к единобожию, к единству стремись...»	155
«Кумир мой чернокудрый, истомлен я без локонов твоих,—клянусь тобой!...»	157
«Измучили вовсе сердце людей как лук разящие брони...»	159
«Где луна, влюбленного такого, на меня похожего, найдешь?...»	160
«О влюбленного сердце—из уст дорогого пророненному слову влюбленно внимаю...»	162
«Чарной точкой из чистой амбры ты свежеть розы своей оттенила...»	164

«Красивой мускусной чертою свою Луну ты очертила...»	165
«Закрутила страсть к кудрям ее бедное мое существование...»	166
Переводы Т. Стрешневой	
«Зачем мне душу из снаков кудрей твоих освобождать?..»	171
«Ты рождена для поклоненья, свет красоты твоей высок...»	172
«Когда упало покрывало, являя миру лунный лик...»	173
«Увидев юный полумесец, я вспомнил о бровях твоих...»	174
«Когда о красоте твоей мова везде прошла звеня...»	175
«О, совершенная моя, жестокой быть — дурной обычай...»	176
«Есть у меня твои глаза и чаше мне иной не надо...»	177
«Свеченье лика твоего клеймило сердце мне клеймом...»	178
«Одним провидцам выпал дар узнать любви священной цену...»	179
«Любовью чистой, как восход, я был пленен еще тогда...»	180
«О мученнях больного кто родной моей расскажет?..»	182
«Сумеет сердце боль таить без содроганья? Нет, не может...»	183
«От тебя в подлунном мире постоянства ждать нельзя...»	184
«Когда любимое чело на небосводе засияло...»	185
«Не может царствовать тот шах, который не был бедняком...»	186
«Кто о терзаниях души тебе, далекий мой, расскажет?..»	187
«Когда о ней ведет рассказ новорожденная луна...»	188
«Как я измучился тобой, кумир, красотою осиян!..»	189
«Вернись ко мне, здесь без тебя моя печаль невыразима...»	190
«Сердцем издавна владеет перлинка одна...»	191
«Аллах, не солнца ли взшло, окрасив огненно восток?..»	192
«Душа моя, приди ко мне, мгновенье без тебя — ничто...»	193
«Где скрылся добрый тот гонец, что передать привет мне смог...»	194
«Лик, ты избран был из многих, просветленною душой...»	196
«Я ей сказала: «В твоих кудрях смысл жизни заключен...»»	197
«Ислам и ересь — близнецы, у них один исток...»	199
«Кто ты, пери неземная, с чем тебя сравнить я смог?..»	200
«Лицо ее святой Коран, свидетель в этом бог...»	201
«Мне станет стыдно, если я твой дивный лик сравню с луной...»	202
«С тобой, о Истина моя, наедине мне хорошо...»	203
«Я—есмы сокровище, я то, что всех богатств сильней, имею...»	205
«Тебя провидцем всеблагим все верные сердца назвали...»	207
«Ты чашу Джама потерял, восстань, беспечный, ото сна...»	209
«О, есть ли равная тебе? В огромном мире ты одна...»	211
«Ты нежный бутон мой, бутон мой, бутон...»	212
«Похитительница сердца божеством сотворена...»	213
«Сегодня ночью на пиру разлит был свет иной...»	214
«О, луноликий ангел мой, тобой украшен райский сад...»	

«На лике царственном твоём бог изначальный видел свет...»	215
«Меня с любимой разлучил жестокий небосвод, смотри...»	216
«Счастливец, кто тебя одну и увидал и возлюбил...»	217
«Израилен я стрелой разлук, такая только ты...»	218
«Твой лик, о гурья, — Коран, а щеки — тайный Каф...»	219
«Твое лицо — скрижаль Мусы, гора Синай — твой стан...»	221
«Тот повелитель двух миров, кто сущность Истины постиг...»	222
«Упало покрывало вдруг и засиял твой лунный лик...»	223
«Холодным прахом станет тот, кто чувством к милой не согрет...»	224
«Шахиня, с чем могу сравнить я гиацит твоих кудрей?..»	225
«Я — божий слог, я смысл всего, субстанция времен...»	226
«Я оставляю бренный мир затем, что нету правды в нем...»	227

Переводы О. Ивниской

«С тобой, луноликий, не спорит луна и рядом взойдет — угасает...»	228
«Скорьбь сердцем печальным владеет, когда в нем к любимой влеченье...»	229
«Обитель святая кудрей твоих нам — вмещающим душ наших стала...»	230
«О господи, господи! Солнечный свет любимый мой лик источает!..»	231
«О, друга чело—это божья скрижаль, черты его—строки Корана...»	232
«Только с солнечным восходом солнцеликай обратиться...»	233
«Сребротелый виночерпий нам под огненной пологою...»	234
«Кто на скрижалях дивных черт провидеть сходство с богом смог...»	235
«Тень крыльев Хумая — тень счастья любимые кудри бросают...»	237
«Сопутствует вечное счастье тому, кто близок тебе, дорогая...»	239
«Искусство любви пред аскетом раскрыться не может...»	240
«Как прекрасен любви недуг, знает тот, кто тобой пленен...»	241
«О, как измучались сердца влади от лика твоего...»	242
«Поймет ли того многобожец, кто верит в Единого Бога?..»	243
«Красота любимой нашей нас и мучит и тревожит...»	244
«С молитвою тайною к Богу умей в кабаках обращаться!..»	245
«Вновь явилось ты, Солнце Души, светлый лик покрывалом скрывая...»	246
«Взглянь хмельных твоих глаз пролила, ненаглядная, кровь вина...»	248
«Хотанский мускус твой когда цветник наполнил ароматом...»	249
«Луна моя, за что же снова меня ты стала притеснять?..»	250
«Что кружусь я, как мотылек, над тобой—не открой врагам!..»	251
«Нет прекрасней твоих кудрей, всех других красота — обман...»	252
«Мучений тьму ты каждый миг приносишь сердцу моему!..»	253
«О господи, мой кипарис! Сегодня с кем ты в час ночной?..»	255
«Когда ты выпрямляешь стан — как будто в мире ураган...»	256
«Ты перл творенья, человек, Адам, начало всех начал!..»	257
«Влюбленных много у тебя я среди них не одинок...»	258
«Кто встретил тебя — победитель, увенчанный славой нетленной!..»	259

«Приди, о ты, чья красота так совершенна, так чиста!..»	260
«Коль разумно владеешь ты — красавицу берегись любить!..»	262
«Ежесекундно нам Фазлхакк дает испить вина...»	264
«Тот сад я райским назову, где роза расцвела твоя...»	265

Переводы С. Иванова

«В предвечном мире бытия провидел я любимый лик...»	266
«Пришла весна, весна идет в красе зеленого покрова...»	267
«Светилом счастья озарен над нами небосвод...»	268
«Из пустырей небытия был дух святой на свет явлен...»	270
«Мрак кос твоих—для горемык: он—горький рок несчастным...»	272
«Сравню с луною я твой лик — и тут же гибну от стыда...»	273
«Кто от любви к тебе хмелен, тот пьян и без вина бывает...»	274
«О, кто бы от любимой нам благую весть скорей принес?...»	275
«Челом предвечного сиянья быть лику твоему дано...»	277
«Я за свиданье жизнь отдам — другого не дано!..»	278
«Сердцу, если страсть гнетет, мука боли подобает...»	279
«Когда моя луна взойдет на небосклоне красоты...»	280
«Провидцы истины твой лик красой томящей называют...»	281
«Какая тайна бытия в открытой яви сущей стала...»	282
«Посрамлено тобою солнце — сияньем твоего чела, —»	283
«Что там за диво красоты? Как кипарис, вознесся стан...»	284
«Лучше челом, правдиво говорит...»	285
«Где те друзья, что верно держат слово?...»	287
«Пусть нам из пут твоих кудрей спасенья никогда не будет...»	289
«Свет сердца и светоч взгляда, тобою я очарован...»	291
«Скрыть стремишься свой лик от меня ты,—не надо...»	293
«Страсть к тебе сожгла всю душу, — врач моих невзгод, ты где?...»	294
«Твой лик — Коран, сам дух святой...»	295

Переводы Д. Виноградова

«Жажда встречи с каждым часом возрастает — нет терпенья!..»	296
«Я ли радостей не знаю? По тебе страдаю — радость...»	297
«Твой лик нам полночь озарил небудничным, особым светом...»	298
«Ночь Кадр — и та не так черна в сравненьи с локоном твоим...»	299
«Дерзнувший о твоих кудрях лишь миг один затосковать...»	300
«В море любви я тону — кто мое состояние поймет?...»	302
«На щеках твоих прелестных обрела приют весна...»	303
«Наша чаша в дом питейный увлекает нас умело...»	305
«Над гордой крепостью души красы твоей возреял стяг...»	306
«Красавицы берберской лик твоей красотою посрамлен...»	308
«Луноликий виночерпий, ты подносишь мне бальзам...»	309

«Ты истерзанное сердце подвергашь мукам ада...»	310
«Касанье локона ее когда б я ночью ощутил...»	311
«Где теперь покой мой, пери, где теперь мое терпенье?...»	312
«Благодаря дыханью Фазла мы знаем истины секрет...»	313
«Ты Кылой лик ее избрал—хвала тебе, мой друг!..»	315

Переводы Н. Глазкова

«Красивый лик иной сравнит с луной...»	316
«Тебя сравнивший с розой или лилией...»	317
«Избави бог, чтобы моя душа...»	318
«Пусть те глаза, что не знакомы с ней...»	319
«Склоняются перед тобой священные служители...»	320
«Где о розовом прекрасном кипарисе говорят...»	321
«Те, что слепо выполняют заповеди старины...»	322
«Кто, глядя на тебя, не видит бога...»	323
«Мудрецы себе избрали Кылуу — божий лик...»	324
«Те, что верят, подражая, все от бога далеки...»	325
«Верности не проявила дорога в трудный час...»	326
«Чашница на пир явилась — значит, нужно пить вино...»	327
«Душа не добивалась счастья, не испытал невзгод...»	328
«Мое страдающее сердце — убежище любви моей...»	329
«Почему мое сердце усталое обезумело снова...»	330
«Ждали верности напрасно. Не в характере твоём...»	331
«Где он, тот великодушный, чьим дням нет числа...»	332
«Если приветливо взглянет счастье, как вешний тюльпан...»	333
«Познавшие недуг любви об исцеленье не заботятся...»	334
«Роза, сотней лепестков владея, кудри гиацинтовые имеет...»	335
«С тех пор, как милость бога — желанное явление...»	336

Переводы А. Старостина

«Мы бога существо в самих себе являем...»	339
---	-----

КАСЫДЫ

«Именем владыки всеблагого, что дарит нам милость и покой...»	351
«Та светом полная обитель, благословенный сад...»	356
«Господи, во имя природы твоей, во имя твоего могущества благого!..»	359
«Обитателей всех медресе, ханакахов и обителей прочих, подобных им...»	361
«По миру разлилась божья тайна, был весь мир взволнован, потрясен...»	378

Примечания (Р. М. Алнев)	379
--------------------------	-----

Пояснительный словарь (Р. М. Алнев)	381
-------------------------------------	-----

Художник *А. Гаджиев*
Художественный редактор *Н. Насиров*
Технический редактор *С. Миркишиза*
Корректор *Н. Фидлер*

Слано в набор 25/VIII-1976 г. Подписано к печати
30/XII-1976 г. Формат бумаги 71x108¹/₂. Бум. № 1.
Физ. п. л. 24,75. Условн. п. л. 22,27. Учетн.-изд. л. 10,6.
Заказ № 997. Тираж 10000. Цена 1 руб. 43 коп.

Государственный комитет Совета Министров
Азербайджанской ССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли.

Азербайджанское государственное издательство
Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 4.

Типография им. 26 бакинских комиссаров.
Баку, ул. Али Бабрамова, № 3.

81-18
5-18

1 руб 40 коп.

1
414515